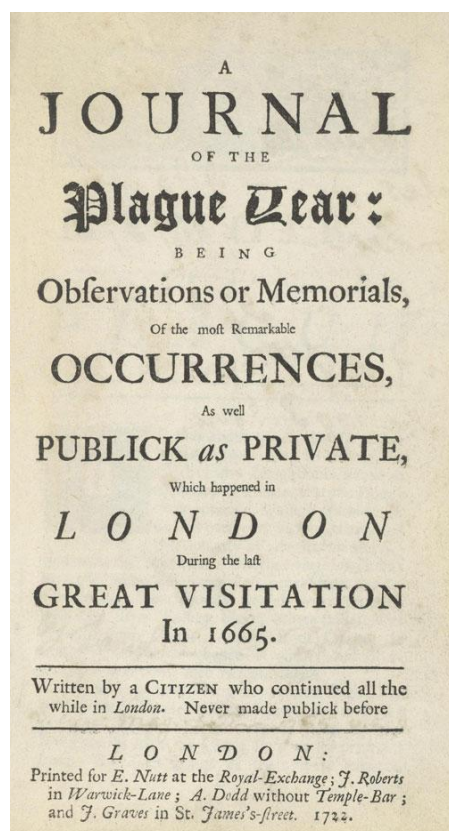

Дневник года чумы, представляющий
собой Наблюдения или Записи о
наиболее примечательных событиях,
как публичных, так и частных, которые
произошли в Лондоне во время
Последней Великой Божьей Кары в
1665 году. Написано гражданином,
Который Все это время находился в
Лондоне

Даниэль Дефо

Электронная книга проекта "Гутенберг" из дневника года чумы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Дневник года чумы

Автор: Даниэль Дефо

Дата выхода: 16 января 2006 г. [Электронная книга №376]

Последнее обновление: 24 июня 2023 г.

Язык: Английский

В титрах: Токуя Мацумото и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА - ДНЕВНИК ГОДА ЧУМЫ" ***

Дневник года чумы

Даниэль Дефо

это Наблюдения или Мемориалы самых замечательных событий, как публичных, *так и* частных, которые произошли в Лондоне во время последней великой Божьей Кары в 1665 году. Написано ГРАЖДАНИНОМ, который все это время находился в *Лондоне*. Никогда ранее не публиковался

Примерно в начале сентября 1664 года я, как и остальные мои соседи, услышал в обычной беседе, что чума снова вернулась в Голландию; ибо она была очень сильной там, и особенно в Амстердаме и Роттердаме, в 1663 году, куда, как говорят, она была завезена, одни говорили из Италии, другие - из Леванта, среди каких-то товаров, которые были доставлены домой турецким флотом; другие говорили, что она была завезена из Кандии; третьи - с Кипра. Не имело значения, откуда он взялся, но все сходились на том, что он снова попал в Голландию.

В те дни у нас не было такой вещи, как печатные газеты, чтобы распространять слухи и сообщения о вещах и улучшать их с помощью человеческого изобретения, как это делалось с тех пор, как я дожил до этого. Но подобные сведения были почерпнуты из писем купцов и других лиц, переписывавшихся за границей, и передавались от них только из уст в уста, так что информация не распространилась мгновенно по всей стране, как это происходит сейчас. Но, похоже, у правительства был правдивый отчет об этом, и было проведено несколько советов о том, как предотвратить его распространение; но все держалось в строжайшем секрете. Поэтому этот слух снова утих, и люди начали забывать о нем как о чем-то, что нас очень мало интересовало, и что, как мы надеялись, было неправдой; до конца ноября или начала декабря 1664 года, когда двое мужчин, предположительно французов, умерли от чумы в Лонг-Акре, или,

скорее, в верхнем конце Друри-Лейн. Семья, в которой они находились, старалась скрывать это, насколько это было возможно, но, поскольку это получило некоторую огласку в разговорах по соседству, государственные секретари узнали об этом; и, чтобы убедиться в истине, двум врачам и хирургу было приказано отправиться в дом и произвести осмотр. Они так и сделали; и, обнаружив явные признаки болезни на обоих телах умерших, публично высказали свое мнение, что они умерли от чумы. После чего они были переданы приходскому клерку, и он также вернул их в Холл; и это было напечатано в еженедельном отчете о смертности обычным способом, таким образом...

Чума, 2. Зараженные приходы, 1.

Люди проявили большую озабоченность по этому поводу и начали тревожиться по всему городу, и тем более потому, что на последней неделе декабря 1664 года в том же доме умер еще один человек от той же болезни. И затем нам снова стало легко примерно на шесть недель, когда никто не умер от каких-либо признаков инфекции, и было сказано, что чумка прошла; но после этого, я думаю, это было примерно 12 февраля, еще один умер в другом доме, но в том же приходе и таким же образом.

Это в значительной степени привлекло внимание людей к этому концу города, и еженедельные отчеты, показывающие увеличение числа похорон в приходе Сент-Джайлс больше, чем обычно, заставили заподозрить, что среди людей в этом конце города была чума и что многие умерли от нее, хотя они позаботились о том, чтобы скрыть это от общественности, насколько это было возможно. Это очень занимало головы людей, и мало кто хотел проходить по Друри-Лейн или другим подозрительным улицам, если только у них не было чрезвычайных дел, которые вынуждали их к этому

Это увеличение счетов было таким: обычное количество похорон в неделю в приходах Сент-Джайлс-ин-Филдс и Сент-Эндрюс, Холборн, составляло от двенадцати до семнадцати или девятнадцати человек в каждом, немногим больше или меньше; но с того времени, как в приходе Сент-Джайлс впервые началась чума, было замечено, что число обычных похорон значительно увеличилось. Например:—

С 27 декабря по 3 января { Сент-Джайлс 16
” { Сент-Эндрюс 17

” 3 января” ” 10 { Сент-Джайлс 12
” { Сент-Эндрюс 25

”10 января” ” 17 { Сент-Джайлс 18
” { Сент-Эндрюс 28

”17 января” ” 24 { Сент-Джайлс 23
” { Сент-Эндрюс 16

”24 января” ” 31 { Сент-Джайлс 24
” { Сент-Эндрюс 15

” 30 января” 7 февраля { Сент-Джайлс 21

” { Сент-Эндрюс 23

” 7 февраля ” ” 14 { Сент-Джайлс 24

Аналогичное увеличение счетов наблюдалось в приходах Сент—Брайд, примыкающих с одной стороны к приходу Холборн, и в приходе Сент-Джеймс, Клеркенуэлл, примыкающем с другой стороны к Холборну; в обоих этих приходах обычное число умерших еженедельно составляло от четырех до шести или восьми, тогда как в то время они увеличивались следующим образом:-

С 20 по 27 декабря { St. Bride's 0
” { St. James 8

” 27 декабря - 3 января { St. Bride's 6
” { St. James 9

” 3 января ” ” 10 { St. Bride's 11
” { St. James 7

” 10 января ” ” 17 { St. Bride's 12
” { St. James 9

” 17 января ” ” 24 { St. Bride's 9
” { St. James 15

” 24 января ” ” 31 { St. Bride's 8
” { St. James 12

” 31 января ” 7 февраля { День Святой Невесты 13
” { День Святого Джеймса 5

” 7 февраля ” ” 14 { День Святой Невесты 12
” { День Святого Джеймса 6

Кроме того, люди с большим беспокойством наблюдали, что еженедельные счета в целом за эти недели очень сильно выросли, хотя это было в то время года, когда обычно счета очень умеренные.

Обычное количество захоронений в сводках смертности за неделю составляло примерно от 240 или около того до 300. Последнее было сочтено довольно высоким счетом; но после этого мы обнаружили, что счета последовательно увеличивались следующим образом:—

Похоронен. Увеличен.

С 20 по 27 декабря 291 ...

” ” 27 - го ” 3 января 349 58

3 - го ” 10 - го ” января 394 45

” ” 10 - го ” 17 - го ” 415 21

Этот последний счет был действительно ужасающим, поскольку было известно, что за неделю, прошедшую с момента предыдущего посещения в 1656 году, было похоронено больше, чем когда-либо.

Однако все это снова пошло наперекосяк, и погода стала холодной, а морозы, начавшиеся в декабре, все еще оставались очень сильными почти до конца февраля, сопровождаемые резкими, хотя и умеренными ветрами, счета снова уменьшились, и город оздоровился, и все начали считать, что опасность почти миновала; вот только количество похорон в Сент-Джайлсе по-прежнему оставалось высоким. Особенно с начала апреля их было по двадцать пять в неделю, до недели с 18-го по 25-е, когда в приходе Сент-Джайлз было похоронено тридцать человек, из которых двое умерли от чумы и восемь - от пятнистой лихорадки, что рассматривалось как одно и то же; точно так же число умерших от пятнистой лихорадки в целом увеличилось, составив восемь недель ранее и двенадцать на вышеназванной неделе.

Это снова встревожило нас всех, и среди людей возникли ужасные опасения, особенно из-за того, что погода теперь изменилась и становится теплее, а лето уже близко. Однако на следующей неделе, казалось, снова появились некоторые надежды; счета были невелики, общее число умерших составило всего 388 человек, чумы не было, а пятнистой лихорадки - всего четверо.

Но на следующей неделе болезнь вернулась снова, и чума распространилась на два или три других прихода, а именно на Сент-Эндрюс, Холборн; Сент-Клемент Дейнс; и, к великому огорчению города, один человек умер в городских стенах, в приходе Сент-Мэри Вулчерч, то есть на Бирбиндер-лейн, недалеко от Фондового рынка; всего там было девять случаев чумы и шесть - пятнистой лихорадки. Однако после расследования было установлено, что француз, умерший на Бирбиндер-лейн, был одним из тех, кто, прожив в Лонг-Акре, недалеко от зараженных домов, переехал из-за страха перед чумой, не зная, что он уже заражен.

Это было начало мая, но погода стояла умеренная, переменчивая и достаточно прохладная, и у людей все еще были какие-то надежды. Что их ободряло, так это то, что город был здоров: во всех девяти семи приходах было похоронено всего пятьдесят четыре человека, и мы начали надеяться, что, поскольку это было в основном среди людей в этом конце города, дальше дело не зайдет; и скорее всего, потому, что на следующей неделе, которая была с 9 по 16 мая, умерло всего трое, из которых ни одного во всем городе или либертиз; а в Сент-Эндрюсе похоронено всего пятнадцать, что было очень мало. Это правда, что Сент-Джайлс похоронил тридцать два человека, но все равно, поскольку чума была всего одна, люди стали спокойнее. Весь счет также был очень низким, так как за неделю до этого счет составлял всего 347, а за неделю, упомянутую выше, всего 343. Мы продолжали тешить себя этими надеждами еще несколько дней, но это длилось недолго, потому что людей больше нельзя было так обманывать; они обыскивали дома и обнаружили, что чума действительно распространилась повсюду и что многие умирали от нее каждый день. Так что теперь все наши оправдания отпали, и скрывать это больше было нельзя; более того, быстро выяснилось, что инфекция распространилась сама по себе, превзойдя все надежды на излечение. Что в приходе Сент-Джайлс болезнь распространилась на несколько улиц, и несколько семей лежали больными все вместе; и, соответственно, в еженедельном счете за следующую неделю эта болезнь начала проявляться.

Действительно, было зафиксировано всего четырнадцать случаев чумы, но все это было мошенничеством и сговором, потому что в приходе Сент-Джайлс всего похоронили сорок человек, из которых, несомненно, большинство умерло от чумы, хотя были зафиксированы и другие болезни; и хотя число всех захоронений не увеличилось более чем на тридцать два, а общий счет составил всего 385, все же было четырнадцать случаев пятнистой лихорадки, а также четырнадцать случаев чумы; и в целом мы сочли само собой разумеющимся, что на той неделе от чумы умерло пятьдесят человек.

Следующий счет был за период с 23 по 30 мая, когда число жертв чумы составило семнадцать. Но захоронений в Сент-Джайлсе было пятьдесят три — ужасающее число! — из которых они констатировали только девять случаев чумы; но при более тщательном обследовании мировыми судьями и по просьбе лорд-мэра было обнаружено, что в этом приходе было еще двадцать человек, которые действительно умерли от чумы, но были диагностированы от пятнистой лихорадки или других чумных заболеваний, не считая других скрытых.

Но это были пустяки по сравнению с тем, что последовало сразу же после; ибо теперь погода установилась жаркая, и с первой недели июня инфекция распространилась ужасным образом, и счета выросли; начали опухать предметы, вызывающие лихорадку, пятнистая лихорадка и зубы; ибо все, что могло скрыть их недуги, делало это для того, чтобы их соседи избегали их и отказывались разговаривать с ними, а также для того, чтобы власти не закрыли их дома; что, хотя еще не практиковалось, все же находилось под угрозой, и люди были чрезвычайно напуганы при мысли об этом.

На второй неделе июня приход Сент-Джайлс, где все еще ощущалась тяжесть инфекции, похоронил 120 человек, из которых, хотя в счетах говорилось всего о шестидесяти восьми случаях чумы, все говорили, что было по меньшей мере 100, если исходить из обычного количества похорон в этом приходе, как указано выше.

До этой недели город оставался свободным, и во всех девяти семи приходах никто не умер, за исключением того единственного француза, о котором я упоминал ранее. Теперь в городе погибло четверо: один на Вуд-стрит, один на Фенчерч-стрит и двое на Крукид-лейн. Саутуорк был полностью свободен, поскольку по ту сторону моря еще ни один человек не погиб.

Я жил за Олдгейт, примерно на полпути между Олдгейтской церковью и барами Уайтчеппла, на левой, или северной стороне улицы; и поскольку эпидемия не добралась до этой части города, наше соседство продолжалось очень спокойно. Но на другом конце города их ужас был очень велик: и люди побогаче, особенно знать и джентри из западной части города, необычным образом толпились за городом со своими семьями и слугами; и это было особенно заметно в Уайтчеппеле; то есть на Широкой улице, где я жил; действительно, ничего не было видно, кроме фургонов и повозок с товарами, женщинами, слугами, детьми и т. Д.; кареты, наполненные людьми лучшего сорта, и сопровождающие их всадники, и все они спешили прочь; затем я увидел, что они едут по улице. появились пустые фургоны и телеги, запасные лошади со слугами, которые, очевидно, возвращались или были посланы из других стран за новыми людьми; кроме того, появилось бесчисленное количество всадников, одни одни, другие со слугами, и, вообще говоря, все они были нагружены багажом и снаряжены для путешествия, как любой мог понять по их внешнему виду.

Это было очень ужасное и меланхоличное зрелище, и поскольку я не мог не любоваться им с утра до ночи (ибо на самом деле больше нечего было видеть), оно наполнило меня очень серьезными мыслями о несчастье, которое надвигалось на город, и о плачевном положении тех, кто в нем останется.

Эта спешка людей была такой в течение нескольких недель, что к дверям лорд-мэра нельзя было подобраться без особого труда; там было такое столпотворение, чтобы получить пропуска и справки о состоянии здоровья для тех, кто выезжал за границу, ибо без них не разрешалось проезжать через города по дороге или останавливаться в какой-либо гостинице. Теперь, поскольку за все это время в городе никто не умер, милорд-мэр без каких-либо затруднений выдал справки о состоянии здоровья всем тем, кто жил в девяноста семи приходах, а также тем, кто какое-то время находился в пределах свободы.

Эта спешка, говорю я, продолжалась несколько недель, то есть весь май и июнь, и тем более потому, что ходили слухи, что будет издан приказ правительства установить на дорогах столбы и заграждения, препятствующие передвижению людей, и что города по дороге не будут пропускать людей из Лондона из опасения занести с собой инфекцию, хотя ни один из этих слухов не имел под собой никаких оснований, кроме как в воображении, особенно поначалу.

Теперь я начал серьезно размышлять сам с собой о своем собственном случае и о том, как мне следует поступить; то есть, должен ли я решить остаться в Лондоне или запереть свой дом и бежать, как поступили многие мои соседи. Я описал это так подробно, потому что не знаю, но это может иметь значение для тех, кто придет после меня, если они окажутся в таком же бедственном положении и таким же образом сделают свой выбор; и поэтому я хочу, чтобы этот отчет мог сойти для них скорее за руководство к действию, чем за историю моих действий, поскольку для них может не иметь ни малейшего значения то, что стало со мной.

Передо мной стояли две важные задачи: первая заключалась в продолжении моего бизнеса и лавки, которые были значительными и на которые было вложено все мое имущество в мире; и вторая заключалась в сохранении моей жизни в условиях столь ужасного бедствия, которое, как я видел, явно надвигалось на весь город и которое, каким бы великим оно ни было, мои страхи, возможно, как и страхи других людей, были намного больше, чем могло быть.

Первое соображение имело для меня большое значение; я был шорником по профессии, и поскольку мои сделки велись в основном не через лавку или случайное ремесло, а среди купцов, торгующих с английскими колониями в Америке, то мое имущество в значительной степени находилось в руках таких людей. Я был холостым человеком, это правда, но у меня была семья слуг, которых я держал на своем предприятии; у меня были дом, лавка и склады, набитые товарами; короче говоря, оставить все это так, как и должно быть оставлено в подобном случае (то есть без какого-либо надсмотрщика или человека, которому можно было бы их доверить), значило рисковать потерей не только своего ремесла, но и своих товаров, да и вообще всего, что у меня было в мире.

В то же время в Лондоне у меня был старший брат, который незадолго до этого приехал из Португалии: и, посоветовавшись с ним, он дал ответ в трех словах, тот же, что был дан в другом, совершенно ином случае, а именно: 'Учитель, спаси себя'. Одним словом, он был за то, чтобы я удалился в деревню, как он решил поступить сам со своей семьей; рассказывая мне то, что он, кажется, слышал за границей, что лучшая подготовка к чуме - это убежать от нее. Что касается

моего довода о потере моего ремесла, моих товаров или долгов, он полностью опроверг меня. Он сказал мне то же самое, что я аргументировал в пользу своего пребывания, а именно, что я доверю Богу свою безопасность и здоровье, было сильнейшим отпором моим претензиям потерять свое ремесло и свои товары; "ибо, - говорит он, - разве не разумно, что вы доверяете Богу возможность или риск потерять свое ремесло, как и то, что вы остаетесь в столь опасной точке и доверяете Ему свою жизнь?"

Я не мог утверждать, что у меня были какие-либо затруднения с выбором места для поездки, поскольку у меня было несколько друзей и родственников в Нортгемптоншире, откуда родом наша семья; и особенно у меня была единственная сестра в Линкольншире, которая очень хотела принять и развлечь меня.

Мой брат, который уже отправил свою жену и двоих детей в Бедфордшир и решил последовать за ними, очень серьезно настаивал на моем отъезде; и я однажды решил удовлетворить его желания, но в то время не мог достать лошадь; ибо, хотя это правда, что не все люди выезжали из лондонского сити, все же я могу рискнуть сказать, что в некотором смысле все лошади выезжали; ибо во всем городе вряд ли можно было купить или нанять лошадь в течение нескольких недель. Однажды я решил отправиться пешком с одним слугой и, как делали многие, не останавливаться на постоялом дворе, а взять с собой солдатскую палатку и так лежать в поле, погода была очень теплая, и никакой опасности простудиться не было. Я говорю "как и многие", потому что в конце концов некоторые так и поступили, особенно те, кто служил в армии на войне, которая не так давно закончилась; и я должен сказать, что, говоря о вторых причинах, если бы большинство путешествовавших людей поступили так, чума не была бы занесена в такое количество провинциальных городов и домов, как это было, к большому ущербу и даже разорению множества людей.

Но затем мой слуга, которого я намеревался забрать с собой, обманул меня; и, испугавшись усиления недуга и не зная, когда я должен уйти, он принял другие меры и оставил меня, так что я был отложен на это время; и, так или иначе, я всегда обнаруживал, что решение об уходе всегда было вызвано тем или иным несчастным случаем, чтобы разочаровать и отложить это снова; и это приводит к истории, которую в противном случае можно было бы счесть ненужным отступлением, а именно о том, что эти разочарования ниспосланы с Небес.

Я упоминаю эту историю также как лучший метод, который я могу посоветовать любому человеку в подобном случае, особенно если он из тех, кто осознает свой долг, и ему было бы указано, что при этом делать, а именно, что он должен следить за конкретными провидениями, которые происходят в это время, и рассматривать их комплексно, поскольку они относятся друг к другу и все вместе рассматривают стоящий перед ним вопрос: и тогда, я думаю, он может смело принять их за намеки с Небес на то, что его неоспоримый долг сделать в таком случае; я имею в виду уход от или оставаться в том месте, где мы живем, когда нас посещает инфекционная чума.

Однажды утром, когда я размышлял об этой конкретной вещи, мне очень тепло пришло в голову, что поскольку ничто не посещает нас без направления или разрешения Божественной Силы, то в этих разочарованиях должно быть что-то экстраординарное; и я должен подумать, не указывало ли это явно или намекало мне, что по воле Небес я не должен уезжать. В моих мыслях сразу же последовало, что если это действительно было от Бога, что я должен остаться, Он был способен эффективно защитить меня посреди всех смертей и опасностей, которые меня

окружали; и что если бы я попытался обезопасить себя, сбежав из своего жилища, и действовал вопреки этим указаниям, которые я считаю Божественными, это было своего рода бегством от Бога, и что Он мог бы заставить Свое правосудие настигнуть меня, когда и где Он сочтет нужным.

Эти мысли снова полностью изменили мое решение, и когда я снова заговорил со своим братом, я сказал ему, что склоняюсь к тому, чтобы остаться и принять свою судьбу на том уровне, на который поставил меня Бог, и что, по-видимому, это стало моим особым долгом из-за того, что я сказал.

Мой брат, хоть и очень религиозный человек сам, смеялся над всем, что я имела предположение о его намек с небес, и рассказал мне несколько историй такой отчаянный человек, как он их называл, а я; что я бы действительно представить, что это рай, если бы я был никак отключены от смуты и болезни, и затем, не будучи в состоянии идти, я должен согласиться на сторону того, кто, побывав мой Создатель, имели бесспорное право на суверенитет, избавляясь от меня, и чтобы потом не было никаких трудностей, чтобы определить, какой был вызов Его промыслу и которое не было; но то, что я должен принимать это как намек свыше, что я должна не выезжать из города, только потому, что я не мог нанять лошадь, чтобы идти, и мой парень был бежать прочь, что было посещать меня, было смешно, поскольку в то время у меня было мое здоровье и конечностей, и других служащих, и может с легкостью путешествовать через день или два пешком, и имея хороший аттестат, будучи в полном здравии, может либо нанять лошадь или занять пост на дороге, как я считал нужным.

Затем он продолжил рассказывать мне о пагубных последствиях, которые сопутствовали самонадеянности турок и магометан в Азии и в других местах, где он бывал (ибо мой брат, будучи купцом, за несколько лет до этого, как я уже заметил, вернулся из-за границы, прибыв последним из Лиссабона), и о том, как, полагаясь на их провозглашаемые представления о предопределении и о том, что конец каждого человека предопределен и неизменно предопределен заранее, они беззаботно отправлялись в зараженные места и беседовали с зараженными людьми, отчего умирали по десять человек. или пятнадцать тысяч в неделю, в то время как европейцы или христианские торговцы, которые держались уединенно и сдержанно, обычно избегали заражения.

После этих рассуждений мой брат снова изменил мое решение, и я начал принимать решение уехать и соответственно все подготовил; ибо, короче говоря, инфекция вокруг меня усилилась, а счета выросли почти до семисот долларов в неделю, и мой брат сказал мне, что больше не рискнет оставаться. Я попросил его дать мне подумать об этом до следующего дня, и я бы решил: и поскольку я уже подготовил все, насколько мог, относительно СВОЕГО бизнеса и того, кому доверить свои дела, мне оставалось только решить.

В тот вечер я вернулся домой очень подавленный, нерешительный и не знающий, что делать. Я выделил этот вечер, чтобы серьезно обдумать его, и был совершенно один; ибо люди уже, так сказать, по общему согласию приняли обычай не выходить на улицу после захода солнца; о причинах этого у меня еще будет возможность рассказать подробнее.

В уединении этим вечером я попытался решить, во-первых, что я должен был сделать, и я изложил доводы, которыми мой брат убеждал меня уехать в деревню, и противопоставил им сильные впечатления, которые у меня были в пользу того, чтобы остаться; видимый призыв,

который, казалось, исходил от особых обстоятельств моего призвания, и заботу, которую я должен был проявлять о сохранности моего имущества, которое было, можно сказать, моим имуществом; также намеки, которые, как я думал, я получил с Небес, которые для меня означали своего рода направление к действию; и мне пришло в голову, что мне казалось, что если бы у меня было то, что я мог бы назвать указанием остаться, я должен был бы предположить, что оно содержало обещание быть сохраненным, если я подчинюсь.

Это было близко ко мне, и мой разум, казалось, все больше и больше поощрял меня остаться, чем когда-либо, и поддерживался тайным удовлетворением от того, что я буду сохранен. Добавьте к этому, что, листая Библию, которая лежала передо мной, и в то время как мои мысли были более чем обычно серьезны по этому вопросу, я воскликнул: "Ну, я не знаю, что делать; Господи, направь меня!" и тому подобное; и в этот момент я случайно перестал листать книгу на девяносто первом псалме и, бросив взгляд на второй стих, я прочел исключительно седьмой стих, а после этого включил десятый, следующий: "Я скажу о Господе: Он - мое прибежище и моя крепость: Боже мой, на Него я уповаю". . Воистину, Он избавит тебя от сети птицелова и от зловонной язвы. Он покроет тебя Своими перьями, и ты будешь уповать на Его крылья; Его истина будет твоим щитом. Ты не будешь бояться ни ночного ужаса, ни стрелы, летящей днем, ни язвы, ходящей во тьме, ни разрушений, происходящих в полдень. Тысяча падет рядом с тобою, и десять тысяч по правую руку от тебя; но это не приблизится к тебе. Только своими глазами ты увидишь награду нечестивых. За то, что ты сделал Господа, который есть прибежище мое, даже Всевышнего, своим жилищем; никакое зло не постигнет тебя, и никакая язва не приблизится к твоему жилищу" и С.

Едва ли мне нужно говорить читателю, что с этого момента я решил остаться в городе и, всецело полагаясь на благость и защиту Всемогущего, не стал бы искать никакого другого убежища; и что, поскольку мое время было в Его руках, Он мог сохранить меня как во время инфекции, так и во время выздоровления; и если Он не счел нужным освободить меня, все же я был в Его руках, и Он должен был поступить со мной так, как Ему казалось нужным.

С этим решением я лег спать; и на следующий день оно еще больше подтвердилось в моей правоте из-за болезни женщины, которой я намеревался доверить свой дом и все свои дела. Но с той же стороны на меня было возложено еще одно обязательство, потому что на следующий день я тоже почувствовал себя очень не в своей тарелке, так что, если бы я хотел уехать, я не мог, и я продолжал болеть три или четыре дня, и это полностью определило мое пребывание; поэтому я простился с моим братом, который уехал в Доркинг, в Суррее, а затем отправился дальше в Бакингемшир или Бедфордшир, в убежище, которое он нашел там для своей семьи.

Это было очень тяжелое время для болезни, потому что, если кто-нибудь жаловался, немедленно говорили, что у него чума; и хотя у меня действительно не было симптомов этой чумы, тем не менее, будучи очень больным, как в голове, так и в желудке, я не без опасения, что действительно заразился; но примерно через три дня мне стало лучше; на третью ночь я хорошо отдохнул, немного вспотел и был значительно освежен. Опасения, что это инфекция, также полностью исчезли вместе с моей болезнью, и я занялся своими обычными делами.

Эти обстоятельства, однако, отбросили все мои мысли о поездке в деревню; к тому же мой брат тоже уехал, и я больше не спорил ни с ним, ни с самим собой на эту тему.

Сейчас была середина июля, и чума, которая в основном свирепствовала на другом конце города и, как я уже говорил ранее, в приходах Сент-Джайлс, Сент-Эндрюс, Холборн и ближе к Вестминстеру, начала продвигаться на восток, в ту часть, где я жил. Действительно, следовало заметить, что он не направился прямо к нам; ибо город, то есть внутри городских стен, все еще был относительно здоров; и тогда он не очень-то проникал по воде в Саутуорк; ибо, хотя на той неделе умерло 1268 человек от всех чумных болезней, из которых, как можно предположить, более 600 умерли от чумы, все же во всем городе, внутри городских стен, было всего двадцать восемь, и только девятнадцать в Саутуорке, включая приход Ламбет; тогда как в приходах Сент-Джайлс и Сент-Мартин-ин-Саутуорк умерло всего двадцать восемь человек. -Одних только Филдсов там погибло 421.

Но мы заметили, что инфекция распространялась главным образом в отдаленных приходах, которые, как я замечу позже, были очень густонаселенными, а также более богаты бедняками, поэтому чума находила больше поводов для заражения, чем в городе. Я говорю, что мы почувствовали, как эпидемия распространилась на наш путь, а именно на приходы Кларкенуэлл, Крипплгейт, Шордич и Бишопсгейт; последние два прихода, присоединенные к Олдгейту, Уайтчепелу и Степни, в конце концов распространили свою крайнюю ярость и насилие в тех краях, даже когда она утихла в западных приходах, где и началась.

Было очень странно наблюдать, что именно на этой неделе, с 4 по 11 июля, когда, как я заметил, только в двух приходах Сент-Мартин и Сент-Джайлс-ин-Филдс от чумы умерло около 400 человек, в приходе Олдгейт умерло всего четверо, в приходе Уайтчепел - трое, в приходе Степни - только один.

Точно так же и за следующую неделю, с 11 по 18 июля, когда счет за неделю шел на 1761 год, во всем Саутуоркском побережье от чумы умерло не более шестнадцати человек. Но вскоре ситуация изменилась, и особенно в приходе Крипплгейт, и в Кларкенуэлле, она начала сгущаться; так что ко второй неделе августа только в приходе Крипплгейт было похоронено 886 человек, а в Кларкенуэлле - 155. Из первых 850 человек вполне могли умереть от чумы; а из последних, как говорилось в самом счете, 145 были от чумы.

В июле месяце, когда, как я уже заметил, наша часть города казалась более защищенной по сравнению с западной, я обычно ходил по улицам, как того требовали мои дела, и, в частности, раз в день или через два дня отправлялся в город, в дом моего брата, который он доверил мне на попечение, и посмотреть, безопасно ли там; и, имея ключ в кармане, я обычно заходил в дом и осматривал большинство комнат, чтобы убедиться, что все в порядке; ибо, хотя это и нечто удивительное, но то, что я был в доме, было правдой. у любого должно быть сердце, настолько ожесточенное посреди такого бедствия, чтобы грабить, и все же несомненно, что всевозможные злодеяния, и даже легкомыслие и разврат, тогда практиковались в городе так же открыто, как и прежде, — я не скажу, что так же часто, потому что количество людей было во многом меньше.

Но теперь начали посещать и сам город, я имею в виду его стены; но количество людей там действительно чрезвычайно уменьшилось из-за того, что такое огромное количество людей уехало за город; и даже весь этот июль они продолжали бежать, хотя и не в таком количестве, как раньше. Действительно, в августе они бежали таким образом, что я начал думать, что в городе действительно не останется никого, кроме магистратов и слуг.

Поскольку теперь они бежали из города, я должен заметить, что Двор удалился рано, а именно в июне месяце, и отправился в Оксфорд, где Богу было угодно сохранить их; и смута, насколько я слышал, даже не коснулась их, за что я не могу сказать, что когда-либо видел, чтобы они выказывали какие-либо признаки благодарности и едва ли что-либо изменилось, хотя они и не хотели, чтобы им говорили, что их вопиющие пороки, о которых можно было бы сказать, не нарушая милосердия, далеко зашли в том, что навлекли этот ужасный суд на всю нацию.

Лицо Лондона теперь действительно странно изменилось: я имею в виду всю массу зданий, город, свободы, пригороды, Вестминстер, Саутуорк и вообще; что касается конкретной части, называемой сити, или внутри городских стен, то она еще не была сильно заражена. Но в целом, я говорю, облик вещей сильно изменился; печаль и уныние читались на каждом лице; и хотя некоторые части еще не были подавлены, все же все выглядели глубоко обеспокоенными; и, поскольку мы видели, что это явно надвигается, каждый считал себя и свою семью в величайшей опасности. Если бы было возможно точно представить те времена тем, кто их не видел, и дать читателю должное представление об ужасе, который повсюду представлялся, это произвело бы должное впечатление на их умы и наполнило бы их удивлением. Можно сказать, что Лондон был весь в слезах; на самом деле скорбящие не ходили по улицам, потому что никто не надевал черное и не шил траурные платья для своих ближайших друзей; но голоса скорбящих были действительно слышны на улицах. Крики женщин и детей у окон и дверей своих домов, где, возможно, умирали или просто умерли их самые дорогие родственники, были так часто слышны, когда мы проходили по улицам, что их было достаточно, чтобы пронзить самое стойкое сердце в мире. Слезы и причитания были замечены почти в каждом доме, особенно в первой части посещения; ибо ближе к концу сердца людей ожесточились, и смерть так постоянно стояла у них перед глазами, что они не так сильно беспокоились о потере своих друзей, ожидая, что их самих призовут в следующий час.

Дела иногда приводили меня на другой конец города, даже когда болезнь была в основном там; и поскольку для меня это было в новинку, как и для всех остальных, было крайне удивительно видеть, что те улицы, которые обычно были так переполнены, теперь опустели, и на них было так мало людей, что если бы я был чужаком и не знал дороги, я мог бы иногда пройти целую улицу (я имею в виду переулки) и не увидеть никого, кто мог бы указать мне дорогу, кроме сторожей, поставленных у дверей таких домов, как были заперты, о чем я сейчас расскажу.

Однажды, когда я был в этой части города по какому-то особому делу, любопытство побудило меня наблюдать за происходящим больше, чем обычно, и я действительно прошел большой путь там, где мне нечего было делать. Я поехал на Холборн, и там улица была полна людей, но они шли посередине главной улицы, ни по той, ни по другой стороне, потому что, как я полагаю, они не хотели смешиваться с кем-либо, кто выходил из домов, или вдыхать запахи из домов, которые могли быть заражены.

Все судебные постоянные дворы были закрыты; не было видно и очень многих юристов из Темпла, линкольнс-Инн или Грейз-Инн. Все были спокойны; для адвокатов не было необходимости; кроме того, это тоже было время каникул, и они, как правило, уезжали за город. Целые ряды домов в некоторых местах были наглухо заперты, все жители разбежались, и остались только один или два сторожа.

Когда я говорю о рядах домов, которые были заперты, я не имею в виду, что они были заперты магистратами, но что огромное количество людей последовало за Судом из-за необходимости

их работы и других зависимостей; и когда другие ушли, действительно напуганные смутой, некоторые улицы были просто опустошены. Но испуг в городе, абстрактно так называемом, был еще не так велик, и особенно потому, что, хотя сначала они были в самом невыразимом ужасе, все же, как я заметил, поначалу смута часто прерывалась, поэтому они были как бы встревожены и снова безоружны, и так несколько раз, пока это не стало для них привычным; и что даже когда это казалось сильным, все же, видя, что это в настоящее время не распространилось на город, или восточную и южную части, люди начали набираться храбрости и, как я могу сказать, быть, немного затвердел. Это правда, что, как я заметил, огромное количество людей бежало, но в основном они были из западной части города, из того, что мы называем сердцем города, то есть из числа самых богатых людей, и таких людей, которые не были обременены ремеслами и бизнесом. Но в остальном большинство осталось и, казалось, пережило худшее; так что в местечке, которое мы называем Либертис, и в пригородах, в Саутурке и в восточной части, таких как Уоппинг, Рэтклифф, Степни, Ротерхит и тому подобных, люди в основном остались, за исключением кое-где нескольких богатых семей, которые, как указано выше, не зависели от своего бизнеса.

Здесь не следует забывать, что город и пригороды были невероятно полны людей во время этого визита, я имею в виду, в то время, когда он начался; ибо, хотя я дожился до того, чтобы увидеть дальнейший рост и огромные толпы людей, оседающих в Лондоне больше, чем когда-либо, все же у нас всегда было представление, что количество людей, которые после окончания войн, расформирования армий и восстановления королевской семьи и монархии стекались в Лондон, чтобы заняться бизнесом или зависеть от Двора и посещать его в обмен на вознаграждение за услуги, преференции и тому подобное, было таково, что, по подсчетам, в городе проживало более ста тысяч человек, больше, чем когда-либо в нем проживало прежде; более того, некоторые осмеливались утверждать, что их было вдвое больше, потому что сюда стекались все разорившиеся семьи королевской свиты. Все старые солдаты открыли здесь свое ремесло, и множество семей поселилось здесь. Опять же, Двор принес с собой большой приток гордости и новых мод. Все люди росли веселыми и роскошными, и радость от Реставрации привлекла в Лондон огромное количество семей.

Я часто думал, что подобно тому, как Иерусалим был осажден римлянами, когда евреи собрались вместе, чтобы отпраздновать Пасху, — что означает, что там было застигнуто врасплох невероятное количество людей, которые в противном случае были бы в других странах, — так и чума проникла в Лондон, когда в силу вышеназванных особых обстоятельств время от времени происходило невероятное увеличение числа людей. Поскольку этот приток народа к молодому и веселому Двору способствовал оживлению торговли в городе, особенно всем, что относилось к моде и нарядам, вследствие этого это привлекло большое количество рабочих, фабрикантов и тому подобного, в основном бедных людей, зависевших от их труда. И я, в частности, помню, что в представлении милорду мэру о положении бедняков было подсчитано, что в городе и его окрестностях насчитывалось не менее ста тысяч ткачей-ленточников, наибольшее количество которых проживало тогда в приходах Шордич, Степни, Уайтчепел и Бишопсгейт, то есть около Спиталфилдса; то есть таким, каким был тогда Спиталфилдс, поскольку он был на одну пятую меньше нынешнего.

По этому, однако, можно судить о количестве людей в целом; и, действительно, я часто удивлялся, что после того огромного количества людей, которые ушли поначалу, все еще оставалось такое огромное множество, каким оно казалось.

Но я должен снова вернуться к началу этого удивительного времени. Пока страхи людей были молоды, они странным образом усилились из-за нескольких странных происшествий, которые, в совокупности, были действительно чудом, что весь народ не восстал как один человек и не покинул свои жилища, оставив это место как пространство земли, предназначенное Небесами для Акелдамы, обреченное быть уничтоженным с лица земли, и что все, что можно было бы найти на нем, погибло бы вместе с ним. Я назову лишь некоторые из этих вещей; но, конечно, их было так много, и так много волшебников и хитрых людей распространяли их, что я часто задавался вопросом, остались ли какие-нибудь (особенно женщины) после этого.

Во-первых, пылающая звезда или комета появлялась за несколько месяцев до чумы, как и год за годом, незадолго до пожара. Старухи и флегматичная ипохондрическая часть противоположного пола, которых я тоже почти мог назвать старухами, заметили (особенно позже, хотя и не раньше, чем были вынесены оба приговора), что эти две кометы прошли прямо над городом, и так близко от домов, что было ясно, что они привезли что-то особенное только для города; что комета перед эпидемией была бледного, тусклого, вялого цвета, а ее движение было очень тяжелым, торжественным и медленным; но что комета перед пожаром была яркой и искрящейся, или, как говорили другие, она была слабой. пылающий, и его движение быстрое и яростное; и что, соответственно, один предсказывал тяжкий суд, медленный, но суровый, ужасный и устрашающий, каким была чума; но другой предсказывал удар, внезапный, стремительный и огненный, как пожар. Более того, некоторые люди были настолько внимательны, что, когда они смотрели на эту комету, предшествовавшую пожару, им казалось, что они не только видели, как она пролетела быстро и яростно, и могли уловить движение своим глазом, но даже слышали это; что она производила стремительный, могучий шум, яростный и ужасный, хотя и на расстоянии, но едва различимый.

Я видел обе эти звезды, и, должен признаться, у меня в голове сложилось такое распространенное представление о подобных вещах, что я был склонен рассматривать их как предвестников и предупреждения Божьих судов; и особенно когда после того, как за первой чумой последовала другая, похожая, я не мог не сказать, что Бог еще недостаточно наказал город.

Но я не мог в то же время возносить эти вещи на ту высоту, на которую это делали другие, зная также, что астрономы устанавливают естественные причины таких явлений и что их движения и даже вращения рассчитаны или притворяются рассчитанными, так что их нельзя с такой точностью назвать предвестниками или предсказательницами, а тем более распорядителями таких событий, как эпидемия, война, пожар и тому подобное.

Но пусть мои мысли и мысли философов будут или были такими, какими они пожелают, эти события оказали более чем обычное влияние на умы простых людей, и у них возникли почти всеобщие печальные опасения по поводу какого-то ужасного бедствия и кары, надвигающейся на город; и это главным образом из-за вида этой кометы и небольшой тревоги, которую вызвали в декабре два человека, умершие в больнице Святого Джайлса, как указано выше.

Опасения людей также странным образом усилились из-за заблуждений того времени; в которое, я думаю, люди, по какому принципу, я не могу себе представить, были более зависимы от пророчеств и астрологических заклинаний, снов и бабушкиных сказок, чем когда-либо до или после. Был ли этот недовольный настрой изначально вызван безрассудством некоторых людей, которые зарабатывали на этом деньги, то есть печатали предсказания — я не знаю; но

несомненно, что их ужасно пугали книги, такие как "Альманах Лилли", "Астрологические предсказания Гэдбери", "Альманах бедного Робина" и тому подобное; также несколько притворных религиозных книг, одна из которых называлась "Выйди из нее, народ мой, чтобы не стать участником ее язв"; другая называлась "Справедливое предупреждение"; другая "Британский летописец"; и многие подобные, все или большинство часть из которых предсказывала, прямо или скрыто, разрушение города. Более того, некоторые были настолько смелы, что бегали по улицам со своими устными предсказаниями, притворяясь, что их послали проповедовать городу; и особенно один, который, подобно Ионе в Ниневии, кричал на улицах: 'Еще сорок дней, и Лондон будет разрушен'. Я не буду уверен, сказал ли он "еще сорок дней" или "еще несколько дней". Другой бегал голый, если не считать пары подштанников на поясе, плача день и ночь, как человек, о котором упоминает Иосиф Флавий, который воскликнул: 'Горе Иерусалиму!' незадолго до разрушения этого города. Итак, это бедное обнаженное создание воскликнуло: 'О, великий и ужасный Бог!' - и больше ничего не сказало, но постоянно повторяло эти слова голосом и лицом, полными ужаса, ускоряя шаг; и никто никогда не мог найти его, чтобы остановиться, или отдохнуть, или принять какую-либо пищу, по крайней мере, насколько я мог слышать. Я несколько раз встречал это бедное создание на улицах и хотел заговорить с ним, но он не желал вступать в разговор ни со мной, ни с кем другим, а постоянно продолжал жалобно вопить.

Эти события приводили людей в ужас до последней степени, особенно когда два или три раза, как я уже упоминал, они находили одного или двух умерших от чумы в больнице Святого Джайлса.

Рядом с этими публичными вещами стояли сны старых женщин, или, я бы сказал, толкования старых женщин снов других людей; и это сводило многих людей с ума. Некоторые слышали голоса, предупреждавшие их, чтобы они уезжали, потому что в Лондоне будет такая чума, что живые не смогут похоронить мертвых. Другие видели призраков в воздухе; и мне должно быть позволено сказать об обоих, надеюсь, не нарушая милосердия, что они слышали голоса, которые никогда не произносились, и видели зрелища, которые никогда не появлялись; но воображение людей было действительно своенравным и одержимым. И неудивительно, если те, кто постоянно вглядывался в облака, видели очертания, представления и видимости, в которых не было ничего, кроме воздуха и пара. Здесь они рассказали нам, что видели пылающий меч, который держали в руке, выходящий из облака, острие которого висело прямо над городом; там они видели катафалки и гробы в воздухе, которые везли для погребения; и там снова груды мертвых тел, лежащих непогребенными, и тому подобное, точно так же, как воображение бедных, перепуганных людей снабдило их материалом для работы.

Так ипохондрические фантазии представляют
Корабли, армии, сражения на небесном своде;
Пока глаза не успокоятся, выдохи растворяются,
И все до своей первой материи, облака, растворяются.

Я мог бы дополнить этот отчет странными рассказами таких людей о том, что они видели каждый день; и каждый был настолько уверен в том, что видел то, на что претендовал, что противоречил им, не нарушая дружбы или не считаясь грубым и невежливым, с одной стороны, и нечестивым и непроницаемым - с другой. Однажды, еще до начала чумы (не так, как я уже говорил в Сент-Джайлсе), я думаю, это было в марте, увидев толпу людей на улице, я

присоединился к ним, чтобы удовлетворить свое любопытство, и обнаружил, что все они смотрят в воздух, чтобы увидеть то, что, по словам женщины, показалось им очевидным: ангела, облаченного в белое, с огненным мечом в руке, размахивающего им над головой. Она описала каждую деталь фигуры для журнала life, показала им движение и форму, и бедняги прониклись этим с таким рвением и с такой готовностью; 'Да, я вижу все это ясно, - говорит один. - Вот меч, настолько ясно, насколько это возможно'. Другой увидел ангела. Кто-то видел само его лицо и восклицал, каким славным созданием он был! Кто-то видел одно, а кто-то другое. Я смотрел так же внимательно, как и остальные, но, возможно, не с такой готовностью поддаваться на уговоры; и я действительно сказал, что не вижу ничего, кроме белого облака, яркого с одной стороны от сияния солнца с другой. Женщина пыталась показать это мне, но не смогла заставить меня признаться, что я это видел, а если бы и видел, то, должно быть, солгал. Но женщина, повернувшись ко мне, посмотрела мне в лицо, и ей показалось, что я рассмеялся, в чем ее воображение тоже обмануло ее, потому что на самом деле я не смеялся, а очень серьезно размышлял о том, как бедные люди были напуганы силой своего собственного воображения. Однако она отвернулась от меня, назвала нечестивцем и насмешником; сказала мне, что настало время Божьего гнева, и приближаются ужасные суды, и что такие презирующие, как я, будут скитаться и погибнут.

Люди вокруг нее, казалось, испытывали такое же отвращение, как и она сама; и я обнаружил, что их невозможно убедить в том, что я не смеюсь над ними, и что они скорее окружают меня толпой, чем смогут разубедить их. Итак, я оставил их; и это явление показалось мне таким же реальным, как сама пылающая звезда.

Еще одна встреча произошла со мной также под открытым небом; и это было, когда я шел по узкому проходу из Петти-Франс на кладбище Бишопсгейтской церкви мимо ряда богаделен. Рядом с Бишопсгейтской церковью или приходом есть два церковных двора; один мы переходим, чтобы пройти от места, называемого Петти Франс, на Бишопсгейт-стрит, выходя сразу за церковными дверями; другой находится со стороны узкого прохода, где слева находятся богадельни; справа - стена карликов с частоколом, а с другой стороны, правее, городская стена.

В этом узком проходе стоит человек и смотрит сквозь частокол на место захоронения, и столько людей, сколько узость прохода позволила бы им остановиться, не мешая проходу других, и он очень оживленно разговаривал с ними, указывая то на одно место, то на другое, и утверждая, что видел призрака, ступающего по такому-то надгробию там. Он описал форму, позу и движение этого предмета так точно, что для него было величайшим изумлением в мире то, что никто не видел его так хорошо, как он. Внезапно он восклицал: 'Вот оно, теперь оно идет сюда'. Затем "Все повернулось вспять"; пока, наконец, он не убедил людей в этом настолько твердо, что одному показалось, что он это видел, а другому, что он это видел; и таким образом он приходил каждый день, производя странный шум, учитывая, что это происходило в таком узком проходе, пока часы на Бишопсгейте не пробивали одиннадцать, и тогда призрак, казалось, вздрагивал и, как будто его звали, внезапно исчезал.

Я внимательно смотрел по сторонам, и в тот самый момент, когда этот человек указывал, но не мог разглядеть ни малейшего подобия чего-либо; но этот бедняга был настолько уверен в себе, что он в изобилии напоил людей парами и отослал их прочь, дрожа и напуганных, пока,

наконец, мало кто из знавших об этом людей захотел пройти по этому проходу, и вряд ли кто-нибудь ночью, в любом случае.

Этот призрак, как утверждал бедняк, делал знаки домам, земле и людям, явно намекая, или же они так это понимали, что многие люди должны прийти, чтобы быть похороненными на этом кладбище, что и произошло на самом деле; но в то, что он видел такие аспекты, я должен признать, я никогда не верил, да и сам ничего подобного увидеть не мог, хотя я очень старался увидеть это, если возможно.

Эти события показывают, до какой степени люди действительно были охвачены иллюзиями; и поскольку у них было представление о приближении посещения, все их предсказания касались самой ужасной чумы, которая опустошит весь город и даже королевство и уничтожит почти всю нацию, как людей, так и скот.

К этому, как я уже говорил, астрологи добавили истории о соединениях планет злонамеренным образом и с пагубным влиянием, одно из которых должно было произойти и действительно произошло в октябре, а другое - в ноябре; и они забили головы людей предсказаниями по этим небесным знакам, намекая, что эти соединения предсказывают засуху, голод и мор. Однако в двух первых из них они совершенно ошиблись, ибо у нас не было засушливого сезона, но в начале года были сильные морозы, которые продолжались почти с декабря по март, а после этого установилась умеренная погода, скорее теплая, чем жаркая, с освежающими ветрами, короче говоря, очень подходящая для сезона погода, а также несколько очень сильных дождей.

Были предприняты некоторые попытки пресечь печатание таких книг, которые наводили ужас на людей, и напугать тех, кто их распространял, некоторые из которых были арестованы; но, как мне сообщили, ничего не было сделано, поскольку правительство не желало раздражать людей, которые, как я могу сказать, и без того были не в себе.

Я также не могу оправдать тех служителей, которые в своих проповедях скорее опускали, чем возвышали сердца своих слушателей. Многие из них, без сомнения, сделали это для укрепления решимости людей, и особенно для того, чтобы побудить их к покаянию, но это определенно не соответствовало их цели, по крайней мере, не пропорционально ущербу, который это нанесло другим способом; и действительно, поскольку Сам Бог через все Священное Писание скорее привлекает к Себе приглашениями и призывами обратиться к Нему и жить, чем повергает нас в ужас и изумление, я должен признаться, я думал, что служители должны были поступить так же, подражая нашему благословенному Господу и Наставнику в том, что все Его Евангелие полно заявлений с небес о Божьей милости и Его готовности принять кающихся и прощать их, жалуюсь: "Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь", и что поэтому Его Евангелие называется Евангелием Мира и Евангелием Благодати.

Но у нас было несколько хороших людей, причем всех убеждений и мнений, чьи речи были полны ужаса, которые не говорили ничего, кроме мрачных вещей; и поскольку они приводили людей в своего рода ужас, они отсылали их прочь в слезах, пророчествуя только дурные вести, пугая людей опасениями быть полностью уничтоженными, не направляя их, по крайней мере, недостаточно, чтобы взывать к небесам о милосердии.

Это было, действительно, время очень печальных разногласий между нами в вопросах религии. Среди людей преобладали бесчисленные секты, разногласия и отдельные мнения. Англиканская церковь действительно была восстановлена с восстановлением монархии около

четырёх лет назад; но служители и проповедники пресвитериан и независимых, а также всех других профессий начали собирать отдельные общества и возводить алтарь против алтаря, и все они проводили свои собрания для богослужения порознь, как сейчас, но тогда их было не так много, раскольники не были полностью сформированы в единое целое, как сейчас; и тех конгрегаций, которые были собраны таким образом вместе, было еще немного. И даже те, которые были, правительство не разрешало, но пыталось подавить их и прекратить их собрания.

Но это посещение снова примирило их, по крайней мере на время, и многим из лучших и наиболее ценных служителей и проповедников раскольников было позволено войти в церкви, где служители бежали, как и многие, не выдержав этого; и люди стекались без различия послушать их проповеди, не особо интересуясь, кого или какого мнения они придерживаются. Но после того, как болезнь закончилась, этот дух милосердия улегся; и каждая церковь снова получила своих собственных служителей или других, представленных там, где служитель умер, и все снова вернулось в прежнее русло.

Одна беда всегда влечет за собой другую. Эти страхи и опасения людей толкали их на тысячи слабых, глупых и порочных поступков, на которые они не хотели, чтобы их поощряли по-настоящему порочные люди: и это были беготни к гадалкам, хитрецам и астрологам, чтобы узнать свою судьбу, или, как это вульгарно выражается, чтобы им предсказали их судьбу, рассчитали их происхождение и тому подобное; и эта глупость вскоре заставила город кишеть порочным поколением претендентов на магию, на черное искусство, как они это называли, и я не знаю, как еще; более того, к тысяче худших сделок с дьяволом, в которых они были действительно виновны. И эта торговля стала настолько открытой и широко практиковалась, что стало обычным делом вешать на двери таблички: "Здесь живет гадалка", "Здесь живет астролог", "Здесь вы можете рассчитать свое рождение" и тому подобное; а медную голову брата Бэкона, которая была обычным знаком жилищ этих людей, можно было увидеть почти на каждой улице, или же вывеску матушки Шиптон, или голову Мерлина, и тому подобное.

Какими слепыми, абсурдными и нелепыми вещами эти дьявольские оракулы радовали и удовлетворяли людей, я действительно не знаю, но уверен, что бесчисленные слуги толпились у их дверей каждый день. И если бы только серьезный человек в бархатной куртке, оркестре и черном сюртуке, в котором обычно ходили эти шарлатаны-фокусники, был замечен на улицах, люди толпами следовали бы за ними и задавали им вопросы на ходу.

Мне нет нужды упоминать, каким ужасным наваждением это было и к чему вело; но от него не было лекарства, пока сама чума не положила всему этому конец - и, я полагаю, не очистила город от большинства этих вычислителей. Одна из неприятностей заключалась в том, что если бедняки спрашивали этих фальшивых астрологов, будет ли чума или нет, все они в целом соглашались ответить 'Да', поскольку это поддерживало их торговлю. И если бы людей не держали в страхе из-за этого, волшебники вскоре стали бы бесполезны, и их ремеслу пришел бы конец. Но они всегда говорили с ними о таких-то влияниях звезд, о соединениях таких-то планет, которые обязательно должны приносить болезни и смуты, а следовательно, и чуму. И у некоторых хватило уверенности сказать им, что чума уже началась, что было слишком правдиво, хотя те, кто так говорил, ничего не знали об этом.

Священники, надо отдать им справедливость, и проповедники самого разного толка, которые были серьезными и понимающими людьми, громко выступали против этих и других порочных практик и разоблачали их глупость, а также порочность вместе взятые, и самые трезвые и

рассудительные люди презирали и отвращались от них. Но произвести какое-либо впечатление на середняков и трудящуюся бедноту было невозможно. Их страхи преобладали над всеми их страстями, и они самым рассеянным образом выбрасывали свои деньги на эти прихоти. Горничные, в особенности слуги-мужчины, были главными среди их клиентов, и обычно после первого требования они спрашивали: "Будет ли чума?" Я говорю, следующий вопрос был: "О, сэр, ради Бога, что со мной будет? Моя любовница оставит меня у себя или прогонит?" Останется ли она здесь или уедет в деревню? А если она уедет в деревню, возьмет ли она меня с собой или оставит здесь умирать с голоду и погибать?" И тому подобное с мужскими слугами.

Правда в том, что положение бедных слуг было очень плачевным, о чем у меня еще будет возможность упомянуть, поскольку было очевидно, что огромному числу из них будет отказано, и так оно и было. И из них погибло множество, и особенно из тех, кого эти лжепророки тешили надеждами, что они продолжат свое служение и будут увезены со своими хозяевами и любовницами в деревню; и если бы общественная благотворительность не оказывала помощи этим бедным созданиям, число которых было чрезвычайно велико и во всех случаях такого рода должно быть так, они были бы в худшем положении из всех людей в городе.

Эти события будоражили умы простых людей в течение многих месяцев, пока у них были первые опасения и пока чума, можно сказать, еще не разразилась. Но я также не должен забывать, что более серьезная часть жителей вела себя по-другому. Правительство поощряло их набожность и назначало публичные молитвы и дни поста и унижения, чтобы они публично исповедовались в грехах и молили милость Божью предотвратить страшный суд, нависший над их головами; и не передать словами, с какой готовностью люди всех убеждений восприняли это событие; как они стекались в церкви и на собрания, и все они были настолько переполнены, что часто невозможно было подойти близко, нет, не к самым дверям самых больших церквей. Также были назначены ежедневные молитвы утром и вечером в нескольких церквях и дни частных молитв в других местах; на всех этих молитвах люди присутствовали, я говорю, с необычайной преданностью. Несколько частных семей также, придерживаясь как того, так и другого мнения, соблюдали семейные посты, к которым допускали только своих ближайших родственников. Так что, одним словом, те люди, которые были действительно серьезными и религиозными, применяли себя истинно по-христиански к надлежащей работе покаяния и унижения, как и подобает христианскому народу.

Опять же, публика показала, что она внесет свою лепту в эти события; сам Двор, который тогда был веселым и роскошным, изобразил справедливую озабоченность общественной опасностью. Все пьесы и интермедии, которые по обычаю французского двора были поставлены и начали распространяться среди нас, были запрещены к показу; игорные столы, общественные танцевальные залы и музыкальные дома, которые множились и начали портить нравы народа, были закрыты и запрещены; а джекпоты, мерри-эндрю, кукольные представления, канатоходцы и тому подобные развлечения, которые очаровывали бедный простой люд, закрыли свои лавки, не находя себе занятия; ибо умы людей были искажены. взволнованный другими вещами, и своего рода печаль и ужас перед этими вещами читались на лицах даже простых людей. Смерть была у них перед глазами, и все начали думать о своих могилах, а не о веселье и развлечениях.

Но даже эти полезные размышления—что, справедливо удалось, придется самой счастливо вел народ упал на колени, исповедаться в своих грехах, и посмотреть их милосердного Спасителя о

помиловании, умоляя его сострадание на них в такое время о своей беде, с помощью которых мы могли бы в качестве второго Ниневи—была совершенно противоположное крайнее в простонародье, которые, невежественный и глупый в своих размышлениях, как они были brutishly злое и бездумное прежде, теперь главе со своим испугом в крайности юродства; и, как я уже сказал, что они побежали, чтобы чародеи и ведьмы, и всякие обманщики, чтобы знать, что должно стать их (кто кормил их страхи, и держали их всегда настораживали и проснулась нарочно, чтобы обманывать их и забрать свои карманы), так они как с ума после их выполнения и после шарлатаны и жулики, и каждый практикующий старуха, на лекарственные препараты и средства; хранить себя такого множества таблеток, микстур, и консерванты, как они называются, что они не только потратили свое время, деньги, но даже отравиться заранее сами, опасаясь яда инфекции; и приготовили свои тела от чумы, вместо того, чтобы сохранить их от него. С другой стороны, невероятно и трудно себе представить, как столбы домов и углы улиц были обклеены счетами от врачей и бумагами невежественных людей, которые шарлатанили и подтасовывали лекарства и приглашали людей прийти к ним за лекарствами, что обычно подчеркивалось такими расцветками, как эти, а именно: 'Безошибочные профилактические пилюли против чумы'. 'Неиссякаемые консерванты против инфекции'. 'Превосходные средства против порчи воздуха'. 'Точные инструкции по поведению с телом в случае инфекции'. 'Противочумные пилюли'. 'Несравненный напиток против чумы, ранее неизвестный'. 'Универсальное средство от чумы'. "Единственная настоящая вода от чумы". "Королевское противоядие от всех видов заразы"; — и еще столько всего, что я не могу сосчитать; и если бы я мог, заполнил бы ими целую книгу, чтобы записать их.

Другие выставляют счета, чтобы вызывать людей к себе домой за указаниями и советами в случае заражения. У них также были благовидные названия, такие как эти:—

- Выдающийся врач из Верхней Голландии, недавно приехавший из Голландии, где он проживал все время великой чумы в Амстердаме в прошлом году и вылечил множество людей, которые действительно были поражены чумой.

"Итальянская аристократка, только что приехавшая из Неаполя, обладающая секретом выбора для предотвращения заражения, который она узнала на своем большом опыте и с его помощью чудесно лечила там от поздней чумы, когда за один день умерло 20 000 человек".

'Пожилая леди, с большим успехом практиковавшаяся во время последней эпидемии чумы в этом городе в 1636 году, дает свои советы только женскому полу. Чтобы с тобой поговорили" и т. Д.

'Опытный врач, который долгое время изучал доктрину противоядий от всех видов ядов и инфекций, после сорока лет практики достиг такого мастерства, что может, с Божьего благословения, указывать людям, как предотвратить заражение их какой бы то ни было заразной болезнью. Он руководит бедняками бесплатно.

Я обращаю на них внимание в качестве образцов. Я мог бы привести вам две или три дюжины подобных и все же оставить после себя изобилие. Этого достаточно, чтобы любой понял юмор тех времен и то, как шайка воров и карманников не только отнимала у бедных людей их деньги обманом, но и отравляла их тела отвратительными и смертельными препаратами; некоторые - ртутью, а некоторые - другими столь же вредными веществами, совершенно далекими от того, на что претендуют, и скорее вредными, чем полезными для организма в случае заражения.

Я не могу не отметить ловкость одного из тех шарлатанов, с помощью которой он обманывал бедных людей, заставляя их толпиться вокруг него, но ничего не делал для них без денег. Кажется, он добавил к своим рекламным объявлениям, которые распространял на улицах, это объявление заглавными буквами, а именно: "Он дает советы бедным бесплатно".

Соответственно, к нему приходило множество бедных людей, которым он произносил множество прекрасных речей, расспрашивал их о состоянии их здоровья и строении их тел и советовал им делать много полезных вещей, которые не имели большого значения. Но результатом и заключением всего этого было то, что у него был препарат, который, если бы они принимали такое количество каждое утро, он бы заложил свою жизнь, что у них никогда не было бы чумы; нет, хотя они жили в доме с инфицированными людьми. Это заставило всех людей решиться приобрести его; но тогда цена этого была такой высокой, что, я думаю, это было полкроны. 'Но, сэр, ' говорит одна бедная женщина, ' я раздаю милостыню бедным и нахожусь на содержании прихода, а в ваших счетах сказано, что вы оказываете бедным свою помощь бесплатно'. 'Да, добрая женщина, ' говорит доктор, ' я так и делаю, поскольку опубликовал там статью. Я даю свой совет бедным бесплатно, но не свое лекарство'. 'Увы, сэр! - говорит она. - Тогда это ловушка, расставленная для бедных; потому что вы даете им советы бесплатно; то есть вы советуете им бесплатно покупать ваше лекарство за их деньги; так поступает каждый лавочник со своим товаром". Тут женщина начала ругать его и весь тот день простояла у его двери, рассказывая свою историю всем приходившим людям, пока доктор, обнаружив, что она прогоняет его клиентов, не был вынужден снова позвать ее наверх и отдать ей свою коробочку с лекарством даром, которая, возможно, тоже ни на что не годилась, когда она была у нее.

Но вернемся к людям, заблуждения которых позволяли навязывать их всевозможным притворщикам и всякому шарлатану. Нет сомнения, что эти шарлатаны извлекали большую выгоду из несчастных людей, ибо мы ежедневно обнаруживали, что толпы, которые бежали за ними, были бесконечно больше, и у их дверей было больше народу, чем у дверей доктора Брукса, доктора Аптона, доктора Ходжеса, доктора Бервика или любого другого, пусть даже самого известного человека того времени. И мне сказали, что некоторые из них набирали по пять фунтов в день благодаря своим лекарствам.

Но помимо всего этого было еще одно безумие, которое может дать представление об отвлеченном настроении бедных людей в то время: и это было то, что они следовали за обманщиками худшего сорта, чем любой из этих; ибо эти мелкие воришки вводили их в заблуждение только для того, чтобы обчистить их карманы и завладеть их деньгами, в чем бы ни заключалась их злоба, в основном на стороне обманщиков, а не на стороне обманутых. Но в этой части, которую я собираюсь упомянуть, причина заключалась главным образом в обманутых людях, или в равной степени в обоих; и это было в ношении амулетов, снадобий, заклинаний нечистой силы, амулетов и, я не знаю, каких приготовлений, чтобы укрепить ими тело против чумы; как будто чума была не рукой Божьей, а своего рода одержимостью злым духом, и что от нее нужно было защищаться перекрестиями, знаками зодиака, бумагами, завязанными таким количеством узлов, и определенными словами или цифрами, написанными на них, в частности словом "Абракадабра". , образованный треугольником или пирамидой, таким образом:—

АБРАКАДАБРА

АБРАКАДАБРА На других были иезуитские
знаки АБРАКАДАБРЫ в виде креста:

АБРАКАДА Я Ч

АБРАКАД С.

АБРАКА

Не указывайте другим ничего, кроме этого
знака АВРА, таким образом:

АВR

АВ * *

А{*}

Я мог бы потратить много времени на свои восклицания против безумия и даже порочности этих вещей во времена такой опасности, в связи с такими последствиями, как это, национальной инфекции. Но мои меморандумы об этих вещах касаются скорее того, чтобы обратить внимание только на факт и упомянуть только то, что это было так. О том, как бедняки обнаружили недостаточность этих вещей, и о том, скольких из них впоследствии увезли на телегах для перевозки трупов и бросили в общие могилы каждого прихода с этими адскими амулетами и безделушками, висящими у них на шеях, еще предстоит поговорить по ходу дела.

Все это было следствием спешки, в которой находились люди после того, как среди них появилось первое представление о приближении чумы, и можно сказать, что это произошло примерно с Михайлова дня 1664 года, но более конкретно после того, как двое мужчин умерли в Сент-Джайлсе в начале декабря; и снова, после очередной тревоги в феврале. Ибо, когда чума, очевидно, распространилась сама по себе, они вскоре начали понимать, насколько глупо доверять этим бездарным существам, которые обманом лишили их денег; и тогда их страхи проявились по-другому, а именно, в изумлении и глупости, в незнании, какой курс избрать или что сделать, чтобы помочь или облегчиться. Но они бегали от дома одного соседа к другому и даже по улицам, от одной двери к другой, с повторяющимися криками: 'Господи, помилуй нас! Что нам делать?'

Действительно, бедных людей следовало пожалеть в одной конкретной вещи, которая принесла им мало облегчения или вообще не принесла его, и о которой я хочу упомянуть с серьезным благоговением и размышлениями, которые, возможно, не понравятся каждому, кто читает это, а именно: в то время как смерть теперь начала не только, как мы могли бы сказать, нависать над головой каждого, но и заглядывать в их дома и покои и заглядывать им в лица. Хотя могла быть некоторая глупость и притупленность ума (а таковых было немало), все же было много справедливой тревоги, звучавшей в самых сокровенных душах, если можно так выразиться, других людей. У многих пробудилась совесть; многие ожесточенные сердца расплакались; многие покаянно признались в преступлениях, которые долго скрывали. Душа любого христианина была бы ранена, если бы он услышал предсмертные стоны многих отчаявшихся существ, и никто не осмелился приблизиться, чтобы утешить их. Во многих ограблениях, во многих убийствах тогда признавались вслух, и никто не выжил, чтобы записать рассказы об этом. Было слышно, как люди, даже на улицах, по которым мы проходили, взывали к Богу о милосердии через Иисуса Христа и говорили: 'Я был вором', 'Я был прелюбодеем', 'Я был убийцей' и тому подобное, и никто не осмеливался остановиться, чтобы хотя бы

расспросить о таких вещах или утешить бедных созданий, которые так вопияли в муках души и тела. Некоторые из служителей действительно навещали больных поначалу и ненадолго, но этого делать было нельзя. Зайти в некоторые дома означало бы настоящую смерть. Даже те, кто хоронил умерших, которые были самыми закаленными существами в городе, иногда подвергались отпору и были так напуганы, что не осмеливались заходить в дома, где были сметены целые семьи и где обстоятельства были особенно ужасными, как у некоторых; но это было, действительно, в самом разгаре смуты.

Время приучило их ко всему этому, и впоследствии они без колебаний отваживались на все, о чем у меня будет возможность подробно рассказать позже.

Я предполагаю, что теперь, как я уже сказал, началась эпидемия чумы и что власти начали серьезно относиться к положению людей. О том, что они сделали в отношении регулирования жизни жителей и зараженных семей, я расскажу отдельно; но что касается вопроса здравоохранения, то здесь уместно упомянуть, что, увидев глупый юмор людей, бегающих за шарлатанами и шулерами, волшебниками и гадалками, которые, как указано выше, доводили их до безумия, лорд-мэр, очень трезвый и религиозный джентльмен, назначил врачей и хирургов для оказания помощи бедным — я имею в виду больных бедняков, и, в частности, приказал Коллегии врачей опубликовать инструкции по дешевым лекарствам для бедных во всех обстоятельствах жизни. Чумка. Это, действительно, было одним из самых благотворительных и разумных поступков, которые можно было сделать в то время, ибо это заставило людей перестать обивать пороги каждого разносчика купюр и принимать слепо и бездумно яд вместо лекарства и смерть вместо жизни.

Это указание врачам было дано на консультации всего Колледжа; и, поскольку оно было специально рассчитано на использование бедняками и для получения дешевых лекарств, оно было обнародовано, чтобы каждый мог его увидеть, и копии раздавались бесплатно всем, кто этого желал. Но поскольку это общедоступно и должно быть видно при любых обстоятельствах, мне нет необходимости утруждать читателя по этому поводу.

Никто не подумает, что я принижаю авторитет или способности врачей, если скажу, что на следующий год буйство чумы, когда она достигла своей крайней степени, было подобно пожару. Огонь, пожиравший то, чего не могла коснуться чума, не поддавался никаким лекарственным средствам; пожарные машины были сломаны, ведра выброшены, а сила человека была сбита с толку и подошла к концу. Таким образом, Чума не поддавалась никаким лекарствам; сами врачи были поражены ею, держа во рту свои консерванты; и люди ходили выписывать рецепты другим и говорили им, что делать, пока на них не оказывались знаки, и они падали замертво, уничтоженные тем самым врагом, противостоять которому они направляли других. Так было с несколькими врачами, даже с некоторыми из них самыми выдающимися, и с несколькими самыми искусными хирургами. Погибло также множество шарлатанов, имевших глупость доверять своим собственным лекарствам, которые, как они, должно быть, сознавали про себя, ни на что не годны, и которым скорее следовало бы, подобно другим видам воров, убежать, сознавая свою вину, от правосудия, которое, как они не могли не ожидать, должно было наказать их так, как они, как они знали, заслужили.

Не то чтобы это было каким-то умалением труда или приложения усилий врачей - сказать, что они пали в результате общего бедствия; я этого и не хотел; скорее, им следует воздать должное за то, что они рискнули своими жизнями настолько, что даже потеряли их на службе

человечеству. Они старались творить добро и спасать жизни других людей. Но мы не должны были ожидать, что врачи смогут остановить Божьи суды или помешать чуме, вооруженной с небес, выполнить поручение, с которым она была послана.

Несомненно, врачи помогли многим своим мастерством, благоразумием и прилежанием спасти их жизни и восстановить здоровье. Но это не умаляет их характера или мастерства, если сказать, что они не смогли вылечить тех, у кого были при себе знаки, или тех, кто был смертельно инфицирован до того, как послали за врачами, как это часто случалось.

Теперь остается упомянуть, какие общественные меры были приняты магистратами для общей безопасности и предотвращения распространения смуты, когда она впервые вспыхнула. У меня будет часто случай говорить о благоразумии магистратов, их благотворительности, их бдительности по отношению к бедным, а также о поддержании хорошего порядка, снабжении провизией и тому подобном, когда чума усилилась, как это было впоследствии. Но сейчас я следую приказу и правилам, которые они опубликовали для правительства инфицированных семей.

Я упоминал выше о запираании домов; и на это необходимо сказать что-то особенное, поскольку эта часть истории чумы очень печальна, но самая печальная история должна быть рассказана.

Примерно в июне лорд-мэр Лондона и Палата олдерменов, как я уже говорил, начали более серьезно интересоваться регулированием деятельности города.

Мировые судьи Мидлсекса по указанию государственного секретаря начали закрывать дома в приходах Сент-Джайлс-ин-те-Филдс, Сент-Мартин, Сент-Клемент Дэйнс и др., и это было с большим успехом; поскольку на нескольких улицах, где вспыхнула чума, после строгой охраны домов, которые были заражены, и принятия мер к захоронению тех, кто умер сразу после того, как стало известно, что они мертвы, чума прекратилась на этих улицах. Было также замечено, что в этих приходах после того, как они были полностью посещены, уровень чумы снизился быстрее, чем в приходах Бишопсгейт, Шордич, Олдгейт, Уайтчеппел, Степни и других; своевременная забота, проявленная таким образом, является отличным средством для того, чтобы положить этому конец.

Это запираание домов было методом, впервые примененным, насколько я понимаю, во время эпидемии чумы, случившейся в 1603 году, при вступлении короля Якова Первого на престол; и право запираить людей в их собственных домах было предоставлено Актом парламента, озаглавленным "Закон о благотворительной помощи и упорядочении лиц, зараженных чумой"; на этом акте парламента лорд-мэр и олдермены Лондонского сити основали порядок, который они издали в то время, и который состоялся 1 июля 1665 года, когда число зараженных в городе было невелико, последнее постановление парламента было принято. счет за девяносто два прихода составлял всего четыре; и так как в городе были закрыты несколько домов, а несколько человек были переведены в чумной очаг за Банхилл-Филдс, по дороге в Ислингтон, — я говорю, что таким образом, когда в целом умирало около тысячи человек в неделю, в городе было всего двадцать восемь, и город сохранялся пропорционально более здоровым, чем любое другое место за все время заражения.

Эти распоряжения милорда—мэра были опубликованы, как я уже сказал, в конце июня и вступили в силу с 1 июля, и были следующими, а именно:

ПРИКАЗЫ, РАЗРАБОТАННЫЕ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЛОРД-МЭРОМ И ОЛДЕРМЕНАМИ ЛОНДОНСКОГО СИТИ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЧУМЫ, 1665 ГОД.

ПРИНИМАЯ во ВНИМАНИЕ, что в правление нашего покойного государя короля Джеймса, светлой памяти, был издан Закон о благотворительной помощи лицам, зараженным чумой, в соответствии с которым мировым судьям, мэрам, судебным приставам и другим высшим должностным лицам были даны полномочия назначать в пределах своих полномочий экзаменаторов, обыскивателей, сторожей, смотрителей и могильщиков для зараженных лиц и мест и приносить им присягу для исполнения их обязанностей. И тот же самый закон также разрешал давать другие указания, поскольку им в силу нынешней необходимости их указания должны казаться благими. Теперь, после особого рассмотрения, считается весьма целесообразным для предотвращения заражения болезнью (если так будет угодно Всемогущему Богу) назначить следующих должностных лиц и должным образом соблюдать эти приказы в дальнейшем.

Экзаменаторы должны быть назначены в каждом приходе.

Во-первых, считается необходимым и таким образом предписано, чтобы в каждом приходе было одно, два или более лиц хорошего сорта и репутации, выбранных и назначенных олдерменом, его заместителем и общим советом каждого прихода, по имени экзаменаторы, для продолжения работы на этом посту в течение, по крайней мере, двух месяцев. И если какое-либо подходящее лицо, назначенное таким образом, откажется предпринять то же самое, указанные стороны, таким образом, откажутся от заключения в тюрьму до тех пор, пока они не приведут себя в соответствующее соответствие.

Офис эксперта.

Чтобы олдермены обязали этих экспертов время от времени наводить справки и узнавать, какие дома в каждом приходе следует посещать, и какие люди больны, и о каких болезнях, насколько они смогут узнать сами; и при сомнении в этом случае распорядиться ограничить доступ, пока не выяснится, что доказывает болезнь. И если они обнаружат, что кто-то заболел инфекцией, отдать распоряжение констеблю, чтобы дом был закрыт; и если констебль будет признан небрежным, немедленно уведомить об этом олдермена прихода.

Сторожа.

‘Чтобы к каждому зараженному дому были приставлены два сторожа, один на каждый день, а другой на ночь; и чтобы эти сторожа особо следили за тем, чтобы никто не входил в зараженные дома, за которыми они несут ответственность, и не выходил из них под страхом сурового наказания. И упомянутые сторожа для выполнения таких дополнительных функций, какие понадобятся в доме больного; и если сторожа пошлют по какому-либо делу, запереть дом и взять ключ с собой; и сторож днем должен дежурить до десяти часов вечера, а сторож ночью до шести утра.

Поисковики.

‘С особой тщательностью назначать в каждый приход женщин-поисковиков, обладающих честной репутацией и лучших из тех, кого только можно найти в этом роде; и они должны поклясться, что проведут надлежащий поиск и, насколько им известно, правдиво сообщат,

действительно ли люди, тела которых им поручено обыскивать, умрут от инфекции или от каких-либо других болезней, как можно скорее. И чтобы врачи, которые будут назначены для лечения и профилактики инфекции, вызывали к себе указанных специалистов по поиску, которые назначены или будут назначены в несколько приходов, находящихся под их соответствующей опекой, до тех пор, пока они не смогут рассмотреть, достаточно ли они квалифицированы для этой работы, и время от времени взимать с них плату по мере необходимости, если они окажутся не справляющимися со своими обязанностями.

"Чтобы ни одному обыскивающему в течение этого периода посещения не разрешалось использовать какие-либо общественные работы, или содержать какой-либо магазин или прилавок, или работать прачкой, или вообще заниматься какой-либо другой обычной работой.

Хирурги.

"Для лучшей помощи тем, кто проводит поиск, поскольку до сих пор имели место большие злоупотребления при ложном сообщении о болезни, что привело к дальнейшему распространению инфекции, поэтому приказано, чтобы были выбраны и назначены способные и осмотрительные хирурги, помимо тех, которые уже принадлежат к чумному очагу, среди которых город и Свободы должны быть распределены по наиболее подходящим и удобным местам; и каждому из них должен быть выделен один квартал в его пределах; и упомянутые хирурги в каждом из своих пределов должны присоединиться к тем, кто проводит поиск, чтобы осмотреть тело, чтобы оценить состояние". в конце концов, может быть составлено правдивое сообщение о болезни.

И далее, что упомянутые хирурги должны посещать и обыскивать таких лиц, которые либо пошлют за ними, либо будут названы по имени и направлены к ним экспертами каждого прихода, и самостоятельно сообщать о заболевании указанных лиц.

"И поскольку упомянутые хирурги должны быть изолированы от всех других методов лечения и использоваться только для лечения этой инфекции, приказано, чтобы каждый из упомянутых хирургов получал по двенадцать пенсов за обыскиваемое ими тело, которые выплачиваются из имущества обыскиваемой партии, если это возможно, или иным образом приходом.

Медсестры-хранительницы.

"Если какая-либо сиделка удалится из любого зараженного дома до истечения двадцати восьми дней после смерти любого человека, умирающего от инфекции, дом, в который указанная сиделка удалится таким образом, должен быть закрыт до истечения указанных двадцати восьми дней".

ПРИКАЗЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ЗАРАЖЕННЫХ ДОМОВ И ЛИЦ, БОЛЬНЫХ ЧУМОЙ.

Необходимо уведомить о болезни.

"Хозяин каждого дома, как только кто-либо в его доме жалуется на прыщи, пурпур или припухлость в любой части тела, или заболевает иным опасным заболеванием безвидимой причины какого-либо другого заболевания, должен сообщить об этом медицинскому эксперту в течение двух часов после появления указанного признака.

Изолирование больных.

Как только этот эксперт, хирург или исследователь обнаружит, что какой-либо человек болен чумой, он должен в ту же ночь быть изолирован в том же доме; и в случае, если он будет изолирован таким образом, то, хотя впоследствии он и не умрет, дом, в котором он заболел, должен быть закрыт на месяц после применения надлежащих консервантов, принятых остальными.

Проветриваю Содержимое.

‘Для локализации зараженных вещей их постельное белье, одежда и занавески в комнатах должны быть хорошо проветрены с помощью огня и таких благовоний, которые необходимы в зараженном доме, прежде чем они будут снова использованы. Это должно быть сделано путем назначения эксперта.

Запирание Дома.

"Если какое-либо лицо посетило какого-либо человека, о котором известно, что он заражен чумой, или добровольно вошло в какой-либо известный зараженный дом, будучи не допущенным, дом, в котором оно проживает, должен быть закрыт на определенные дни по указанию экзаменатора.

Ничего не подлежит вывозу из зараженных домов, но и С.

Пункт, чтобы никто не перемещался из дома, где он заболел инфекцией, в какой-либо другой дом в городе (за исключением чумного приюта или палатки, или в какой-либо такой дом, который владелец указанного посещаемого дома держит в своих собственных руках и занимает своими собственными слугами); и чтобы приходу, в который производится такой вывоз, была предоставлена гарантия, что уход и плата за указанных посещаемых лиц будут соблюдаться и взиматься со всех указанных выше особенностей, без каких-либо затрат для того прихода, в который будет произведен любой такой вывоз. , и это удаление должно быть сделано к ночи. И любому человеку, имеющему два дома, должно быть законно переселять либо своего больного, либо своих инфицированных людей в свой запасной дом по его выбору, так как, если он сначала отошлет своего больного, он не отправит туда своих больных и не вернет больному звук; и чтобы те, кого он отправит, были по крайней мере на одну неделю заперты и изолированы от общества, опасаясь, что какая-нибудь инфекция при первом же неявке.

Погребение мертвых.

"Чтобы погребение умершего посредством этого посещения производилось в наиболее удобное время, всегда либо до восхода солнца, либо после его захода, с ведома церковных старост или констебля, и никак иначе; и чтобы ни соседям, ни друзьям не разрешалось сопровождать покойника в церковь или входить в посещаемый дом под страхом того, что его дом запрут или посадят в тюрьму".

И что ни один труп, умирающий от инфекции, не должен быть похоронен или оставаться в какой-либо церкви во время общей молитвы, проповеди или лекции. И чтобы ни одному ребенку не разрешалось во время погребения какого-либо трупа в какой-либо церкви, на погосте или месте захоронения приближаться к трупу, гробу или могиле. И чтобы все могилы были глубиной не менее шести футов.

И далее, все публичные собрания на других захоронениях должны быть запрещены на время этого посещения.

Никаких заразных высказываний.

“Чтобы не разрешалось выносить или выносить из зараженных домов одежду, хлам, постельное белье или предметы гардероба, и чтобы глашатаи и разносчики постельного белья или старой одежды, подлежащей продаже или закладке, были категорически запрещены и ограничены, и чтобы ни одному торговцу постельным бельем или старой одеждой не разрешалось выставлять напоказ или вывешивать на своих прилавках, досках объявлений или витринах какие-либо старые постельные принадлежности или одежду, подлежащие продаже, на любую улицу, переулок, общий путь или проход, под страхом тюремного заключения. И если какой-либо брокер или другое лицо купит какие-либо постельные принадлежности, одежду или другие вещи из любого зараженного дома в течение двух месяцев после того, как там побывала инфекция, его дом должен быть закрыт как зараженный, и так должно продолжаться не менее двадцати дней.

Ни один человек не должен быть вынесен из зараженного дома.

“Если какому-либо лицу, которого посетила судьба, по небрежности или любым другим способом прибыть или быть доставленным из зараженного места в любое другое место, приход, из которого прибыла или была доставлена такая группа, после получения уведомления об этом, должен по своему усмотрению доставить указанную группу, которую таким образом посетили и которой удалось сбежать, обратно ночью, и стороны, в этом случае нарушившие, будут наказаны по указанию олдермена прихода, а дом получателя такого посещенного лица будет заперт на двадцать дней.

Каждый посещенный дом должен быть отмечен.

“Чтобы каждый посещенный дом был отмечен красным крестом длиной в фут посередине двери, чтобы его можно было видеть, и этими обычными печатными словами, то есть “Господи, помилуй нас”, которые должны быть установлены рядом с тем же крестом и оставаться там до законного открытия того же дома.

За каждым посещенным домом должно быть установлено наблюдение.

Чтобы констебли следили за тем, чтобы каждый дом был заперт, и чтобы за ним следили сторожа, которые могли бы удерживать их внутри и доставлять им необходимое за их счет, если они смогут, или за счет общих средств, если они не смогут; закрытие должно быть на четыре недели после того, как все будет в порядке.

Следует принять точный приказ, согласно которому поисковики, хирурги, смотрители и похоронщики не должны проходить по улицам, не держа в руках красный жезл или волшебную палочку трех футов длиной, открытую и на виду, и не должны заходить ни в какой другой дом, кроме своего собственного, или в тот, куда их направят или за которым пошлют; но воздерживаться от общества, особенно если они недавно использовали в каких-либо подобных делах.

Заклученные.

"Если несколько обитателей находятся в одном и том же доме и кто-либо в этом доме случайно заражен, то ни одному другому лицу или семье из такого дома не разрешается выселять его или себя без справки от медицинских экспертов этого прихода; или, в противном случае, дом, куда он или они таким образом переселяются, должен быть закрыт, как в случае посещения.

Наемные кареты.

"Следует позаботиться о кучерах наемных экипажей, чтобы они не допускались к общему пользованию (как это было замечено у некоторых из них после перевозки зараженных людей в чумной очаг и другие места) до тех пор, пока их кареты не будут хорошо проветрены и не останутся без работы в течение пяти или шести дней после такой службы".

ПРИКАЗЫ ОБ ОЧИСТКЕ И ПОДМЕТАНИИ УЛИЦ.

Улицы следует содержать в чистоте.

Во-первых, считается необходимым и так предписано, чтобы каждый домовладелец ежедневно убирал улицу перед своей дверью и, таким образом, содержал ее в чистоте, подметаемой в течение всей недели.

Что Грабли выносят его из Домов.

Чтобы грабли ежедневно выносили подметание и грязь из домов, и чтобы грабли оповещали о своем приходе звуком рога, как это делалось до сих пор.

Стоянки следует устраивать вдали от города.

"Чтобы стеллажи были убраны как можно дальше от города и общих переходов, и чтобы ни одному ночному или иному человеку не разрешалось опустошать хранилище в любом саду поблизости от города.

Остерегайтесь нездоровой рыбы или мяса, а также заплесневелой кукурузы.

"Следует проявлять особую осторожность, чтобы не допустить продажи вонючей рыбы, или нездорового мяса, или заплесневелой кукурузы, или других испорченных фруктов любого вида в городе или любой его части.

- Проверить пивоваров и пивные на наличие заплесневелых и нездоровых бочек.

"Чтобы ни свиньям, ни собакам, ни кошкам, ни ручным голубям, ни пони не разрешалось содержаться ни в какой части города, ни свиньям бродить по улицам или переулкам, но чтобы такие свиньи были конфискованы бидлом или любым другим должностным лицом, а владелец наказан в соответствии с Актом Общего совета, и чтобы собаки были убиты кинологами, назначенными для этой цели".

ПРИКАЗЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РАЗГУЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ПРАЗДНЫХ СОБРАНИЙ.

Нищие.

Поскольку ни на что так не жалуются, как на множество негодяев и бродячих попрошаек, которые кишат повсюду в городе, являясь серьезной причиной распространения инфекции, и их невозможно избежать, несмотря ни на какие приказы, которые были отданы об обратном: поэтому сейчас приказано, чтобы такие констебли и другие лица, которых это дело может каким-либо образом касаться, проявляли особую осторожность, чтобы ни один бродячий попрошайка не пострадал на улицах этого города каким бы то ни было образом, под должным и суровым наказанием, предусмотренным законом.

Спектакли.

"Все представления, травля медведей, игрища, пение баллад, игра в щит или подобные мероприятия на собраниях людей должны быть полностью запрещены, а виновные стороны строго наказаны каждым олдерменом в его приходе.

Пиршество запрещено.

"Чтобы все публичные пиршества, особенно в компаниях этого города, и обеды в тавернах, пивных и других местах общего развлечения были отложены до дальнейшего распоряжения и выплаты пособий; и чтобы сэкономленные таким образом деньги были сохранены и использованы на благо бедных, пораженных инфекцией.

Пивные дома.

‘На беспорядочное распитие спиртных напитков в тавернах, пивных, кофейнях и погребах следует строго смотреть как на распространенный грех нашего времени и величайший повод для распространения чумы. И чтобы ни одной компании или человеку не разрешалось оставаться или заходить в какую-либо таверну, пивную или кофейню, чтобы выпить чего-нибудь после девяти часов вечера, согласно древнему закону и обычаю этого города, за что предусмотрены соответствующие наказания.

И для лучшего исполнения этих приказов, а также таких других правил и указаний, которые при дальнейшем рассмотрении будут сочтены необходимыми: Приказано и предписано, чтобы олдермены, депутаты и члены общего совета собирались вместе еженедельно, один, два, трижды или чаще (по мере необходимости), в каком-нибудь общем месте, привычном в их соответствующих приходах (свободном от заражения чумой), чтобы проконсультироваться, как указанные приказы могут быть должным образом приведены в исполнение; не предполагается, что кто-либо из живущих в зараженных местах или поблизости от них должен прийти на указанное собрание, в то время как их приход может быть затруднен. сомнительно. И упомянутые олдермены, депутаты и члены общего совета в своих нескольких приходах могут приводить в исполнение любые другие благие распоряжения, которые они на упомянутых собраниях должны будут задумать и разработать для защиты подданных его Величества от инфекции.

- СЭР ДЖОН ЛОУРЕНС, лорд-мэр.

СЭР ДЖОРДЖ УОТЕРМАН

СЭР ЧАРЛЬЗ ДОУ, шериф.

Мне нет необходимости говорить, что эти распоряжения распространялись только на те места, которые находились в юрисдикции лорда-мэра, поэтому необходимо отметить, что мировые

судьи в тех приходах и местностях, которые назывались Деревнями и окраинами, применяли тот же метод. Насколько я помню, с нашей стороны приказы о закрытии домов были отданы не так скоро, потому что, как я уже говорил ранее, чума не добралась, по крайней мере, до этих восточных частей города и не стала очень свирепой до начала августа. Например, весь счет с 11 по 18 июля составлял 1761 год, однако всего 71 человек умер от чумы во всех тех приходах, которые мы называем Тауэр-Хэмлетс, и они были следующими:—

- Следующая неделя И до 1-го
- была такой: с августа. таким образом:
Олдгейт 14 34 65
Степни 33 58 76
Уайтчеппел 21 48 79
Сент-Кэтрин, Тауэр 2 4 4
Троица, Второстепенные роли 1 1 4

- 71 145 228

Это действительно случилось в понедельник, потому что похороны на той же неделе прошли в соседних приходах следующим образом:—

- На следующей неделе
- значительно К 1 августа
- увеличилось, так как: таким образом:
Сент-Леонардс, Шордич 64 84 110
Сент-Ботолф, Бишопсгейт 65 105 116
Сент-Джайлс, Крипплгейт 213 421 554

- 342 610 780

Такое запираение домов сначала сочли очень жестоким и нехристианским методом, и бедняги, заключенные таким образом, горько сетовали. Жалобы на тяжесть этого также ежедневно поступали милорду мэру на беспричинно (а некоторые и злонамеренно) закрытые дома. Я не могу сказать; но после расследования многие из тех, кто так громко жаловался, были найдены в состоянии, которое можно было продолжать; и снова другие, после осмотра больного и того, что болезнь не казалась заразной или, если она была неопределенной, все же он был доволен тем, что его отнесли в чумной дом, были отпущены.

Это правда, что запираять двери домов людей и ставить там день и ночь сторожа, чтобы они не выходили из дома или кто-либо не подходил к ним, когда, возможно, здоровые члены семьи могли бы спастись, если бы их оторвали от больных, выглядело очень жестоко; и многие люди погибли в этих жалких заточениях, которые, разумно полагать, не вызвали бы чумы, если бы у них была свобода, хотя в доме была чума; поначалу люди были очень шумными и встревоженными, и было совершено несколько актов насилия и нанесены телесные повреждения. предложено людям, которые были приставлены следить за запертыми домами; кроме того, несколько человек силой вырвались во многих местах, как я вскоре замечу. Но это было общественное благо, которое оправдывало частный вред, и в то время не было

возможности добиться хоть малейшего смягчения каким-либо обращением к магистратам или правительству, по крайней мере, насколько я слышал. Это подтолкнуло людей ко всевозможным уловкам, чтобы, по возможности, выбраться наружу; и было бы уместно в небольшом томе перечислить уловки, используемые жителями таких домов, чтобы закрыть глаза нанятым сторожам, обмануть их и сбежать или вырваться от них, в результате чего происходили частые драки и некоторые неприятности; из которых сами по себе.

Однажды утром, около восьми часов, когда я шел по Хаундсдитч, послышался сильный шум. Это правда, действительно, толпы было немного, потому что люди не были очень свободны собираться вместе или долго оставаться вместе, когда они были там; да и я там долго не задерживался. Но крик был достаточно громким, чтобы возбудить мое любопытство, и я подозвал того, кто выглядывал из окна, и спросил, в чем дело.

Сторожа, по-видимому, наняли для охраны своего поста у дверей дома, который был заражен или, как говорили, был заражен и был заперт. Он просидел там всю ночь, две ночи подряд, пока рассказывал свою историю, и дневной сторож был там однажды и теперь пришел сменить его. Все это время в доме не было слышно шума, не было видно света; они ни о чем не просили, не посылали его с поручениями, что раньше было главным занятием сторожей; и они не доставляли ему никакого беспокойства, как он сказал, с полудня понедельника, когда он услышал в доме сильный плач и вопли, которые, как он предположил, были вызваны смертью кого-то из членов семьи как раз в это время. Кажется, прошлой ночью там остановили телегу для перевозки трупов, как ее называли, и к двери принесли мертвую служанку, а похоронщики, или носильщики, как их называли, положили ее в телегу, завернутую только в зеленый плед, и увезли.

Сторож, кажется, постучал в дверь, когда услышал шум и плач, как выше, и долгое время никто не отвечал; но наконец кто-то выглянул и сказал сердитым, быстрым тоном, и в то же время каким-то плачущим голосом, или голосом того, кто плакал: 'Чего вы хотите, что так стучите?' Он ответил: 'Я сторож! Как поживаете? В чем дело?' Человек ответил: 'Тебе-то что за дело? Останови телегу с мертвецами'. Кажется, это было около часа дня. Вскоре после этого, как и сказал парень, он остановил тележку для перевозки трупов, а затем постучал снова, но никто не ответил. Он продолжал стучать, и посыльный несколько раз крикнул: "Выносите своих мертвецов", но никто не ответил, пока человек, который вел телегу, которого вызвали в другие дома, не захотел больше оставаться и не уехал.

Сторож не знал, что и думать обо всем этом, поэтому оставил их в покое до тех пор, пока утренний сторож, или дневной сторож, как они его называли, не пришел сменить его. Изложив ему подробности, они долго стучали в дверь, но никто не ответил; и они заметили, что окно или створка, в которую выглянул человек, ответивший ранее, оставалась открытой, находясь на высоте двух пар ступенек.

После этого двое мужчин, чтобы удовлетворить свое любопытство, достали длинную лестницу, и один из них подошел к окну и заглянул в комнату, где увидел мертвую женщину, лежащую на полу в ужасном виде, на ней не было никакой одежды, кроме сорочки. Но хотя он громко позвал и, взяв свой длинный посох, сильно постучал им по полу, никто не пошевелился и не ответил; и он не слышал никакого шума в доме.

Узнав об этом, он снова спустился вниз и рассказал своему товарищу, который тоже поднялся наверх; и, убедившись, что это именно так, они решили сообщить об этом либо лорд-мэру, либо какому-нибудь другому магистрату, но не предложили залезть в окно. Магистрат, по-видимому, получив информацию от двух мужчин, приказал взломать дом, при этом были назначены констебль и другие лица, которые должны были присутствовать, чтобы ничего не было разграблено; и соответственно это было так и сделано, когда в доме никого не нашли, кроме этой молодой женщины, которая была заражена и почти выздоровела, остальные оставили ее умирать в одиночестве, и все ушли, найдя какой-то способ ввести в заблуждение сторожа и открыть дверь, или выбраться через какой-нибудь черный ход, или через крыши домов, так что он ничего не знал о случившемся. Это; а что касается тех криков, которые он слышал, то предполагалось, что это были страстные вопли членов семьи при горьком расставании, которым, конечно, это было для всех них, поскольку она была сестрой хозяйки семьи. Хозяин дома, его жена, несколько детей и слуги - все ушли и разбежались, больные или здоровые, этого я так и не смог узнать; да я и не особо расспрашивал об этом.

Из зараженных домов совершалось много таких побегов, особенно когда сторожа посылали с каким-нибудь поручением; ибо его обязанностью было выполнять любое поручение, с которым его посылала семья; то есть за предметами первой необходимости, такими как еда и лекарства; приводить врачей, если они придут, или хирургов, или медсестер, или заказывать тележку для перевозки трупов и тому подобное; но с таким условием, что, уходя, он должен был запереть наружную дверь дома и забрать ключ с собой, чтобы избежать этого и обмануть сторожей. Люди изготавливали два или три ключа к своим замкам, или они находили способы отвинчивать замки такими, какие были навинчены, и таким образом снимали замок, находясь внутри дома, и пока они отсылали сторожа на рынок, в пекарню или за той или иной мелочью, открывали дверь и выходили так часто, как им заблагорассудится. Но когда это выяснилось, офицеры впоследствии получили приказ запереть двери снаружи на висячий замок и установить на них засовы по своему усмотрению.

В другом доме, как мне сообщили, на соседней улице в Олдгейте, целую семью заперли, потому что заболела служанка. Хозяин дома пожаловался через своих друзей следующему олдермену и лорд-мэру и согласился, чтобы горничную отвезли в чумной дом, но получил отказ; поэтому дверь была помечена красным крестом, снаружи висячий замок, как указано выше, и приставлен сторож, охраняющий дверь, в соответствии с общественным порядком.

После того, как хозяин дома обнаружил, что нет другого выхода, кроме того, что он, его жена и его дети должны быть заперты с этой бедной служанкой, страдающей недугом, он позвал сторожа и сказал ему, что тогда он должен пойти и привести к ним сиделку, чтобы они ухаживали за этой бедной девочкой, потому что для них всех было бы верной смертью заставлять их ухаживать за ней; и прямо сказал ему, что если он этого не сделает, служанка должна умереть либо от недуга, либо от голода из-за недостатка пищи, поскольку он решил, что никто из его семьи не должен приближаться к ней; и она лежала на чердаке высотой в четыре этажа, где не могла ни закричать, ни позвать кого на помощь.

Сторож согласился с этим, пошел и привел сиделку, как ему было назначено, и привел ее к ним в тот же вечер. В течение этого промежутка времени хозяин дома воспользовался случаем, чтобы проделать большую дыру в стене своей лавки, ведущей в прилавок, где раньше сидел сапожник, перед витриной своей лавки или под ней; но арендатор, как можно предположить в

такое мрачное время, как это, был мертв или переехал, и поэтому ключ находился у него на хранении. Пробравшись в это стойло, чего он не смог бы сделать, если бы мужчина стоял у двери, шум, который он был вынужден издавать, был таким, что встревожил бы сторожа; я говорю, пробравшись в это стойло, он сидел неподвижно, пока сторож не вернулся с медсестрой, и весь следующий день тоже. Но на следующую ночь, ухитрившись послать сторожа с другим пустяковым поручением, которое, как я понимаю, заключалось в том, чтобы сходить в аптеку за пледом для горничной, в котором он должен был остаться для макияжа, или по какому—то другому подобному поручению, которое могло бы занять его на некоторое время; за это время он вывез себя и всю свою семью из дома, оставив няню и сторожа хоронить бедняжку — то есть бросить ее в повозку - и заботиться о доме.

Я мог бы привести великое множество подобных, достаточно забавных историй, с которыми за долгий период того мрачного года я познакомился — то есть услышал — и которые, несомненно, правдивы или очень близки к правде; то есть правдивы в целом, ибо ни один человек не мог в то время узнать все подробности. Со сторожами, как сообщалось, также применялось насилие во множестве мест; и я полагаю, что с начала посещения и до конца было не менее восемнадцати или двадцати из них убитыми или настолько ранеными, что их сочли мертвыми, что предполагалось, что это сделали люди в зараженных домах, которые были заперты, и где они попытались выйти, но им воспротивились.

Меньшего и нельзя было ожидать, ибо в городе было столько тюрем, сколько запертых домов; и поскольку люди, запертые или заключенные в тюрьму, не были виновны ни в каком преступлении, а сидели взаперти только потому, что были несчастны, это было для них тем более невыносимо.

Было также то отличие, что в каждой тюрьме, как мы можем это назвать, был только один тюремщик, и поскольку ему приходилось охранять весь дом, и что многие дома были расположены так, что у них было несколько выходов, некоторые больше, некоторые меньше, а некоторые на несколько улиц, одному человеку было невозможно так охранять все проходы, чтобы предотвратить побег людей, доведенных до отчаяния ужасом своих обстоятельств, негодованием от их использования или бушующей самой эпидемией; так что они разговаривали со сторожем с одной стороны дома. , в то время как семья сбежала в другом месте.

Например, на Коулман-стрит, как кажется до сих пор, множество переулков. Дом был заперт в том, что они называют Уайтс-элли; и в этом доме было заднее окно, а не дверь, выходившая во двор, из которого был проход в Белл-элли. Констебль поставил сторожа у дверей этого дома, и там он или его товарищ стоял день и ночь, в то время как вечером вся семья уходила через окно во двор, и оставлял бедняг сторожить и наблюдать почти на две недели.

Недалеко от того же места они взорвали сторожа порохом и ужасно обожгли беднягу; и пока он издавал ужасные крики, и никто не осмеливался приблизиться, чтобы помочь ему, вся семья, которая была в состоянии шевелиться, вылезла из окон на высоте одного этажа, двое оставшихся больных звали на помощь. Были приняты меры, чтобы дать им сиделок для ухода за ними, но сбежавших так и не нашли, пока после того, как чума не утихла, они не вернулись; но поскольку ничего нельзя было доказать, с ними ничего нельзя было сделать.

Следует также учитывать, что поскольку это были тюрьмы без решеток и засовов, которыми оборудованы наши обычные тюрьмы, то люди спускались из окон, даже на глазах у сторожа, держа в руках шпаги или пистолеты и угрожая бедняге застрелить его, если он пошевелится или позовет на помощь.

В других случаях у некоторых были сады, стены или заграждения между ними и их соседями, или дворы и задворки; и они, благодаря дружбе и мольбам, получали разрешение перелезть через эти стены или заграждения и таким образом выходить у дверей своих соседей; или, давая деньги своим слугам, заставляли их пропускать их ночью; так что, короче говоря, ни в коем случае нельзя было полагаться на закрытие домов. И это совсем не соответствовало цели, скорее приводя людей в отчаяние и доводя их до таких крайностей, что они бросались на любые авантюры.

И что было еще хуже, те, кто таким образом вырвался, распространили инфекцию дальше, скитаясь повсюду с охватившей их чумой, в их отчаянных обстоятельствах, чем они могли бы сделать в противном случае; ибо тот, кто рассматривает все подробности в таких случаях, должен признать, и мы не можем сомневаться, что тяжесть этих заточений довела многих людей до отчаяния и заставила их выбегать из своих домов при любой опасности, когда чума была явно на них, не зная ни куда идти, ни что делать, ни, более того, что они делали; и многие, кто это сделал, были доведены до ужасных мучений. нужд и крайностей, и погибли на улицах или в полях просто из-за нужды, или свалились с ног от охватившей их яростной лихорадки. Другие бродили по сельской местности и шли вперед любым путем, поскольку их вело отчаяние, не зная, куда они идут или пойдут дальше: до тех пор, пока, ослабевшие и уставшие, не получая никакой помощи, дома и деревни на дороге отказывались впускать их к себе, зараженные или нет, они погибали на обочине дороги или забирались в сарай и умирали там, никто не осмеливался подойти к ним или помочь им, хотя, возможно, и не зараженные, потому что никто бы им не поверил.

С другой стороны, когда чума впервые охватывала семью, то есть когда кто—либо из членов семьи выходил на улицу и по неосторожности или иным образом подхватывал чуму и приносил ее домой, семья, безусловно, узнавала об этом раньше, чем офицерам, которые, как вы увидите из приказа, были назначены изучать обстоятельства всех больных, когда они слышали об их болезни.

В этот промежуток времени, между тем, как они заболели, и приходом экзаменаторов, у хозяина дома был досуг и свобода удалиться самому или всей своей семье, если он знал, куда идти, и многие так и поступали. Но величайшим бедствием было то, что многие поступали так после того, как сами по-настоящему заражались, и таким образом заносили болезнь в дома тех, кто был настолько гостеприимен, что принял их; что, надо признать, было очень жестоко и неблагоприятно.

И отчасти это было причиной общего представления, или, скорее, скандала, распространившегося о характере инфицированных людей, а именно того, что они не проявляли ни малейшей заботы или не стеснялись заражать других, хотя я не могу сказать, что в этом тоже могла быть доля правды, но не такая общая, как сообщалось. Какая естественная причина могла быть приведена для столь безнравственного поступка в то время, когда они могли бы прийти к выводу, что вот-вот предстанут перед судом Божественного правосудия, а не

знаю. Я очень хорошо понимаю, что это не может быть согласовано с религией и принципами так же, как с великодушием и человечностью, но я могу поговорить об этом снова.

Сейчас я говорю о людях, доведенных до отчаяния опасениями, что их запрут, и о том, что они вырвутся с помощью хитрости или силы, либо до, либо после того, как их запрут, чьи страдания не уменьшились, когда они оказались на свободе, а, к сожалению, усилились. С другой стороны, у многих, которым таким образом удалось спастись, были убежища, куда они могли пойти, и другие дома, где они запирались и прятались до тех пор, пока чума не закончилась; и многие семьи, предвидя приближение чумы, запаслись провизией, достаточной для всей их семьи, и заперлись, да так плотно, что их никто не видел и не слышал, пока инфекция полностью не прекратилась, а затем вышли за границу здоровыми. Я мог бы вспомнить несколько таких случаев и сообщить вам подробности их управления; ибо, несомненно, это был самый эффективный безопасный шаг, который можно было предпринять для тех, чьи обстоятельства не позволяли им переехать, или у кого не было подходящих для данного случая убежищ за границей; ибо, находясь таким образом взаперти, они чувствовали себя так, словно находились в сотне миль отсюда. Я также не помню, чтобы в какой-нибудь из этих семей случился выкидыш. Среди них особенно выделялись несколько голландских купцов, которые держали свои дома как маленькие осажденные гарнизоны, не позволяя никому входить, выходить или приближаться к ним, особенно к одному из них во дворе на Трогмортон-стрит, дом которого выходил окнами в Дрейперс-гарден.

Но я возвращаюсь к делу о семьях, инфицированных и заткнутых магистратами. Горе этих семей не поддается описанию; и обычно именно в таких домах мы слышали самые заунывные крики бедных людей, напуганных до смерти видом состояния их самых дорогих родственников и ужасом от того, что они оказались в заключении.

Я помню, и пока я пишу эту историю, мне кажется, я слышу саму суть ее, у одной леди была единственная дочь, молодая девушка лет девятнадцати, которая обладала очень значительным состоянием. Они были всего лишь жильцами в том доме, где жили. Молодая женщина, ее мать и горничная были по какому-то поводу за границей, я не помню по какому, потому что дом не был заперт; но примерно через два часа после того, как они вернулись домой, молодая леди пожаловалась, что ей нехорошо; еще через четверть часа ее вырвало и она почувствовала сильную боль в голове. 'Моли Бога,' говорит ее мать в ужасном испуге, - чтобы у моего ребенка не было чумки!' Боль в голове усилилась, ее мать приказала согреть постель и решила уложить ее в постель, а также приготовилась дать ей что-нибудь пропотеть, что было обычным средством, которое принималось при первых признаках болезни.

Пока постель проветривалась, мать раздела молодую женщину, и как только ее уложили в постель, она, осмотрев ее тело при свете свечи, сразу же обнаружила роковые знаки на внутренней стороне бедер. Ее мать, не в силах сдержаться, швырнула свечу и закричала так страшно, что этого было достаточно, чтобы вселить ужас в самое мужественное сердце в мире; и это был не один крик, не один вопль, но испуг овладел ее духом, она сначала упала в обморок, потом пришла в себя, затем металась по всему дому, вверх и вниз по лестнице, как безумная, и действительно действительно была безумна, и продолжала визжать и вопить в течение нескольких часов, потеряв всякий рассудок или, по крайней мере, управление своими чувствами, и, как мне сказали, никогда больше не приходила в себя. снова полностью пришла в себя. Что касается молодой девушки, то с этого момента она была мертва, потому что гангрена,

вызвавшая появление пятен, распространилась по всему ее телу, и она умерла менее чем через два часа. Но мать все еще продолжала плакать, ничего больше не зная о своем ребенке, спустя несколько часов после того, как она умерла. Это было так давно, что я не уверен, но я думаю, что мать так и не оправилась, а умерла через две или три недели после этого.

Это был экстраординарный случай, и поэтому я более разборчив в нем, потому что я так много узнал об этом; но подобных случаев было бесчисленное множество, и редко приходил еженедельный счет, но в нем были указаны два или три 'перепуганных', то есть то, что вполне можно назвать перепуганным до смерти. Но помимо тех, кто был так напуган, что умер на месте, было огромное количество людей, напуганных до других крайностей, некоторые были напуганы до потери рассудка, некоторые - до потери памяти, а некоторые - до потери понимания. Но я возвращаюсь к закрытию домов.

Как нескольким людям, говорю я, удалось сбежать из своих домов с помощью хитрости после того, как их заперли, так и другим удалось сбежать, подкупив сторожей и дав им денег, чтобы они позволили им уединиться ночью. Должен признаться, в то время я думал, что это самая невинная коррупция или подкуп, в которых может быть виновен любой человек, и поэтому не мог не пожалеть бедняг и подумать, как тяжело было, когда троих из этих сторожей публично высекали плетью на улицах за то, что они заставляли людей выходить из запертых домов.

Но, несмотря на эту суровость, деньги преобладали у бедняков, и многие семьи находили средства совершать вылазки и спасаться таким образом после того, как их запирали; но обычно это были такие семьи, которым было куда укрыться; и хотя после 1 августа было нелегко передвигаться по дорогам куда бы то ни было, все же было много путей отступления, и в частности, как я намекал, некоторые обзавелись палатками и поставили их в полях, принося постели или солому, чтобы лежать, и провизию для еды, и поэтому жили в них как отшельники в келье, ибо никто не рискнул бы приблизиться к ним; и было рассказано несколько историй о таких людях, некоторые комичные, некоторые трагические, некоторые из них жили как странствующие паломники в пустынях и спаслись, сделав себя изгнанниками таким способом, которому трудно поверить, и которые, тем не менее, пользовались большей свободой, чем можно было ожидать в подобных случаях.

У меня есть при себе история о двух братьях и их родственнике, которые, будучи холостяками, но пробыв в городе слишком долго, чтобы уехать, и действительно не зная, куда пойти, чтобы хоть как-то уединиться, и не имея возможности далеко уехать, избрали курс ради собственного спасения, который, хотя сам по себе поначалу был отчаянным, все же был настолько естественным, что можно удивиться, почему в то время этого больше не делали. Они были всего лишь среднего достатка, но все же не настолько бедны, чтобы не иметь возможности обеспечить себя некоторыми маленькими удобствами, которые могли бы помочь сохранить жизнь и душу вместе; и, обнаружив, что болезнь ужасным образом усиливается, они решили переодеться, насколько это возможно, и уехать.

Один из них был солдатом в последних войнах, а до этого - в Нидерландах, и не был приучен ни к какому конкретному занятию, кроме владения оружием, и, помимо того, что был ранен и не мог много работать, некоторое время работал в пекарне морских сухарей в Уоппинге.

Брат этого человека тоже был моряком, но так или иначе получил травму ноги, из-за чего не мог выйти в море, но зарабатывал себе на жизнь у парусника в Уоппинге или где-то поблизости; и, будучи хорошим мужем, скопил немного денег и стал самым богатым из троих.

Третий мужчина был по профессии столяром или плотницей, умелым парнем, и у него не было ничего, кроме ящика или корзины с инструментами, с помощью которых он мог в любое время, за исключением нынешнего, зарабатывать себе на жизнь, куда бы он ни поехал, — а жил он недалеко от Шедуэлла.

Все они жили в приходе Степни, который, как я уже сказал, был последним, кто был заражен, или, по крайней мере, сильно, и они оставались там до тех пор, пока, очевидно, не увидели, что чума ослабевает в западной части города и распространяется на восток, где они жили.

Историю этих трех мужчин, если читатель будет доволен, если я изложу ее от их лица, не беря на себя ни речительств за подробности, ни ответственности за какие-либо ошибки, я изложу настолько отчетливо, насколько смогу, полагая, что история послужит хорошим примером для подражания любому бедняку, на случай, если подобное общественное разорение произойдет и здесь; и если такого случая может и не быть, что Бог по Своей бесконечной милости дарует нам, все же история может иметь столько применений, что, я надеюсь, никогда не скажут, что ее изложение было бесполезным. .

Я говорю все это до начала истории, поскольку пока мне еще есть что сказать, прежде чем я закончу свою часть.

Все первое время я свободно разгуливал по улицам, хотя и не настолько свободно, чтобы подвергать себя явной опасности, за исключением того случая, когда они вырыли большую яму на церковном дворе нашего прихода в Олдгейте. Это была ужасная яма, и я не мог удержаться от любопытства пойти и посмотреть на нее. Насколько я могу судить, он был около сорока футов в длину и около пятнадцати-шестнадцати футов в ширину, и в то время, когда я впервые взглянул на него, около девяти футов в глубину; но говорили, что впоследствии они вырыли его почти на двадцать футов глубиной в одной его части, пока не смогли забраться глубже за водой; потому что до этого они, кажется, вырыли несколько больших ям. Ибо, хотя чума уже давно пришла в наш приход, все же, когда она пришла, не было ни одного прихода в Лондоне или его окрестностях, где она свирепствовала бы с такой силой, как в двух приходах Олдгейт и Уайтчеппел.

Я говорю, что они вырыли несколько ям в другой земле, когда в нашем приходе начала распространяться эпидемия, и особенно когда начали развозить повозки с трупами, чего в нашем приходе не было до начала августа. В эти ямы они положили, возможно, по пятьдесят или шестьдесят тел в каждую; затем они сделали ямы побольше, в которые закапывали все, что привозила телега за неделю, что к середине-концу августа составляло от 200 до 400 тел в неделю; и они не могли как следует выкопать их побольше, потому что распоряжение магистратов запрещало им оставлять тела на глубине шести футов от поверхности; а вода прибывала примерно на высоте семнадцати или восемнадцати футов, и они не могли, я бы сказал, класть больше в одну яму. Но теперь, в начале сентября, когда чума свирепствовала ужасающим образом, а количество захоронений в нашем приходе увеличилось до такого количества, какого никогда не было в любом приходе в окрестностях Лондона, они приказали вырыть эту ужасную пропасть — ибо так оно и было, а не яму.

Они предполагали, что этой ямы им хватит на месяц или больше, когда они ее выкапывали, и некоторые обвиняли церковных старост в том, что они перенесли такую ужасную вещь, говоря им, что они готовятся похоронить весь приход и тому подобное; но время показало, что церковные старосты знали состояние прихода лучше, чем они сами: поскольку яма была закончена, я думаю, 4 сентября, они начали хоронить в ней 6-го, и к 20-му, то есть всего за две недели, они бросили в нее 1114 тел, когда были вынуждены засыпать ее, причем тела были убиты. затем ложите на расстоянии шести футов от поверхности. Я не сомневаюсь, что в приходе могут быть живы какие-нибудь древние люди, которые смогут оправдать этот факт и даже лучше, чем я, смогут показать, в каком месте церковного двора находилась яма. След от него также много лет можно было видеть на поверхности церковного двора, он тянется параллельно проходу, который идет вдоль западной стены церковного двора из Хаундсдитча и снова поворачивает на восток, в Уайтчеппел, выходя недалеко от гостиницы "Три монахини".

Примерно 10 сентября мое любопытство побудило, или, скорее, подтолкнуло меня снова пойти и посмотреть на эту яму, когда в ней было похоронено около 400 человек; и я не был доволен тем, что осмотрел ее днем, как делал раньше, потому что тогда не было бы видно ничего, кроме рыхлой земли; потому что все тела, которые были брошены в нее, были немедленно засыпаны землей теми, кого они называли похоронщиками, которых в другое время называли носильщиками; но я решил пойти ночью и посмотреть, как некоторых из них бросали в яму.

Был строгий приказ не допускать людей к этим ямам, и это было сделано только для предотвращения заражения. Но через некоторое время этот порядок стал более необходимым, поскольку люди, которые были инфицированы и близки к концу, а также в бреду, бежали к этим ямам, заворачивались в одеяла или коврики, бросались в них и, как они говорили, хоронили себя. Я не могу сказать, что офицеры добровольно терпели лежать там; но я слышал, что в большой яме в Финсбери, в приходе Крипплгейт, которая была открыта тогда для полей, потому что тогда она не была огорожена стеной, [многие] приходили и бросались в нее, и умирали там, прежде чем на них бросали землю; и что когда они пришли хоронить других и нашли их там, они были совершенно мертвы, хотя и не замерзли.

Это может послужить некоторым описанием ужасных условий того дня, хотя невозможно сказать ничего, что могло бы дать истинное представление об этом тем, кто этого не видел, кроме того, что это было действительно очень, очень, очень ужасно, и такое, чего не может выразить ни один язык.

Я получил допуск на церковное кладбище, ознакомившись с присутствовавшим там пономарем; который, хотя и не отказал мне ни в чем, все же искренне убедил меня не ходить, очень серьезно сказав (ибо он был хорошим, религиозным и разумным человеком), что их дело и обязанность - рисковать и подвергаться всем опасностям, и что при этом они могут надеяться спастись; но что у меня нет к этому явного призвания, кроме моего собственного любопытства, которое, по его словам, по его мнению, я не стану притворяться достаточным, чтобы оправдать мой риск. Я сказал ему, что на меня давили в мыслях, и что, возможно, это было бы поучительное зрелище, которое, возможно, не лишено своей пользы. 'Нет,' говорит добрый человек, 'если вы отважитесь на этот счет, именем Бога вступайте; ибо, будьте уверены, это будет для вас проповедью, возможно, лучшей, которую вы когда-либо слышали в своей жизни. "Это говорящее зрелище, - сказал он, - и у него есть голос, причем громкий, призывающий всех нас к покаянию"; и с этими словами он открыл дверь и сказал: "Идите, если хотите".

Его речь немного поколебала мою решимость, и я довольно долго стоял в нерешительности, но как раз в этот момент я увидел, как с конца Минори подъехали два звена, и услышал звонаря, а затем появилась телега для перевозки трупов, как они ее называли, проезжавшая по улице; так что я больше не мог сопротивляться своему желанию посмотреть на это и вошел. Насколько я мог сначала разглядеть, на церковном дворе не было никого, кто входил бы в него, кроме похоронщиков и парня, который вел телегу, или, скорее, вел лошадь с телегой; но когда они подошли к яме, они увидели, как к ней снова подошел человек, закутанный в коричневый плащ и делающий руками под плащом движения, как будто он был в сильной агонии, и похоронщики немедленно собрались вокруг него, предположив, что он был одним из тех бедных бредящих или отчаявшихся созданий, которые, как я уже говорил, делали вид, что хоронят самих себя. Расхаживая, он ничего не говорил, но два или три раза очень глубоко и громко застонал и вздохнул так, словно у него разрывалось сердце.

Когда похоронщики подошли к нему, они вскоре обнаружили, что он не был ни зараженным и отчаявшимся человеком, как я заметил выше, ни человеком с помутившимся умом, но человеком, действительно подавленным ужасным грузом горя, поскольку его жена и несколько детей были в повозке, которая только что прибыла вместе с ним, и он следовал за ними в агонии и избытке горя. Он искренне скорбел, как это было легко заметить, но с каким-то мужским горем, которое не могло дать выход слезам; и спокойно бросил вызов похоронщикам, чтобы они оставили его в покое, сказал, что только посмотрит, как бросят тела, и уйдет, так что они перестали приставать к нему. Но как только тележка развернулась и тела беспорядочно полетели в яму, что стало для него неожиданностью, поскольку он, по крайней мере, ожидал, что их уложат прилично, хотя впоследствии и убедился, что это практически невозможно; я говорю, как только он увидел это зрелище, он громко вскрикнул, не в силах сдержаться. Я не расслышал, что он сказал, но он отступил на два или три шага и упал в обморок. Похоронщики подбежали к нему и подняли, и через некоторое время он пришел в себя, и они отвели его в таверну "Пирог" в конце Хаундсдитч, где, по-видимому, этого человека знали и где о нем позаботились. Уходя, он снова заглянул в яму, но похоронщики так быстро засыпали тела землей, что, хотя было достаточно светло, потому что в них горели фонари и свечи, расставленные на всю ночь по краям ямы на кучах земли, семи или восемью, а может быть, и больше, все же ничего нельзя было разглядеть.

Это была действительно скорбная сцена, и она подействовала на меня почти так же сильно, как и остальные; но другая была ужасна и полна ужаса. В повозке было шестнадцать или семнадцать тел; некоторые были завернуты в льняные простыни, некоторые в лохмотья, некоторые были почти голыми или настолько свободными, что то, чем они были прикрыты, упало с них при выпрыгивании из повозки, и они упали совершенно голыми среди остальных; но это не имело большого значения для них, как и неприличие для кого-либо другого, поскольку все они были мертвы и должны были быть свалены вместе в общую могилу человечества, как мы можем это назвать, ибо здесь не было разницы, но бедные и богатые шли вместе; другого способа избежать этого не было. погребения, да и не могло быть, потому что не было гробов для огромного числа людей, погибших в результате такого бедствия, как это.

Среди похоронщиков ходили слухи, что если какой-нибудь труп доставлялся им прилично завернутым, как мы тогда это называли, в простыню, повязанную на голову и ноги, что некоторые и делали, и которая обычно была из хорошего полотна; я говорю, ходили слухи, что похоронщики были настолько злыми, что раздевали их в повозке и совершенно голыми

укладывали на землю. Но поскольку я не могу легко поверить в нечто столь мерзкое среди христиан и в то время, когда это было так наполнено ужасами, я могу только рассказать об этом и оставить это неопределенным.

Также ходили бесчисленные истории о жестоком поведении и практиках медсестер, ухаживавших за больными, и об их ускорении судьбы тех, за кем они ухаживали во время болезни. Но я скажу об этом подробнее в своем месте.

Я был действительно потрясен этим зрелищем; оно почти ошеломило меня, и я ушел с самым сокрушенным сердцем, полный таких горестных мыслей, которые я не могу описать, только когда я вышел из церкви и повернул вверх по улице к своему дому, я увидел еще одну телегу со звеньями и идущего впереди посыльного, которая выезжала из Харроу-аллеи на Мясницком ряду, с другой стороны дороги, и была, как я заметил, очень набита мертвыми телами, она ехала прямо через улицу также к церкви. Я постоял немного, но у меня не хватило духу вернуться и снова увидеть ту же мрачную сцену, поэтому я направился прямо домой, где не мог не с благодарностью подумать о риске, которому подвергся, полагая, что не получил травм, чего на самом деле и не было.

Тут горе бедного несчастного джентльмена снова пришло мне в голову, и я действительно не мог не пролить слез, размышляя об этом, возможно, больше, чем он сам; но его случай был так тяжел для меня, что я не мог совладать с собой и решил снова выйти на улицу и зайти в таверну "Пирог", решив узнать, что с ним стало.

К этому времени был уже час ночи, и все же бедный джентльмен был там. Правда заключалась в том, что люди в доме, зная его, развлекали его и держали там всю ночь, несмотря на опасность заразиться от него, хотя казалось, что сам мужчина был совершенно здоров.

Я с сожалением обращаю внимание на эту таверну. Жители были достаточно вежливыми, воспитанными и услужливыми людьми и до сих пор держали свой дом открытым и вели торговлю, хотя и не так открыто, как раньше; но была ужасная компания парней, которые пользовались их домом и которые посреди всего этого ужаса собирались там каждую ночь, вели себя со всеми этими шумными выходками, как это обычно бывает у таких людей в другое время, и, действительно, до такой оскорбительной степени, что самим хозяину и хозяйке дома стало сначала стыдно, а затем и страшно за них.

Обычно они сидели в комнате рядом с улицей, и поскольку они всегда засиживались допоздна, поэтому, когда телега с мертвецами проезжала через конец улицы, направляясь в Хаундсдитч, который был как раз напротив окон таверны, они часто открывали окна, как только слышали звонок, и выглядывали на них; и поскольку они часто могли слышать печальные стенания людей на улицах или у своих окон, когда телеги проезжали мимо, они нагло насмехались над ними, особенно если они слышали, как бедняки взывают к Богу, чтобы он смиростивился над ними, поскольку они слышали, как бедняки просят Бога сжалиться над ними. многие поступили бы так в то время, проходя по своим обычным улицам.

Эти джентльмены, будучи чем-то обеспокоены суматохой, связанной с внесением бедного джентльмена в дом, как указано выше, сначала были очень разгневаны на хозяина дома за то, что он позволил такому парню, как они его называли, подняться из могилы в их дом; но, получив ответ, что этот человек был соседом, и что он был здоров, но подавлен бедствием своей семьи и тому подобным, они обратили свой гнев на высмеивание этого человека и его скорби о жене и

детях, дразнили его отсутствием смелости прыгнуть в огромную яму и отправиться на тот свет. небеса, как они насмешливо выражались, вместе с ними, добавляя некоторые очень нецензурные и даже богохульные выражения.

Они были заняты этой мерзкой работой, когда я вернулся в дом, и, насколько я мог видеть, хотя мужчина сидел неподвижно, безмолвный и безутешный, и их оскорбления не могли развеять его печаль, все же он был одновременно опечален и оскорблен их разговором. На это я мягко упрекнул их, поскольку был достаточно хорошо знаком с их характерами и не был неизвестен лично двоим из них.

Они немедленно набросились на меня с бранью, спросили, что я делаю, встав из могилы, в такое время, когда на церковный двор перенесли столько честных людей, и почему я не дома, не помолился о том, чтобы за мной приехала повозка с покойниками, и тому подобное.

Я был действительно поражен наглостью мужчин, хотя их обращение со мной несколько не смутило меня. Однако я сдержался. Я сказал им, что, хотя я бросил вызов им или любому другому человеку в мире обвинить меня в какой-либо нечестности, все же я признал, что на этом ужасном Божьем суде многие лучшие люди, чем я, были сметены и унесены в могилу. Но чтобы ответить на их вопрос прямо, дело было в том, что я был милостиво сохранен тем великим Богом, чье имя они хулили и поносили всуе, проклиная и божась ужасным образом, и что я верил, что я был сохранен в частности, среди других проявлений Его доброты, чтобы я мог упрекнуть их за их дерзкую дерзость в поведении таким образом и в такое ужасное время, как это было, особенно за их насмешки над честным джентльменом и соседом (ибо некоторые из них знали его), который, как они видели, был подавлен. с сожалением о тех обидах, которые Богу было угодно нанести его семье.

Я не могу точно припомнить адские, отвратительные насмешки, которыми они ответили на мой разговор: будучи, кажется, спровоцированным, я несколько не боялся быть с ними откровенным; и, если бы я мог вспомнить, я бы не стал дополнять свой отчет какими-либо словами, ужасными ругательствами, проклятиями и мерзкими выражениями, которые в то время дня не употребляли даже самые худшие и заурядные люди на улице; ибо, за исключением таких закоренелых созданий, как эти, самые злобные негодяи, которых только можно было найти. в то время в их умах был некоторый ужас перед рукой той Силы, которая могла таким образом в одно мгновение уничтожить их.

Но что было худшим во всем их дьявольском языке, так это то, что они не боялись богохульствовать и говорить атеистически, подшучивая над тем, что я называю чуму рукой Божьей;издеваясь и даже смеясь над словом "суд", как будто Божье провидение не имело отношения к нанесению такого сокрушительного удара; и что люди, взывающие к Богу, когда они видели повозки, увозящие мертвые тела, были полны энтузиазма, абсурда и дерзости.

Я ответил им так, как считал нужным, но обнаружил, что это было настолько далеко от того, чтобы положить конец их ужасной манере выражаться, что это заставило их еще больше возмущаться, так что, признаюсь, это наполнило меня ужасом и чем-то вроде ярости, и я ушел, как и сказал им, чтобы рука того правосудия, которое посетило весь город, не прославила Его месть им и всем, кто был рядом с ними.

Они принимали все упреки с величайшим презрением и выставляли меня на посмешище, какое только было возможно для них, осыпая меня всеми уничижительными, дерзкими насмешками, какие только могли придумать за проповедь им, как они это называли, что на самом деле скорее огорчало меня, чем злило; и я ушел, мысленно благословляя Бога за то, что я не пощадил их, хотя они так сильно оскорбили меня.

Они продолжали этот отвратительный курс три или четыре дня после этого, постоянно насмехаясь и глумясь над всеми, кто проявлял религиозность или серьезность, или кто был хоть как-то тронут чувством ужасного Божьего суда над нами; и мне сообщили, что они точно так же глумились над добрыми людьми, которые, несмотря на заразу, собирались в церкви, постились и молили Бога убрать от них Свою руку.

Я говорю, они продолжали этот ужасный путь три или четыре дня — я думаю, не больше, — когда один из них, особенно тот, кто спросил бедного джентльмена, что он делал, встав из могилы, был поражен Небесной чумой и умер самым прискорбным образом; и, одним словом, их всех до единого отнесли в огромную яму, о которой я упоминал выше, прежде чем она была полностью засыпана, а это продолжалось не более двух недель или около того.

Эти люди были повинны во многих сумасбродствах, при мысли о которых, как можно было бы подумать, человеческая природа должна была содрогаться в такое время всеобщего ужаса, какое тогда охватило нас, и особенно в насмешках и глумлении над всем, что им случалось видеть религиозного среди людей, особенно над тем, что они ревностно устремлялись к месту публичного богослужения, чтобы молить Небеса о милосердии в такое тяжелое время; и поскольку таверна, где они пировали, находилась в пределах видимости церковных дверей, у них был более особый повод для их атеистического нечестивого веселья.

Но это начало у них понемногу утихать до того, как произошел несчастный случай, о котором я рассказал, потому что инфекция в этой части города теперь распространилась так сильно, что люди стали бояться приходить в церковь; по крайней мере, такое количество людей не прибегало туда, как обычно. Многие священнослужители также были мертвы, а другие уехали в деревню; ибо человеку действительно требовались непоколебимое мужество и сильная вера, чтобы не только отважиться оказаться в городе в такое время, как это, но и отважиться прийти в церковь и исполнять обязанности священника перед прихожанами, среди которых, как он имел основания полагать, многие из них действительно были заражены чумой, и делать это каждый день или два раза в день, как это делалось в некоторых местах.

Это правда, что люди проявляли необычайное рвение в этих религиозных упражнениях, и поскольку двери церкви всегда были открыты, люди всегда входили поодиночке, независимо от того, совершал ли служитель богослужение или нет, и, запершись на отдельных скамьях, молились Богу с большим рвением и преданностью.

Другие собирались в домах собраний, каждый руководствуясь своим различным мнением в подобных вопросах, но все они были предметом шуток этих людей, особенно в начале посещения.

Похоже, что они были остановлены за открытое оскорбление религии таким образом несколькими добрыми людьми всех убеждений, и это, а также неистовое распространение инфекции, я полагаю, стало причиной того, что они на некоторое время поутихли в своей грубости и были возбуждены духом рибальдизма и атеизма только из-за шума, который

поднялся, когда джентльмена впервые привели туда, и, возможно, были возбуждены тем же дьяволом, когда я взялся их обличать; хотя сначала я делал это со всем спокойствием, вспыльчивостью, присущей им. и хорошие манеры, какие только мог, за что какое-то время они оскорбляли меня еще больше, думая, что это было из страха перед их негодованием, хотя впоследствии они убедились в обратном.

Я пошел домой, действительно, наболело и страждущих в уме отвратительное нечестие тех мужчин, не сомневаясь, однако, что они будут ужасными примерами справедливости Бога; ибо я смотрел на это мрачное время для конкретного сезона Божественной мести, и что Бог по этому поводу один из правильных объектов свое недовольство в более особенным и удивительным образом, чем в другое время; и что хотя я действительно считаю, что многие хорошие люди были, и ничего, падение общего бедствия, и что нет определенных правил, чтобы судья вечное состояние любой из их различают в такой момент разрушения, ни один так или иначе, но я говорю, это не могло не казаться разумным полагать, что Бог не считаете нужным щадить его милости такие открытые объявлены врагами, которые должны оскорблять его имя и время, игнорировать его мести, и издеваться над его культа и верующих в такое время; нет, не смотря на то его милость имел считал нужным терпеть и жалеть их в другое время; что это был день посещения, это день Божьего гнева, и слова, которые вошли в мою мысль, Джер. В. 9: 'я не накажу за это? говорит Господь: и разве душа Моя не будет отмщена такому народу, как этот?'

Говорю я, все это не выходило у меня из головы, и я отправился домой, очень опечаленный и подавленный ужасом перед злодеяниями этих людей и мыслью, что что-то может быть настолько мерзким, настолько ожесточенным и заведомо порочным, чтобы оскорблять Бога, Его слуг и Его поклонение таким образом и в такое время, как это было, когда Он как бы обнажил Свой меч в руке, чтобы отомстить не только им, но и всему народу.

Поначалу я действительно испытывал к ним некоторую страсть - хотя на самом деле она была вызвана не каким-либо оскорблением, которое они нанесли мне лично, а ужасом, которым наполнили меня их богохульные языки. Однако в глубине души я сомневался, что обида, которую я испытывал, была вызвана не мной лично, потому что они тоже много ругались со мной — я имею в виду лично; но после некоторой паузы, и с тяжестью горя на душе, я удалился, как только вернулся домой, потому что в ту ночь я не спал; и, смиренно поблагодарив Бога за то, что он спас меня в той огромной опасности, в которой я находился, я решил серьезно и с предельной серьезностью помолиться за этих отчаявшихся несчастных, чтобы Бог простил их, открыл им глаза и избавил от них. эффективно смирите их.

Этим я не только исполнил свой долг, а именно помолился за тех, кто жестоко использовал меня, но и полностью испытал свое собственное сердце, к моему полному удовлетворению, чтобы оно не было наполнено духом негодования, поскольку они оскорбили, в частности, меня; и я смиренно рекомендую этот метод всем тем, кто хотел бы знать или быть уверенным, как отличить свое рвение к чести Бога от последствий своих личных страстей и негодования.

Но здесь я должен вернуться к конкретным эпизодам, которые приходят мне на ум во время посещения, и особенно ко времени, когда они запирались дома в первую часть своей болезни; ибо до того, как болезнь достигла своего апогея, у людей было больше места для высказывания своих наблюдений, чем после; но когда болезнь достигла крайней точки, не было такого понятия, как общение друг с другом, как раньше.

Во время закрытия домов, как я уже говорил, к сторожам применялось некоторое насилие. Что касается солдат, то их не было. Немногочисленная гвардия, которая тогда была у короля и которая не шла ни в какое сравнение с той, что имела с тех пор, была рассредоточена либо по Оксфорду при Дворе, либо по квартирам в отдаленных частях страны, за исключением небольших отрядов, несших службу в Тауэре и Уайтхолле, да и тех было очень мало. Я также не уверен, что на Башне был какой-либо другой караул, кроме надзирателей, как они их называли, которые стоят у ворот в мантиях и шапочках, таких же, как у йоменов стражи, за исключением обычных артиллеристов, которых было двадцать четыре, и офицеров, назначенных присматривать за магазином, которых называли оружейниками. Что касается подготовленных отрядов, то собрать их не было никакой возможности; и если бы лейтенант из Лондона или Миддлсекса приказал барабанам бить для ополчения, я полагаю, ни один из отрядов не объединился бы, какому бы риску они ни подвергались.

Это привело к тому, что к стражам стали относиться с меньшим уважением и, возможно, привело к тому, что против них было применено большее насилие. Я упоминаю об этом по этому поводу, чтобы заметить, что выставление стражей, таким образом удерживающих людей, было, во-первых, неэффективным, но люди вырывались, будь то силой или хитростью, почти так часто, как им заблагорассудится; и, во-вторых, те, кто вырывался таким образом, как правило, были инфицированными людьми, которые в своем отчаянии бегали с места на место, не придавая значения тому, кого они ранили: и что, возможно, как я уже сказал, могло породить слухи о том, что для инфицированных людей было естественным желать заразить других, и эти слухи на самом деле были ложными.

И я знаю это так хорошо и в стольких случаях, что я мог бы привести несколько родственников хороших, набожных и религиозных людей, которые, когда у них была чума, были настолько далеки от намерения заражать других, что запрещали своей семье приближаться к ним в надежде на их спасение, и даже умерли, не повидавшись со своими ближайшими родственниками, чтобы они не послужили причиной возникновения у них чумы и не заразили их или не подвергли опасности. Таким образом, если и были случаи, когда инфицированные люди не обращали внимания на вред, который они причиняли другим, то это, безусловно, был один из них, если не главный, а именно, когда люди, страдавшие чумой, выбирались из домов, которые были заперты таким образом, и, доведенные до крайности из-за нехватки продовольствия или развлечений, пытались скрыть свое состояние и тем самым невольно способствовали заражению других, которые были невежественны и неосторожны.

Это одна из причин, почему я верил тогда и верю до сих пор, что закрытие домов таким образом с применением силы и удержание или, скорее, заключение людей в тюрьму в их собственных домах, как я сказал выше, не принесло никакой пользы в целом. Нет, я придерживаюсь мнения, что это было довольно обидно, вынудить этих отчаявшихся людей скитаться за границей с поразившей их чумой, которые в противном случае тихо умерли бы в своих постелях.

Я помню одного горожанина, который, сбежав таким образом из своего дома на Олдерсгейт-стрит или около того, направился по дороге в Ислингтон; он попытался зайти в гостиницу "Ангел", а затем в "Белую лошадь", две гостиницы, известные до сих пор по тем же вывескам, но получил отказ; после чего он пришел в "Пестрый бык", гостиницу, также сохранившую ту же вывеску. Он попросил у них приюта только на одну ночь, притворившись, что едет в

Линкольншир, и заверив их, что он совершенно здоров и свободен от инфекции, которая также в то время не распространилась таким образом.

Они сказали ему, что у них нет жилья, что они могут занять только одну кровать на чердаке, и что они могут оставить эту кровать на одну ночь, так как на следующий день ожидаются несколько погонщиков со скотом; так что, если он согласится на это жилье, он может его получить, что он и сделал. Поэтому был послан слуга со свечой, чтобы показать ему комнату. Он был очень хорошо одет и выглядел как человек, не привыкший ночевать на чердаке; войдя в комнату, он глубоко вздохнул и сказал слуге: "Я редко ночевал в таком жилище, как это. Однако слуга снова уверяет его, что лучшего у них нет: 'Что ж, - говорит он, - я должен сменить обстановку; это ужасное время; но это всего на одну ночь'. Поэтому он сел на кровать и приказал служанке, кажется, это была она, принести ему пинту теплого эля. Соответственно, слуга отправился за элем, но какая-то спешка в доме, из-за которой, возможно, она использовала другие способы, выбросила это из головы, и она больше не поднималась к нему.

На следующее утро, не увидев джентльмена, кто-то в доме спросил слугу, который проводил его наверх, что с ним случилось. Она вздрогнула. 'Увы мне, - говорит она, 'я никогда больше не думала о нем. Он просил меня принести ему теплого эля, но я забыла'. После чего за ним была послана не горничная, а какой-то другой человек, который, войдя в комнату, обнаружил его совершенно мертвым и почти холодным, распростертым поперек кровати. Его одежда была сорвана, челюсть отвисла, глаза открыты в самой устрашающей позе, одной рукой он крепко сжимал покрывало на кровати, так что было ясно, что он умер вскоре после того, как служанка ушла от него; и, вероятно, если бы она поднялась наверх с элем, она нашла бы его мертвым через несколько минут после того, как он сел на кровать. Как любой может предположить, в доме была большая тревога, поскольку они были свободны от чумы до этого несчастья, которое, занеся инфекцию в дом, немедленно распространило ее на другие дома вокруг. Я не помню, сколько человек умерло в самом доме, но, по-моему, служанка, которая поднялась с ним наверх первой, вскоре заболела от испуга, как и несколько других; ибо, если за неделю до этого в Ислингтоне от чумы умерли всего двое, то неделю спустя умерло семнадцать, из которых четырнадцать были от чумы. Это было на неделе с 11 по 18 июля.

В некоторых семьях, и не в немногих, произошел один сдвиг, когда их дома оказались зараженными, и он заключался в следующем: семьи, которые при первом всплеске эпидемии бежали за город и находили пристанище среди своих друзей, обычно находили кого-нибудь из своих соседей или родственников, на кого можно было бы возложить заботу об этих домах ради сохранности имущества и тому подобного. Некоторые дома действительно были полностью заперты, двери заперты на висячий замок, окна и двери забиты досками, и только их осмотр был поручен обычным сторожам и приходским чиновникам; но таковых было немного.

Считалось, что в городе и пригородах насчитывалось не менее 10 000 домов, покинутых жителями, включая те, что находились в отдаленных приходах и в Суррее, или на берегу реки, которую они называли Саутуорк. Это было помимо количества жильцов и конкретных лиц, которые были изгнаны из других семей; так что в целом было подсчитано, что около 200 000 человек были изгнаны. Но об этом я еще скажу. Но я упоминаю об этом здесь по этому поводу, а именно, что у тех, у кого, таким образом, было правило, что если кто-то в семье заболел, прежде чем хозяин семьи сообщал об этом экзаменаторам или любому другому должностному лицу, он немедленно отправлял всех остальных членов своей семьи, будь то дети или слуги, как

это оказывалось, в такой другой дом, за который он отвечал, а затем уведомлял экзаменатора о больном человеке, назначал сиделку или сиделок и запирали с ними в доме еще одного человека. (что многие сделали бы за деньги), чтобы взять на себя заботу о доме на случай, если человек умрет.

Во многих случаях это было спасением целой семьи, которая, если бы ее заперли вместе с больным человеком, неизбежно погибла бы. Но, с другой стороны, это было еще одно неудобство закрытых домов; ибо опасения и ужас оказаться взаперти заставляли многих убегать вместе с остальными членами семьи, которые, хотя это не было общеизвестно и они не были совсем больны, все же страдали от хвори; и которые, имея непрерывную свободу передвижения, но будучи по-прежнему вынуждены скрывать свои обстоятельства, или, возможно, сами не зная этого, заразили хворью других и распространили инфекцию ужасным образом, как я объясню позже.

И здесь я, возможно, смогу сделать одно-два собственных наблюдения, которые впоследствии могут пригодиться тем, в чьи руки они попадут, если они когда-нибудь увидят подобное ужасное посещение. (1) Инфекция обычно проникала в дома горожан через их слуг, которых они были вынуждены посылать вверх и вниз по улицам за предметами первой необходимости; то есть за едой или лекарствами, в пекарни, пивоварни, магазины и т. Д.; И которые, обязательно направляясь по улицам в магазины, на рынки и тому подобное, не могли не встретиться, так или иначе, с больными людьми, которые передавали им смертельный запах, и они приносили его домой, в семьи, к которым принадлежали. (2) это было большой ошибкой, что такой большой город, как это было, но один вредитель-дом; ибо если бы не было, вместо одного вредителя-дом—виз., помимо привлекает поля, где, по большей мере, они могли бы получать, может быть, двести или триста человек,—говорю я, было, вместо этого, было несколько вредителей-домов, каждый способный вместить тысячу человек, без вранья двое в постели, или две кровати в номере, и каждый мастер из семьи, как только слуга специально были приняты больных в своем доме, был вынужден отправить их на следующий чумном бараке, если они были согласны, поскольку многие были, и экзаменаторы сделали как среди бедных людей, когда-либо были поражены инфекцией; я говорю, если бы это было сделано, где люди были готовы (не иначе), и дома не были заперты, я убежден, и все время такое мнение, что не так много, несколько тысяч, умер; ибо он был замечен, и я мог бы дать несколько экземпляров в пределах моего собственного знания, где слуги были приняты болен, и семья имела ни времени, чтобы отправить его или уйти из дома и оставить больного человека, как я уже говорил выше, все они были сохранены; а когда, после одной или более отвратительного, в семье, в доме заперли, вся семья погибла, и носители были вынуждены пойти, чтобы вытащить трупы, не будучи в состоянии довести их до двери, и, наконец, ничего не осталось, чтобы сделать это.

(3) Это исключило для меня вопрос о том, что бедствие распространялось инфекцией; то есть какими-то определенными парами, которые врачи называют испарениями, дыханием, или потом, или зловонием язв больных людей, или каким-то другим способом, возможно, недоступным даже самим врачам, эти испарения воздействовали на человека, который находился на определенном расстоянии от больных, немедленно проникая в жизненно важные органы упомянутых здоровых людей, приводя их кровь в состояние немедленного брожения и возбуждая их настроение. было обнаружено, что они были возбуждены до такой степени, что эти недавно инфицированные люди таким же образом передавали это другим. И я приведу несколько примеров, которые не могут не убедить тех, кто серьезно рассматривает это; и я не

могу не с некоторым удивлением обнаружить, что некоторые люди, теперь, когда с заражением покончено, говорят о том, что это был немедленный удар с Небес, без применения средств, которым поручено поразить того или иного конкретного человека, и никого другого, — на что я смотрю с презрением как на результат явного невежества и энтузиазма; также мнение других, которые говорят о том, что инфекция передается только воздухом, принося с собой огромное количество насекомых и невидимых существ, которые попадают в организм с дыханием или даже в момент заражения. поры соприкасаются с воздухом и там вырабатывают или выделяют наиболее острые яды, или ядовитые яйцеклетки, которые смешиваются с кровью и таким образом заражают тело: рассуждение, полное ученой простоты, и это подтверждается универсальным опытом; но я расскажу больше об этом случае по порядку.

Здесь я должен далее отметить, что ничто не было более пагубным для жителей этого города, чем бездейственная небрежность самих людей, которые в течение долгого времени, когда их предупреждали о посещении, не позаботились о нем, запасшись провизией или другими предметами первой необходимости, за счет которых они могли бы жить уединенно и в своих собственных домах, как, по моим наблюдениям, поступали другие, и которые в значительной степени были защищены этой предосторожностью; и они не были, после того как немного ожесточились к этому, так стеснялись разговаривать друг с другом, когда действительно были заражены, как это было поначалу: нет, хотя они и знали это.

Я признаю, что был одним из тех легкомысленных людей, которые так мало заботились о пропитании, что моим слугам приходилось выходить на улицу, чтобы покупать каждую мелочь по пенни и полпенни, как и до того, как это началось, даже до тех пор, пока мой опыт не показал мне всю глупость, я начал мудрить так поздно, что у меня едва хватало времени, чтобы запастись продуктами, достаточными для нашего общего пропитания в течение месяца.

У меня в семье были только пожилая женщина, которая вела хозяйство, служанка, два подмастерья и я сам; и когда вокруг нас начала разрастаться чума, у меня возникло много печальных мыслей о том, какой курс мне избрать и как мне действовать. Множество мрачных событий, которые происходили повсюду, когда я ходил по улицам, наполнили мой разум большим ужасом из-за страха перед чумой, которая действительно была очень ужасной сама по себе, и у некоторых была сильнее, чем у других. Опухоли, которые обычно были на шее или в паху, когда они затвердевали и не хотели лопаться, становились настолько болезненными, что это было равносильно самой изощренной пытке; и некоторые, не в силах выносить мучения, выбрасывались из окон, или стрелялись в себя, или иным образом спасались, и я видел несколько мрачных объектов такого рода. Другие, не в силах сдерживаться, выражали свою боль непрекращающимся ревом, и когда мы шли по улицам, можно было услышать такие громкие и жалобные крики, что мысль об этом пронзала самое сердце, особенно если учесть, что такое же ужасное бедствие могло каждую минуту обрушиться на нас самих.

Не могу не сказать, что теперь я начал сомневаться в своих решениях; сердце мое сильно изменило мне, и я горько раскаивался в своей опрометчивости. Когда я был на улице и столкнулся с такими ужасными вещами, о которых я говорил, я говорю, что раскаялся в своей опрометчивости, решившись остаться в городе. Я часто жалел, что решил не оставаться, а уехал со своим братом и его семьей.

В ужасе от этих ужасных предметов я иногда уходил домой и принимал решение больше никуда не выходить; и, возможно, я придерживался этого решения в течение трех или четырех дней,

которые я проводил в самой серьезной благодарности за свое спасение и сохранение моей семьи, а также в постоянном исповедании своих грехов, каждый день отдавая себя Богу и обращаясь к Нему с постом, унижением и размышлением. Те промежутки времени, которые у меня были, я использовал для чтения книг и записи своих заметок о том, что происходило со мной каждый день, и из которых впоследствии я извлек большую часть этой работы, поскольку она относится к моим наблюдениям без дверей. То, что я написал о своих личных медитациях, я оставляю для частного использования и ни в коем случае не желаю, чтобы это стало достоянием общественности.

Я также написал другие размышления на божественные темы, которые пришли мне в голову в то время и были полезны для меня, но не подходили ни для каких других взглядов, и поэтому я больше не говорю об этом.

У меня был очень хороший друг, врач по имени Хит, которого я часто навещал в это мрачное время и чьим советам я был очень обязан за многие лекарства, которые он посоветовал мне принимать, чтобы предотвратить инфекцию, когда я выхожу на улицу, что, как он обнаружил, я часто делал, и держать во рту, когда я нахожусь на улице. Он также очень часто навещал меня, и поскольку он был добрым христианином, а также хорошим врачом, его приятная беседа стала для меня очень большой поддержкой в самое тяжелое время.

Было уже начало августа, и чума в том месте, где я жила, стала очень свирепой и ужасной, и доктор Хит, приехав навестить меня и обнаружив, что я так часто отваживаюсь выходить на улицу, убедил меня запереть себя и мою семью и никому из нас не позволять выходить на улицу; держать все наши окна плотно закрытыми, ставни и занавески закрытыми и никогда их не открывать; но сначала очень сильно задымить комнату, где должно было быть открыто окно или дверь, розой и смолой, серой или порох и тому подобное; и мы занимались этим некоторое время; но так как я не запасся провизией для такого отступления, то было невозможно, чтобы мы могли полностью оставаться за дверями. Тем не менее, я попытался, хотя было уже очень поздно, что-то предпринять; и во-первых, поскольку у меня были удобства как для варки, так и для выпечки, я пошел и купил два мешка муки, и в течение нескольких недель, имея печь, мы сами пекли весь хлеб; также я купил солод и сварил столько пива, сколько могли вместить все имевшиеся у меня бочонки, и этого, казалось, было достаточно, чтобы служить моему дому в течение пяти или шести недель; также я положил немного соленого масла и чеширского сыра; но у меня не было мяса, а чума свирепствовала так свирепо среди местных жителей. мясные лавки и скотобойни на другой стороне нашей улицы, где, как известно, они обитают в таком большом количестве, что переходить улицу среди них было нежелательно.

И здесь я должен еще раз заметить, что эта необходимость выходить из наших домов за провизией в значительной степени погубила весь город, ибо люди подхватывали чуму в этих случаях одно за другим, и даже сами провизия часто оказывалась испорченной; по крайней мере, у меня есть большие основания так полагать; и поэтому я не могу с удовлетворением сказать то, что, как я знаю, повторяется с большой уверенностью, что продавцы на рынке и те, кто привозил провизию в город, никогда не были заражены. Я уверен, что мясники Уайтчепела, где была убита большая часть мяса, подвергались ужасным посещениям, и это по крайней мере до такой степени, что немногие из их лавок оставались открытыми, а те, что остались от них, убивали мясо в Майл-Энде и таким образом и привозили его на рынок на лошадях.

Однако бедняки не могли запастись провизией, и было необходимо, чтобы они ходили на рынок за покупками, а другие посылали слуг или своих детей; и поскольку эта необходимость повторялась ежедневно, это приводило на рынки множество нездоровых людей, и очень многие из тех, кто приходил туда здоровыми, приносили с собой домой смерть.

Это правда, что люди приняли все возможные меры предосторожности. Когда кто-нибудь покупал кусок мяса на рынке, он не брал его из рук мясника, а сам снимал с крючков. С другой стороны, мясник не стал бы прикасаться к деньгам, а приказал бы положить их в кастрюлю с уксусом, которую он держал специально для этой цели. Покупатель всегда носил с собой мелкие деньги, чтобы составить любую нечетную сумму, чтобы не брать сдачи. Они несли в руках флаконы с ароматами и духами, и были использованы все средства, которые только можно было использовать, но тогда бедняки не могли делать даже этих вещей, и они шли на любой риск.

Бесчисленные мрачные истории мы слышали каждый день именно на этот счет. Иногда мужчина или женщина падали замертво прямо на рынках, потому что многие люди, пораженные чумой, ничего не знали об этом, пока внутренняя гангрена не поражала их жизненно важные органы, и они умирали через несколько мгновений. Это приводило к тому, что многие часто умирали таким образом на улицах внезапно, без всякого предупреждения; у других, возможно, было время дойти до следующего склада или ларька, или до любого подъезда, просто сесть и умереть, как я уже говорил раньше.

Эти предметы были настолько частым явлением на улицах, что, когда чума стала очень свирепствовать с одной стороны, по улицам почти никто не проходил, но несколько мертвых тел лежали тут и там на земле. С другой стороны, можно заметить, что, хотя поначалу люди останавливались на ходу и звали соседей выйти по такому случаю, все же впоследствии на них не обращали внимания; но если в какой-то момент мы находили лежащий труп, переходили дорогу и не приближались к нему; или, если в узком переулке или проходе, возвращались обратно и искали какой-нибудь другой способ продолжить то дело, которым мы занимались; и в этих случаях труп всегда оставляли до тех пор, пока полицейские не получали уведомления, чтобы прийти и забрать его, или до ночи, когда носильщики, сопровождавшие покойника, - тележка поднимала их и увозила прочь. Те бесстрашные существа, которые выполняли эти обязанности, также не преминули обыскать их карманы, а иногда и снять с них одежду, если они были хорошо одеты, как иногда и бывало, и унести все, что смогли достать.

Но вернемся к рынкам. Мясники заботились о том, чтобы, если кто-нибудь умирал на рынке, у них всегда были под рукой служащие, которые могли поднять его на ручные тележки и перевезти на соседнее кладбище; и это было так часто, что такие случаи не заносились в еженедельный отчет "Найдены мертвыми на улицах или в полях", как это происходит сейчас, но они попадали в общие статьи о великой смуте.

Но теперь ярость смуты возросла до такой степени, что даже рынки были очень скудно снабжены провизией или часто посещались покупателями по сравнению с тем, что было раньше; и лорд-мэр приказал деревенским жителям, которые приносили провизию, останавливаться на улицах, ведущих в город, и садиться там со своими товарами, где они продавали то, что привезли, и немедленно уходили; и это очень воодушевило деревенских жителей - поступить именно так, ибо они продавали свою провизию у самых въездов в город и даже на полях, особенно на полях за Уайтчепелом. , в Спитлфилдсе; также на полях Святого

Георгия в Саутуорке, на полях Банхилл и на большом поле под названием Вудс-Клоуз, недалеко от Ислингтона. Туда лорд-мэр, олдермены и магистраты посылали своих чиновников и слуг за покупками для своих семей, сами стараясь по возможности не выходить из дома, и то же самое делали многие другие люди; и после того, как этот метод был применен, сельские жители приходили с большой бодростью и приносили всевозможную провизию, и очень редко им причиняли какой-либо вред, что, я полагаю, также подкрепляло слухи о том, что они чудесным образом сохранились.

Что касается моей маленькой семьи, то, таким образом, как я уже сказал, запасшись хлебом, маслом, сыром и пивом, я последовал совету моего друга и врача, заперся вместе со своей семьей и решил перенести трудности, прожив несколько месяцев без мяса, а не покупать его с риском для жизни.

Но хотя я заперла свою семью, я не могла побороть свое неудовлетворенное любопытство и полностью замкнуться в себе; и хотя я обычно приходила домой испуганная, все же я не могла сдерживаться; только то, что на самом деле я делала это не так часто, как вначале.

У меня действительно были небольшие обязательства посещать дом моего брата, который находился в приходе на Коулмен-стрит и который он оставил на мое попечение, и я ходил туда сначала каждый день, но потом только раз или два в неделю.

Во время этих прогулок у меня перед глазами было много мрачных сцен, особенно когда люди падали замертво на улицах, ужасные крики и визгливость женщин, которые в агонии распахивали окна своих комнат и кричали ужасным, неожиданным образом. Невозможно описать разнообразие поз, в которых выражались бы страсти бедных людей.

Проезжая через Токенхаус-Ярд в Лотбери, я вдруг почувствовал, как прямо над моей головой резко распахнулась створка, и какая-то женщина трижды пронзительно взвизгнула, а затем воскликнула: "О! смерть, смерть, смерть!" - самым неподражаемым тоном, который вселил в меня ужас и леденящий холод в самую мою кровь. На всей улице никого не было видно, и ни одно другое окно не открывалось, потому что люди в любом случае больше не проявляли любопытства и никто не мог помочь друг другу, поэтому я пошел дальше по Белл-элли.

Как раз в Белл-элли, по правую руку от прохода, раздался еще более ужасный крик, хотя он был направлен не в окно; но вся семья была в ужасном испуге, и я слышал, как женщины и дети с криками носились по комнатам, как обезумевшие, когда открылось окно на чердаке и кто-то из окна на другой стороне переулочка позвал и спросил: 'В чем дело?' на что из первого окна последовал ответ: 'О Господи, мой старый хозяин повесился!' Другой снова спросил: 'Он совсем мертв?' и первый ответил: 'Да, да, совсем мертв; совершенно мертв и холоден!' Этот человек был торговцем, заместителем олдермена и очень богатым. Я стараюсь не упоминать его имени, хотя я тоже знал его имя, но это было бы затруднением для семьи, которая сейчас снова процветает.

Но это всего лишь одно; вряд ли можно поверить в то, какие ужасные случаи происходили в отдельных семьях каждый день. Люди в ярости от чумы или в муках от своих опухолей, что было действительно невыносимо, бежали от своего собственного правительства, буйствовали и терзались, и часто накладывали на себя руки, выбрасывались из окон, стреляли в себя и т.д.; матери в припадке безумия убивали своих собственных детей, некоторые умирали от простого горя как страсти, некоторые от простого испуга и неожиданности вообще без какой-либо

инфекции, другие напуганы до идиотизма и глупых развлечений, одни до отчаяния и безумия, другие до меланхолического безумия.

Боль от опухоли была особенно сильной, а для некоторых и невыносимой; можно сказать, что врачи и хирурги замучили многих бедняг даже до смерти. Опухоли у некоторых затвердели, и они применяли сильные вытяжные бляшки или припарки, чтобы разорвать их, а если это не помогало, они ужасно резали и калечили их. У некоторых эти опухоли затвердели частично из-за силы болезни, а частично из-за того, что их слишком сильно растягивали, и были такими твердыми, что никакой инструмент не мог их разрезать, и тогда они прижигали их едкими веществами, так что многие умирали, сходя с ума от мучений, а некоторые и во время самой операции. В этих бедах некоторые, за неимением помощи, чтобы удержать их в постели или присмотреть за ними, накладывали на себя руки, как описано выше. Некоторые выбегали на улицы, возможно, голыми, и бежали прямо к реке, если их не останавливал сторож или другие офицеры, и бросались в воду везде, где ее находили.

Меня часто пронзало до глубины души, когда я слышал стоны и крики тех, кто подвергался таким мучениям, но из этих двух случаев этот считался наиболее многообещающим во всей инфекции, потому что, если бы эти опухоли можно было довести до конца, прорвать и запустить, или, как это называют хирурги, переварить, пациент обычно выздоравливал; тогда как те, кого, как дочь благородной дамы, поразила смерть в самом начале, и на них проявились признаки, часто жили спокойно незадолго до смерти, а некоторые - до того момента, когда они упали, как в случае с часто случается апоплексия и эпилепсия. Таким людям внезапно становилось очень плохо, и они бежали к скамейке или навесу, или в любое удобное место, которое подвернулось, или к своим собственным домам, если это было возможно, как я упоминал ранее, и там садились, теряли сознание и умирали. Этот вид умирания был почти таким же, как и у тех, кто умирает от обычных унижений, кто умирает в обмороке и, так сказать, уходит во сне. Те, кто умер таким образом, вообще очень мало замечали о своем заражении, пока гангрена не распространилась по всему их телу; да и сами врачи не могли наверняка знать, что с ними было, пока они не вскрывали себе грудь или другие части тела и не видели признаков.

В то время нам рассказывали очень много ужасных историй о медсестрах и сторожах, которые ухаживали за умирающими людьми; то есть о нанятых медсестрах, которые ухаживали за инфицированными людьми, варварски используя их, морили голодом, душили или другими злыми способами приближали их конец, то есть убивали их; и о сторожах, которых приставили охранять дома, которые были заперты, когда остался только один человек, и, возможно, тот, кто лежал больным, что они ворвались и убили это тело, и немедленно выбросили его в тележку для перевозки трупов! И поэтому они почти не остыли в могиле.

Я не могу сказать ничего, кроме того, что было совершено несколько таких убийств, и я думаю, что двое были отправлены за это в тюрьму, но умерли до того, как их смогли судить; и я слышал, что еще трое несколько раз были оправданы за убийства такого рода; но я должен сказать, что я не верю в то, что это было таким обычным преступлением, как некоторые с тех пор изволили говорить, и это не казалось таким рациональным, когда люди были опущены так низко, что не могли помочь себе сами, потому что такие редко выздоравливали, и не было соблазна совершить убийство, по крайней мере равного тому факту, когда они были убиты. несомненно, люди умерли бы за такое короткое время и не смогли бы жить.

Я не отрицаю, что даже в это ужасное время было совершено великое множество грабежей и нечестивых поступков. Сила алчности была настолько сильна в некоторых, что они шли на любой риск, чтобы украсть и разграбить; и особенно в домах, где все семьи или обитатели были мертвы и вынесены, они врывались во что бы то ни стало и, невзирая на опасность заражения, забирали даже одежду с мертвых тел и постельное белье у других людей, где они лежали мертвыми.

Я полагаю, это, должно быть, случай с семьей в Хаундсдитче, где мужчина и его дочь, остальных членов семьи, как я полагаю, ранее увезли на тележке для перевозки трупов, были найдены совершенно голыми, один в одной комнате, другой в другой, лежащими мертвыми на полу, а постельное белье, с которого, как предполагается, его скатили воры, было украдено и унесено прочь.

Действительно, следует отметить, что женщины были во всем этом бедствии самыми опрометчивыми, бесстрашными и отчаявшимися созданиями, и поскольку было огромное количество тех, кто работал сиделками для ухода за больными, они совершили великое множество мелких краж в домах, где они работали; и некоторые из них были публично выпороты за это, хотя, возможно, их следовало бы скорее повесить для примера, поскольку в этих случаях было ограблено множество домов, пока, наконец, приходские чиновники не были посланы рекомендовать сиделок больным и всегда учитывали, кого именно они послали, чтобы предотвратить кражу. чтобы они могли призвать их к ответу, если в доме, куда их поместили, подверглись жестокому обращению.

Но эти кражи распространялись главным образом на одежду, белье и на те кольца или деньги, которые они могли получить, когда умирал человек, находившийся под их опекой, но не на общее разграбление домов; и я мог бы привести вам рассказ об одной из этих медсестер, которая несколько лет спустя, находясь на смертном одре, с величайшим ужасом призналась в кражах, которые она совершила в то время, когда была медсестрой, и на которых она значительно обогатилась. Но что касается убийств, я не нахожу, чтобы когда-либо были какие-либо доказательства фактов в том виде, в каком они были представлены, за исключением приведенных выше случаев.

Они действительно рассказали мне о медсестре в одном месте, которая положила мокрую ткань на лицо умирающего пациента, за которым она ухаживала, и таким образом положила конец его жизни, которая незадолго до этого умирала; и о другой, которая задушила молодую женщину, за которой она ухаживала, когда та была в обмороке и хотела прийти в себя; некоторые убивали их, давая им одно, другие - другое, а некоторые морили голодом, не давая им вообще ничего. Но у этих историй были два признака подозрительности, которые всегда сопровождали их, что заставляло меня всегда пренебрегать ими и смотреть на них просто как на истории, которыми люди постоянно пугают друг друга. Во-первых, где бы мы это ни услышали, место действия всегда располагалось на дальнем конце города, напротив или наиболее удаленно от того места, где вы должны были это услышать. Если вы слышали это в Уайтчепеле, значит, это произошло в Сент-Джайлсе, или в Вестминстере, или в Холборне, или на другом конце города. Если вы слышали об этом в том конце города, значит, это было сделано в Уайтчепеле, или в Минори, или в округе Крипплгейт. Если вы слышали об этом в городе, что ж, значит, это произошло в Саутуорке; а если вы слышали об этом в Саутуорке, значит, это было сделано в городе и тому подобное.

Далее, из какой бы части вы ни услышали эту историю, подробности всегда были одними и теми же, особенно о наложении двойной мокрой тряпки на лицо умирающего и о том, как он душил молодую леди; так что было очевидно, по крайней мере на мой взгляд, что в этих вещах было больше сказки, чем правды.

Однако я не могу сказать, что это произвело некоторый эффект на людей, и особенно то, что, как я уже говорил ранее, они стали более осторожными с теми, кого принимали в свои дома и кому доверяли свою жизнь, и всегда давали им рекомендации, если могли; а там, где они не могли найти таковых, поскольку их было не очень много, они обращались к приходским чиновникам.

Но и здесь страдания того времени снова обрушились на бедных, у которых, будучи зараженными, не было ни еды, ни лекарств, ни врача или аптекаря, которые могли бы им помочь, ни сиделки, которая ухаживала бы за ними. Многие из тех умерли, взывая о помощи и даже о пропитании, выглядывая из своих окон самым жалким и прискорбным образом; но следует добавить, что всякий раз, когда милорд-мэру представляли дела таких людей или семей, они всегда испытывали облегчение.

Это правда, что в некоторых домах, где люди были не очень бедны, но где они, возможно, отослали своих жен и детей, а если у них и были слуги, то их уволили; — Я говорю, это правда, что для экономии расходов многие такие, как они, запирались и, не имея помощи, умирали в одиночестве.

Мой сосед и знакомый, которому лавочник на Уайткросс-стрит или где-то поблизости задолжал немного денег, послал своего ученика, юношу лет восемнадцати, попытаться раздобыть эти деньги. Он подошел к двери и, обнаружив, что она закрыта, довольно сильно постучал; и, как ему показалось, услышал, как кто-то отвечает внутри, но не был уверен, поэтому подождал и через некоторое время постучал снова, а затем в третий раз, когда услышал, что кто-то спускается по лестнице.

Наконец в дверях появился хозяин дома; на нем были бриджи или панталоны, желтый фланелевый жилет, он был без чулок, в туфлях-тапочках, на голове белая кепка, и, как сказал молодой человек, "в его лице была смерть".

Открыв дверь, он сказал: 'Зачем вы меня так беспокоите?' Мальчик, хотя и немного удивленный, ответил: "Я родом из такого-то дома, и мой хозяин послал меня за деньгами, о которых, по его словам, ты знаешь". "Очень хорошо, дитя, - отвечает живой призрак. - зайди, когда будешь проходить мимо, в Крипплгейтскую церковь и попроси позвонить в колокол"; и с этими словами снова закрыл дверь, снова поднялся наверх и умер в тот же день; нет, возможно, в тот же час. Молодой человек сам рассказал мне об этом, и у меня есть основания этому верить. Это было в то время, когда эпидемия чумы еще не достигла апогея. Я думаю, это было в июне, ближе к концу месяца; должно быть, это было до того, как появились повозки с покойниками, и пока они использовали церемонию звонка по усопшим, которая наверняка закончилась, по крайней мере в этом приходе, до июля, потому что к 25 июля за неделю умерло 550 человек и выше, и тогда они больше не могли хоронить по всем правилам, богатых или бедных.

Я упоминал выше, что, несмотря на это ужасное бедствие, все же большое количество воров постоянно находилось за пределами тех мест, где они находили какую-либо добычу, и что это

были, как правило, женщины. Однажды утром, около одиннадцати часов, я, как часто делал, отправился в дом моего брата на Коулмен-стрит пэриш, чтобы убедиться, что все в порядке.

Перед домом моего брата был небольшой дворик, кирпичная стена и ворота, а внутри несколько складов, где лежали его товары разного рода. Случилось так, что на одном из этих складов оказалось несколько упаковок женских шляп с высокими тульями, которые поступили из страны и предназначались, как я полагаю, для экспорта: куда, я не знаю.

Я был удивлен, когда, подойдя к дому моего брата, который находился в месте, называемом Лебединой аллеей, я встретил трех или четырех женщин в шляпах с высокими тульями на головах; и, как я вспомнил впоследствии, у одной, если не больше, в руках были такие же шляпы; но поскольку я не видел, чтобы они выходили из дома моего брата, и не знал, что у моего брата на складе есть что-либо подобное, я не стал ничего им говорить, а перешел дорогу, чтобы избежать встречи с ними, как это было обычно в то время, из страха перед чумой. Но когда я подошел ближе к воротам, я встретил другую женщину в еще большем количестве шляп, выходящую из ворот. 'Какое дело, хозяйка, - спросил я, - у вас там было?' 'Там больше людей, - сказала она. - У меня там было не больше дел, чем у них'. Тогда я поспешил к воротам и больше ничего ей не сказал, что означало, что она ушла. Но как только я подошел к воротам, я увидел еще двоих, идущих через двор, чтобы выйти, тоже в шляпах на головах и под мышками, после чего я захлопнул за собой калитку, которая запиралась на пружинный замок; и, повернувшись к женщинам: 'Боже мой, - сказал я, - что вы здесь делаете?' - и, схватив шляпы, отобрал их у них. Один из них, который, признаюсь, не был похож на вора— 'Действительно, - говорит она, - мы ошибаемся, но нам сказали, что это товар, у которого нет владельца. Будьте любезны взять их снова; и посмотрите туда, здесь еще есть такие покупательницы, как мы. "Она плакала и смотрела с жалостью, поэтому я взял у нее шляпы, открыл ворота и велел им убираться, потому что мне действительно было жаль женщин; но когда я посмотрел в сторону склада, как она указала, там было еще шесть или семь, все женщины примеряли шляпы так беззаботно и спокойно, как будто они были в шляпной лавке и покупали за свои деньги.

Я был удивлен не только видом такого количества воров, но и обстоятельствами, в которых я оказался; теперь я оказался среди такого количества людей, которые в течение нескольких недель так стеснялись меня, что, если я встречал кого-нибудь на улице, я переходил им дорогу.

Они были не менее удивлены, хотя и по другой причине. Все они сказали мне, что они соседи, что они слышали, что кто-то может их украсть, что они никому не принадлежат и тому подобное. Сначала я поговорил с ними по душам, вернулся к воротам и вынул ключ, так что все они были моими пленниками, пригрозил запереть их всех на складе и пойти за офицерами моего лорд-мэра.

Они горячо просили, протестовали, утверждая, что нашли ворота открытыми и дверь склада открытой; и что ее, без сомнения, взломали те, кто ожидал найти товары большей ценности: в это действительно можно было поверить, потому что замок был сломан, а висячий замок, который висел на двери снаружи, тоже болтался, и множество шляп унесли.

В конце концов я решил, что сейчас не время быть жестоким и строгим; и, кроме того, это неизбежно вынудило бы меня много разъезжать, приглашать ко мне нескольких человек, а я хожу к нескольким, о состоянии здоровья которых я ничего не знал; и что даже в то время чума была настолько сильна, что умирало 4000 человек в неделю; так что, выказывая свое

негодование или даже добиваясь справедливости за имущество моего брата, я мог лишиться собственной жизни; поэтому я удовлетворился тем, что записал имена и места, где жили некоторые из них, которые на самом деле были жителями по соседству, и назвал их имена. и угрожали, что мой брат призовет их к ответу за это, когда вернется в свое жилище.

Затем я немного поговорил с ними с другой стороны и спросил их, как они могли совершать подобные поступки во время такого всеобщего бедствия и, так сказать, перед лицом самых ужасных Божьих приговоров, когда чума была у самых их дверей, и, возможно, даже в их домах, и они не знали ничего, кроме того, что повозка с покойниками может остановиться у их дверей через несколько часов, чтобы отвезти их в могилы.

Я не мог понять, что моя речь произвела на них большое впечатление все это время, пока не случилось так, что по соседству появились двое мужчин, услышавших о беспорядках и знавших моего брата, поскольку они оба зависели от его семьи, и они пришли мне на помощь. Они, как я уже сказал, были соседями, вскоре узнали трех женщин и рассказали мне, кто они такие и где живут; и, похоже, они уже рассказывали мне о себе раньше.

Это наводит этих двух мужчин на еще одно воспоминание. Одного из них звали Джон Хейворд, он в то время был настоятелем прихода Святого Стефана на Коулмен-стрит. Под андерсекстоном в то время понимался могильщик и носильщик мертвых. Этот человек нес или помогал нести всех умерших к их могилам, которые были похоронены в этом большом приходе и которых несли по форме; и после того, как эта форма захоронения была прекращена, он отправился с тележкой для перевозки трупов и колокольчиком, чтобы забрать мертвые тела из домов, где они лежали, и забрал многих из них из комнат и жилых домов; ибо приход был и остается особенно примечательным среди всех приходов Лондона из-за огромного количества переулков и магистралей, очень длинных, в которые не могли въехать повозки, и куда они были вынуждены ходить и забирать трупы. тела проделали очень долгий путь; какие переулки теперь остались свидетелями этого, такие как Уайтс-аллея, Кросс-Ки-корт, Суон-аллея, Белл-аллея, Уайт-Хорс-аллея и многие другие. Сюда они пришли с чем-то вроде ручной тачки, положили на нее мертвые тела и отнесли их к повозкам; эту работу он выполнял и вообще никогда не болел хворью, но прожил после нее около двадцати лет и был приходским пономарем до самой своей смерти. Его жена в то же время была медсестрой у инфицированных людей и ухаживала за многими умершими в приходе, будучи рекомендованной приходскими служащими за свою честность; однако и она никогда не была заражена.

Он никогда не использовал никаких консервантов против инфекции, кроме как держал во рту чеснок и руту и курил табак. Это я тоже получил из его собственных уст. И средством его жены было мытье головы в уксусе и сбрызгивание уксусом своих головных уборов так, чтобы они всегда оставались влажными, и если запах кого-либо из тех, кому она прислуживала, был более чем обычным, она подносила уксус к носу и брызгала уксусом на свой головной убор, и подносила ко рту смоченный уксусом платок.

Следует признать, что, хотя чума поразила главным образом бедняков, все же бедняки были самыми отважными и бесстрашными и занимались своим делом с какой-то звериной отвагой; я должен назвать это так, ибо оно не было основано ни на религии, ни на благоразумии; они почти не проявляли осторожности, но брались за любое дело, которым могли бы заняться, хотя оно и было самым опасным. Таков был уход за больными, наблюдение за тем, чтобы закрывали дома, переносили зараженных в чумной очаг и, что еще хуже, уносили мертвых в их могилы.

Именно под присмотром этого Джона Хейворда и в его пределах произошла история о волынщике, которой люди так развеселились, и он заверил меня, что это правда. Говорят, что это был слепой волынщик; но, как сказал мне Джон, парень был не слепой, а невежественный, слабый, бедный человек, и обычно совершал свой обход около десяти часов вечера и переходил на дудку от двери к двери, и люди обычно приводили его в трактиры, где они его знали, и угощали его выпивкой и едой, а иногда и фартингами; а он в свою очередь дудел, пел и просто разговаривал, что развлекало людей; и так он жил. Пока все было так, как я рассказал, было очень неподходящее время для этого развлечения, но бедняга ходил как обычно, но почти умирал с голоду; и когда кто-нибудь спрашивал, как у него дела, он отвечал, что телега с трупами его еще не забрала, но что они обещали заехать за ним на следующей неделе.

Случилось однажды ночью, что этот бедняга, то ли кто—то напоил его слишком много, то ли нет - Джон Хейворд сказал, что он не пил у себя дома, но в трактире на Коулмен—стрит ему дали немного больше еды, чем обычно, - и бедняга, который обычно не набивал живот, возможно, не очень долгое время, все это время лежал на крыше навеса или прилавка и крепко спал у двери на улице недалеко от Лондонской стены, в направлении Крипплгейт, и что на том же навесе или прилавке обитатели какого-то дома, в конце концов, крепко уснули. жители переулка, на углу которого находился дом, услышав звонок, в который они всегда звонили перед приездом телеги, положили тело, действительно умершее от чумы, рядом с ним, думая также, что этот бедняга был таким же мертвецом, как и другой, и его положил кто-то из соседей.

Соответственно, когда Джон Хейворд приехал со своим колокольчиком и тележкой и обнаружил, что на прилавке лежат два мертвых тела, они подняли их с помощью инструмента, которым пользовались, и бросили в тележку, и все это в то время, пока дудочник крепко спал.

Отсюда они отправились дальше и забрали другие мертвые тела, пока, как сказал мне честный Джон Хейворд, они чуть не похоронили его заживо в повозке; и все это время он крепко спал. Наконец телега подъехала к месту, где тела должны были быть брошены в землю, которое, насколько я помню, находилось в Маунт-Милле; и поскольку телега обычно останавливалась за некоторое время до того, как они были готовы выгрузить печальный груз, который у них был в ней, как только телега останавливалась, парень просыпался и немного боролся, чтобы высунуть голову из-под мертвых тел, когда, приподнявшись в телеге, он крикнул: 'Эй! где я? Это напугало парня, который присматривал за работой; но после некоторой паузы Джон Хейворд, придя в себя, сказал: 'Господи, благослови нас! В повозке кто-то не совсем мертв!' Тогда другой окликнул его и спросил: 'Кто ты?' Парень ответил: 'Я бедный волынщик. Где я?' "Где ты?" - говорит Хейворд. "Ну, ты же в повозке с трупами, и мы собираемся тебя похоронить". "Но я ведь не умер, правда?" - говорит волынщик, что немного рассмешило их, хотя, как сказал Джон, сначала они были искренне напуганы; поэтому они помогли бедняге спуститься, и он пошел по своим делам.

Я знаю, что история гласит, что он положил свои свирели в тележку и напугал носильщиков и других людей так, что они убежали; но Джон Хейворд не рассказывал эту историю таким образом и вообще ничего не говорил о своей свирели; но в том, что он был плохим волынщиком и что его увезли, как указано выше, я полностью убежден.

Здесь следует отметить, что повозки с трупами в городе не ограничивались определенными приходами, но одна повозка проезжала через несколько приходов, в зависимости от количества представленных мертвых; они также не были привязаны, чтобы развозить мертвых

по их соответствующим приходам, но многие из мертвых, подобранных в городе, были перенесены на место захоронения в отдаленных частях города из-за нехватки места.

Я уже упоминал о том удивлении, которое поначалу вызвало у людей это суждение. Мне должно быть позволено привести некоторые из моих наблюдений по более серьезной и религиозной части. Несомненно, никогда город, по крайней мере такого объема и величины, не был взят в состоянии столь совершенной неподготовленности к такому ужасному нападению, говорю ли я о гражданских приготовлениях или о религиозных. Действительно, они вели себя так, как будто у них не было ни предупреждения, ни ожиданий, ни опасений, и, следовательно, для этого было сделано все возможное публично. Например, лорд-мэр и шерифы как магистраты не предусмотрели правил, которые должны были соблюдаться. Они не предприняли никаких мер по оказанию помощи бедным. У граждан не было общественных складов или хранилищ зерна или муки для пропитания бедных, которыми они могли бы обзавестись сами, как в таких случаях делается за границей, многие несчастные семьи, оказавшиеся сейчас в крайней нужде, получили бы облегчение, и это можно было бы сделать лучшим способом, чем сейчас.

О запасе городских денег я мало что могу сказать. Говорили, что Лондонская палата чрезвычайно богата, и можно заключить, что они были таковыми, судя по огромным деньгам, выпущенным оттуда на перестройку общественных зданий после лондонского пожара и на строительство новых сооружений, таких как, во-первых, Гилдхолл, Блэкуэлл-холл, часть Лиденхолла, половина Биржи, Сессионный зал, Счетная палата, тюрьмы Ладгейт, Ньюгейт и др., Несколько причалов, лестниц и пристаней на реке; все они были либо сожжены дотла, либо повреждены великим пожаром. лондонский пожар, на следующий год после чумы; и второго рода Монумент, Флит-Дитч с его мостами, больница Вифлема или Бедлама и т. Д. Но, возможно, управляющие городским кредитом в то время проявили больше совести, потратив деньги сирот на благотворительность попавшим в беду гражданам, чем управляющие в последующие годы на благоустройство города и реконструкцию зданий; хотя в первом случае проигравшие сочли бы, что их состояние лучше распределено, а общественное доверие города меньше подверглось скандалу и порицанию.

Следует признать, что отсутствующие горожане, которые, хотя и бежали в поисках безопасности в деревню, все же были очень заинтересованы в благополучии тех, кого они оставили позади, не забывали делать щедрые взносы на помощь бедным, и крупные суммы также собирались в торговых городах в самых отдаленных частях Англии; и, как я слышал также, дворянство во всех частях Англии принимало во внимание плачевное состояние города и посылало крупные суммы денег в качестве благотворительной помощи лорд-мэру и магистратам для помощи бедным. Король также, как мне сказали, распорядился распределять тысячу фунтов в неделю четырьмя частями: одна четверть - городу и свободе Вестминстера; одна четверть или часть - жителям прибрежной части Саутуорка; одна четверть - городу либерти и районам внутри города, за исключением города внутри городских стен; и одна четвертая часть - пригородам графства Мидлсекс, а также восточной и северной частям города. Но об этом последнем я говорю только как об отчете.

Несомненно, что большая часть бедных или семей, которые раньше жили своим трудом или розничной торговлей, теперь жили на благотворительность; и если бы не огромные суммы денег, пожертвованные милосердными, благонамеренными христианами на поддержку таких людей, город никогда не смог бы существовать. Без сомнения, велись отчеты об их

благотворительности и о справедливом распределении ее магистратами. Но поскольку погибло множество тех самых офицеров, через руки которых это распространялось, а также, как мне сказали, большинство отчетов об этих вещах были утеряны во время большого пожара, который произошел в следующем году и в результате которого сгорел даже кабинет канцлера и многие их бумаги, поэтому я никогда не мог добраться до конкретного отчета, который я приложил большие усилия, чтобы увидеть.

Это, однако, может быть руководством на случай приближения подобного посещения, от которого да сохранит Бог город; — Я говорю, может быть полезно заметить, что благодаря заботе лорда-мэра и олдерменов того времени, еженедельно распределявших большие суммы денег на помощь бедным, множеству людей, которые в противном случае погибли бы, было оказано облегчение, и их жизни были сохранены. И здесь позвольте мне вкратце рассказать о положении бедняков в то время и о том, как их восприняли, исходя из чего впоследствии можно судить о том, чего можно ожидать, если подобное бедствие постигнет город.

В начале эпидемии, когда уже не оставалось никакой надежды, кроме как на то, что будет охвачен весь город; когда, как я уже сказал, все, у кого были друзья или поместья в стране, уехали со своими семьями; и когда, действительно, можно было подумать, что сам город выбегает за ворота и что там никого не останется; вы можете быть уверены, что с того часа вся торговля, за исключением той, которая связана с непосредственным пропитанием, была, так сказать, полностью остановлена.

Это настолько живой случай, и в нем содержится так много о реальном положении людей, что я думаю, что не могу быть слишком разборчив в нем, и поэтому я перехожу к нескольким состояниям или классам людей, которые сразу же попали в бедственное положение по этому поводу. Например:

1. Все мастера мануфактур, особенно тех, которые относятся к украшениям и менее необходимым деталям народного костюма, одежды и мебели для домов, такие как ткачихи ленты и другие ткачихи, изготовители золотых и серебряных кружев, золотых и серебряных проволочных ящиков, швейницы, модистки, сапожники, шляпники и перчаточники; также обойщики, столяры, краснодеревщики, стеклодувы и бесчисленные профессии, которые зависят от подобных; - Я говорю, мастера таких ремесел прекратили свою работу, уволили своих подмастерьев и рабочих, а также всех иждивенцев.
2. Поскольку торговля была полностью остановлена, поскольку очень немногие корабли отваживались подниматься вверх по реке и ни одно вообще не выходило, поэтому все чрезвычайные чиновники таможни, а также водники, кареты, носильщики и все бедняки, чей труд зависел от торговцев, были немедленно уволены и выведены из бизнеса.
3. Все торговцы, обычно занятые строительством или ремонтом домов, оказались в полной остановке, ибо люди были далеки от желания строить дома, когда столько тысяч домов были разом лишены своих обитателей; так что одна эта статья лишила всех обычных работников такого рода бизнеса, таких как каменщики, каменотесы, плотники, столяры, штукатуры, маляры, стекольщики, кузнецы, водопроводчики и все работники, зависящие от них.
4. Поскольку судоходство прекратилось, наши корабли не заходили и не выходили, как раньше, поэтому все моряки остались без работы, и многие из них находились в последней и самой низкой степени бедствия; и с моряками были все несколько торговцев и рабочих,

принадлежащих к строительству и оснащению кораблей и зависящих от них, таких как корабельные плотники, конопатчики, канатоходцы, бондари, парусники, якорщики и другие кузнецы; изготовители блоков, резчики, оружейники, корабельные чандлеры, корабельные резчики, и тому подобное. Хозяева этих домов, возможно, и могли бы жить на свое состояние, но торговцы повсеместно оказались в безвыходном положении, и, следовательно, все их рабочие были уволены. Добавьте к этому, что река была в некотором роде без лодок, и все или большая часть лодочников, лихтеров, строителей лодок и лихтеровозов подобным же образом бездействовали.

5. Все семьи, насколько это было возможно, сократили свой прожиточный минимум, как те, кто сбежал, так и те, кто остался; так что неисчислимое множество лакеев, прислуги, владельцев магазинов, подмастерьев, торговых бухгалтеров и тому подобных людей, и особенно бедных горничных, были уволены и остались без друзей и беспомощными, без работы и без жилья, и это была действительно печальная статья.

Я мог бы остановиться подробнее на этой части, но, возможно, достаточно упомянуть в целом, что все ремесла были остановлены, занятость прекратилась: у бедных прекратился труд, а следовательно, и хлеб; и поначалу действительно было очень грустно слышать крики бедных, хотя благодаря раздаче милостыни их страдания таким образом значительно уменьшились. Многие действительно бежали в графства, но тысячи из них оставались в Лондоне до тех пор, пока ничто, кроме отчаяния, не заставило их уехать, смерть настигла их в дороге, и они послужили не лучше, чем вестниками смерти; более того, другие, неся с собой заразу, очень пагубно распространили ее в самых отдаленных уголках королевства.

Многие из них были жалкими объектами отчаяния, о которых я упоминал ранее, и были уничтожены последовавшим за этим разрушением. Можно сказать, что они погибли не от самой инфекции, а от ее последствий; на самом деле, а именно от голода, тесноты и нужды во всем: без жилья, без денег, без друзей, без средств добыть свой хлеб или без кого-либо, кто мог бы им его дать; ибо многие из них были без того, что мы называем законными поселениями, и поэтому не могли претендовать на приходы, и вся поддержка, которую они имели, заключалась в обращении к магистратам за помощью, которая (надо отдать должное магистратам) была тщательно и радостно оказана так, как они сочли это необходимым, а те, кто остался, никогда не обращались за помощью. почувствовали нужду и огорчение того рода, которые испытывали те, кто уходил описанным выше способом.

Пусть любой, кто знаком с тем, какое множество людей добывает свой хлеб насущный в этом городе своим трудом, будь то ремесленники или простые рабочие, — я говорю, пусть любой человек задумается о том, в каком плачевном состоянии окажется этот город, если внезапно все они окажутся без работы, этот труд прекратится и заработная плата за работу больше не будет.

Так обстояло дело с нами в то время; и если бы суммы денег, пожертвованные на благотворительность доброжелательными людьми всех мастей, как за границей, так и дома, не были бы невероятно велики, лорд-мэр и шерифы не смогли бы сохранить общественный порядок. Они также не были лишены опасений, что отчаяние толкнет людей на беспорядки и заставит их расстреливать дома богачей и грабить рынки провизии; в этом случае сельские жители, которые очень свободно и смело привозили провизию в город, были бы в ужасе от того, что пришли бы сюда еще раз, и город погрузился бы в пучину неизбежного голода.

Но благоразумие лорда-мэра и Суда олдерменов в пределах города, а также мировых судей в отдаленных районах было таково, и они получали денежную поддержку отовсюду настолько хорошо, что бедняков держали в покое, и их нужды везде удовлетворялись, насколько это было возможно.

Две вещи, помимо этого, способствовали предотвращению каких-либо злодеяний со стороны мафии. Первое заключалось в том, что на самом деле сами богатые не запаслись провизией в своих домах, как им действительно следовало бы сделать, и что, если бы они были достаточно мудры, чтобы сделать это, и полностью заперлись, как это делали некоторые, они, возможно, лучше избежали бы болезни. Но, как оказалось, они этого не сделали, так что толпа и не думала находить там запасы провизии, если бы они ворвались внутрь, как, очевидно, они иногда были очень близки к тому, чтобы это сделать, и что, если бы они это сделали, они довершили бы разрушение всего города, потому что не было регулярных войск, которые могли бы противостоять им, и обученные отряды не могли быть собраны для защиты города, поскольку не нашлось людей с оружием в руках.

Но бдительность лорд-мэра и всех магистратов, какая только была возможна (ибо некоторые, даже из олдерменов, были мертвы, а некоторые отсутствовали), предотвратила это; и они сделали это самыми добрыми и щадящими методами, какие только смогли придумать, в частности, снабдив деньгами самых отчаявшихся и приобщив других к бизнесу, и особенно наблюдением за зараженными и закрытыми домами. И поскольку число их было очень велико (ибо, как говорили, когда-то было заперто десять тысяч домов, и в каждом доме было по два сторожа, а именно: один ночью, а другой днем), это давало возможность нанимать на работу очень большое количество бедняков одновременно.

Женщины и слуги, которых выгнали со своих мест, также были наняты в качестве сиделок для ухода за больными во всех местах, и это привело к увольнению очень большого их числа.

И это, хотя и печальная статья сама по себе, все же было избавлением в своем роде, а именно: чума, которая ужасным образом свирепствовала с середины августа по середину октября, унесла за это время тридцать или сорок тысяч тех самых людей, которые, если бы они остались, несомненно, были бы невыносимым бременем из-за своей бедности; то есть весь город не смог бы ни покрыть их расходы, ни обеспечить их продовольствием; и со временем они были бы даже поставлены перед необходимостью разграбления либо самого города, либо окрестностей. соседняя страна, чтобы выжить самим, что в первую или последнюю очередь повергло бы всю нацию, а также город, в крайний ужас и замешательство.

Таким образом, было заметно, что это бедствие сделало людей очень смиренными; ибо теперь в течение примерно девяти недель подряд умирало около тысячи человек в день, день за днем, даже если судить по еженедельным счетам, которые, однако, у меня есть основания быть уверенным, никогда не давали полного отчета многим тысячам; неразбериха была такой, а тележки, перевозившие мертвых, работали в темноте, что в некоторых местах вообще не вели учета, но они продолжали работать, клерки и пономари неделями не приходили на работу и не знали, какое количество они везут. . Эта учетная запись подтверждена следующими справками о смертности:—

- Из всех

- Болезней. Эпидемия чумы

С 8 по 15 августа 5319 3880

” ” 15 ” 22 5568 4237

” ” 22 ” 29 7496 6102

” ” с 29 по 5 сентября 8252 6988

” 5 сентября ” 12 7690 6544

” ” 12 ” 19 8297 7165

” ” 19 ” 26 6460 5533

” ” с 26 по 3 октября 5720 4979

” 3 октября ” 10 5068 4327

- -----

- 59 870 49 705

Таким образом, общее количество людей было унесено за эти два месяца; ибо, поскольку общее число привезенных для смерти от чумы составляло всего 68 590 человек, то здесь их 50 000, с небольшим, за два месяца; я говорю 50 000, потому что, поскольку в приведенном выше числе не хватает 295, то и в счете времени не хватает двух дней из двух месяцев.

Теперь, когда я говорю, что приходские чиновники не давали полного отчета или на их отчет нельзя было положиться, пусть кто-нибудь задумается, как люди могли быть точными в такое время ужасного бедствия, когда многие из них сами заболели и, возможно, умерли в то самое время, когда их отчеты должны были быть представлены; я имею в виду приходских клерков, не говоря уже о младших чиновниках; ибо, хотя эти бедняги отваживались на любой риск, все же они были далеки от того, чтобы быть избавленными от общего бедствия, особенно если верно, что приход Степни за год , 116 пономари, могильщики и их помощники; то есть носильщики, звонари и водители повозок для перевозки мертвых тел.

Действительно, работа была не из тех, которые позволяли бы им на досуге составить точный рассказ о мертвых телах, которые все были сбиты в кучу в темноте в яме; к яме или траншее никто не мог приблизиться, кроме как подвергаясь величайшему риску. Я часто наблюдал, что в приходах Олдгейт и Крипплгейт, Уайтчепел и Степни в счетах числилось по пять, шесть, семь и восемьсот человек в неделю; тогда как, если мы можем верить мнению тех, кто жил в городе постоянно, а также мне, в этих приходах умирало иногда по 2000 человек в неделю; и я видел это от руки человека, который провел настолько строгое расследование в этой части, насколько мог, что действительно за один год от чумы умерло сто тысяч человек, тогда как в счетах, статьях о чуме, это было по 68 590.

Если мне будет позволено высказать свое мнение, исходя из того, что я видел своими глазами и слышал от других людей, которые были очевидцами, я действительно верю в то же самое, а именно, что только от чумы умерло по меньшей мере 100 000 человек, не считая других болезней и не считая тех, кто умер на полях, дорогах и в укромных местах вне так называемого "компаса коммуникации", и которые не были указаны в счетах, хотя на самом деле принадлежали к основной массе жителей. Всем нам было известно, что множество бедных отчаявшихся созданий, пораженных болезнью и оупевших или впавших в меланхолию из-за

своих невзгод, как это было со многими, уходили в поля и леса, в укромные неприглядные места почти везде, чтобы забраться в кусты или изгородь и умереть.

Жители соседних деревень из жалости приносили им еду и ставили ее на расстоянии, чтобы они могли ее принести, если смогут; иногда им это не удавалось, и в следующий раз, когда они приходили, они находили бедняг мертвыми, а еду нетронутой. Количество этих несчастных предметов было велико, и я знаю так много тех, кто погиб таким образом, и так точно где, что я думаю, что мог бы отправиться на то самое место и до сих пор выкапывать их кости; потому что деревенские жители пошли бы и выкопали яму на некотором расстоянии от них, а затем с помощью длинных шестов и крючьев на их концах перетащили бы тела в эти ямы, а затем забросали землей так далеко, как только могли, чтобы засыпать их, обращая внимание на то, как дул ветер, и поэтому подходили с той стороны, которую моряки называют наветренной, чтобы запах тел мог донести до них. удар от них; и таким образом из мира ушло огромное количество людей, о которых никто никогда не знал и не вел о них никаких отчетов, как в сводках смертности, так и вне их.

Это, действительно, я узнал в основном только от других, потому что я редко выходил в поля, разве что в сторону Бетнал-Грин и Хэрни, или как это будет позже. Но когда я все-таки шел, я всегда видел вдалеке великое множество бедных странников; но я мало что мог знать об их делах, потому что, было ли это на улице или в поле, если мы видели, что кто-то приближается, это был обычный способ уйти; и все же я верю, что этот рассказ абсолютно правдив.

Поскольку это заставляет меня упомянуть о моих прогулках по улицам и полям, я не могу не отметить, каким пустынным местом был город в то время. Грейт-стрит, на которой я жил (которая, как известно, одна из самых широких улиц Лондона, я имею в виду пригороды, а также либерти), вся сторона, где жили мясники, особенно без баров, была больше похожа на зеленое поле, чем на мощеную улицу, и люди обычно шли посередине с лошадьми и повозками. Это правда, что самый дальний конец Уайтчепел-Черч не был полностью заасфальтирован, но даже та часть, которая была заасфальтирована, тоже заросла травой; но это не должно казаться странным, поскольку на больших улицах города, таких как Лиденхолл-стрит, Бишопсгейт-стрит, Корнхилл и даже у самой Биржи, в нескольких местах росла трава; с утра до вечера на улицах не было видно ни телеги, ни кареты, за исключением нескольких деревенских повозок, которые привозили на рынок коренья, бобы или горох, сено и солому, да и тех было очень мало по сравнению с тем, что было на рынке. как обычно. Что касается карет, то они использовались редко, разве что для перевозки больных в чумной дом и в другие больницы, а некоторые - для перевозки врачей в те места, которые они считали нужным посетить; на самом деле кареты были опасными, и люди не хотели садиться в них, потому что они не знали, кого могли занести в них последними, а больных, инфицированных людей, как я уже говорил, обычно доставляли в чумные дома, и иногда люди умирали в них по дороге.

Это правда, когда инфекция достигла такого размаха, о котором я только что упомянул, было очень мало врачей, которые хотели отправиться за границу в дома престарелых, и очень многие из самых выдающихся профессоров были мертвы, так же как и хирурги; ибо сейчас это было действительно мрачное время, и в течение примерно месяца, не обращая внимания на списки смертности, я полагаю, что умирало не менее 1500 или 1700 человек в день, день за днем.

Один из худших дней, которые у нас были за все время, как я думал, был в начале сентября, когда, действительно, добрые люди начали думать, что Бог решил полностью уничтожить

людей в этом несчастном городе. Это было в то время, когда чума полностью пришла в восточные приходы. Приход Олдгейт, если мне позволено высказать свое мнение, в течение двух недель хоронил более тысячи человек в неделю, хотя в счетах говорилось не так много; но это окружало меня с такой унылой скоростью, что в Минори, Хаундсдитче и в тех частях Олдгейтского прихода, что прилегали к Мясному ряду и переулкам напротив меня, не было ни одного незараженного дома из двадцати. Я говорю, что в тех местах смерть царила в каждом углу. Приход Уайтчеппел был в таком же состоянии, и хотя он был намного меньше, чем приход, в котором я жил, все же хоронил по счетам около 600 долларов в неделю, а по моему мнению, почти вдвое больше. Целые семьи и даже целые улицы с семьями были сметены вместе; настолько, что соседи часто звонили посыльному, чтобы тот отправился в такие-то дома и забрал оттуда людей, поскольку все они были мертвы.

И, действительно, работа по вывозу мертвых тел на телегах стала теперь настолько отвратительной и опасной, что появились жалобы на то, что носильщики не заботились о том, чтобы убрать такие дома, где все жители были мертвы, но иногда тела лежали по нескольку дней непогребенными, пока соседние семьи не начинали возмущаться зловонием и, следовательно, заражаться; и это пренебрежение со стороны должностных лиц было таким, что для присмотра за этим вызывались церковные старосты и констебли, и даже сельским судьям приходилось рисковать своей жизнью среди них, чтобы оживить и ободрить их, ибо бесчисленные носильщики умерли от чумы, заразившись от тел, к которым они были вынуждены подходить так близко. И если бы число бедных людей, которые искали работу и хотели хлеба (как я уже говорил ранее), не было настолько велико, что необходимость заставляла их браться за что угодно и отваживаться на что угодно, они никогда бы не нашли работу. И тогда тела мертвых остались бы лежать на земле, погибая и разлагаясь ужасным образом.

Но нельзя в достаточной степени похвалить магистратов за то, что они поддерживали такой хороший порядок при погребении мертвых, что как только кто-либо из них, которых они использовали для перевозки и захоронения умерших, заболел или умирал, как это случалось много раз, они немедленно заменяли эти места другими, что, как указано выше, было нетрудно сделать из-за большого количества бедняков, оставшихся не у дел. Это привело к тому, что, несмотря на бесконечное количество людей, которые умирали и были больны, почти все вместе, их всегда убирали и уносили каждую ночь, так что о Лондоне никогда нельзя было сказать, что живые не могли похоронить мертвых.

Чем больше было опустошения в те ужасные времена, тем больше росло изумление людей, и они совершали тысячи необъяснимых поступков в приступе сильного страха, как другие делали то же самое в агонии своего смятения, и эта часть была очень трогательной. Некоторые шли по улице, ревя, рыдая и заламывая руки; некоторые молились и воздевали руки к небу, взывая к Богу о милосердии. Я не могу сказать, действительно, было ли это вызвано их рассеянностью, но, как бы то ни было, это все же было признаком более серьезного ума, когда они использовали свои чувства, и даже так было намного лучше, чем ужасные вопли и плач, которые каждый день, и особенно по вечерам, раздавались на некоторых улицах. Я полагаю, мир слышал о знаменитом энтузиасте Соломоне Игле. Он, хотя и не был заражен вовсе, кроме как в своей голове, разгуливал по городу с осуждением суда в ужасающей манере, иногда совершенно голый, и с кастрюлей с горящими углями на голове. Что он говорил или притворялся, я так и не смог узнать.

Я не буду говорить, был ли этот священник отвлечен или нет, или же он делал это из чистого рвения к бедным людям, которые каждый вечер ходили по улицам Уайтчеппела и, воздев руки, постоянно повторяли эту часть Церковной Литургии: 'Пощади нас, добрый Господь; пощади народ Твой, которого Ты искупил Своей драгоценнейшей кровью'. Я говорю, я не могу говорить положительно об этих вещах, потому что это были только мрачные картины, которые представлялись мне, когда я смотрел в окна своей комнаты (ибо я редко открывал створки), в то время как я запирался за дверьми во время самого сильного буйства чумы; когда, действительно, как я уже сказал, многие начали думать и даже говорить, что никто не спасется; и действительно, я тоже начал так думать, а потому около двух недель просидел за дверями и ни разу не выходил. Но я не смог сдержаться. Кроме того, были некоторые люди, которые, несмотря на опасность, не забывали публично посещать богослужение даже в самые опасные времена; и хотя верно, что очень многие священнослужители действительно запирали свои церкви и бежали, как это делали другие люди, ради спасения своей жизни, все же не все сделали этого. Некоторые отваживались совершать богослужения и поддерживать народные собрания постоянными молитвами, а иногда проповедями или краткими призывами к покаянию и исправлению, изто до тех пор, пока кто-нибудь приходил их послушать. И раскольники делали то же самое, и даже в тех самых церквях, где приходские священники были либо мертвы, либо бежали; да и не было никакой возможности что-то изменить в такое время, как это было.

Было действительно прискорбно слышать жалобные стенания бедных умирающих созданий, взывающих к служителям, чтобы они утешили их и помолились вместе с ними, дали им совет и направили их, взывая к Богу о прощении и милосердии и громко исповедуясь в своих прошлых грехах. Самое стойкое сердце облилось бы кровью, услышав, сколько предостережений было дано умирающими кающимися другим не откладывать свое раскаяние до дня скорби; что в такое тяжелое время, как это, не время для покаяния, не время взывать к Богу. Я хотел бы повторить сам звук тех стонов и тех восклицаний, которые я слышал от некоторых бедных умирающих существ в разгар их агонии и горя, и чтобы я мог заставить того, кто читает это, услышать, как, я полагаю, я сейчас слышу их, потому что звук, кажется, все еще звенит в моих ушах.

Если бы я только мог рассказать эту часть с такими трогательными интонациями, которые затронули бы саму душу читателя, я бы порадовался, что записал эти вещи, какими бы короткими и несовершенными они ни были.

Богу было угодно, чтобы я все еще был пощажен и был очень бодр и крепок здоровьем, но мне очень не хотелось сидеть взаперти без воздуха, как это было четырнадцать дней или около того; и я не мог сдержаться, но пошел отнести письмо для моего брата на почту. Тогда я действительно заметил на улицах глубокую тишину. Когда я пришел на почту, чтобы опустить свое письмо, я увидел мужчину, стоявшего в углу двора и разговаривавшего с другим у окна, а третий открывал дверь, ведущую в контору. Посреди двора лежала маленькая кожаная сумочка с двумя висящими на ней ключами, в которой были деньги, но никто не стал бы к ней прикасаться. Я спросил, как долго она там пролежала; человек у окна сказал, что она пролежала почти час, но что они не трогали ее, потому что не знали, что человек, уронивший ее, мог вернуться, чтобы найти ее. У меня не было такой нужды в деньгах, и сумма не была настолько велика, чтобы у меня было какое-либо желание вмешиваться в их дела или добывать деньги, рискуя, с чем это могло быть сопряжено; поэтому я, казалось, собирался уйти, когда человек, открывший дверь, сказал, что возьмет их, но так, чтобы, если за ними придет

настоящий владелец, он был уверен, что они будут у него. Итак, он вошел и принес ведро воды и поставил его рядом с кошельком, затем пошел снова и принес немного пороха, и насыпал много пороха на кошелек, а затем сделал шлейф из того, что он высыпал на кошелек. Поезд проехал около двух ярдов. После этого он идет в третий раз и достает раскаленные докрасна щипцы, которые он приготовил, я полагаю, нарочно; и сначала поджигает шлейф пороха, который опалил кошелек, а также изрядно задымил воздух. Но он этим не удовлетворился, а затем взял кошелек щипцами, держа его так долго, пока щипцы не прожгли кошелек насквозь, а затем он вытряхнул деньги в ведро с водой и отнес его туда. Денег, насколько я помню, было около тринадцати шиллингов, несколько круп и медных фартингов.

Возможно, было бы несколько бедных людей, как я заметил выше, которые были бы достаточно отважны, чтобы отважиться на это ради денег; но вы можете легко увидеть из того, что я заметил, что те немногие люди, которых пощадили, были очень осторожны в то время, когда бедствие было столь велико.

Примерно в то же время я вышел в поля по направлению к Боу; ибо мне очень хотелось посмотреть, как обстоят дела на реке и среди кораблей; а поскольку я имел некоторое отношение к судоходству, у меня сложилось впечатление, что уединение на корабле было одним из лучших способов обезопасить себя от инфекции; и, размышляя, как удовлетворить свое любопытство в этом вопросе, я повернул через поля от Боу до Бромли и вниз, в Блэкуолл, к лестнице, которая там предназначена для высадки на берег или набора воды.

Здесь я увидел бедняка, который шел по берегу, или морской стене, как они это называют, в одиночестве. Я также немного походил по окрестностям, видя, что все дома закрыты. Наконец я разговорился на расстоянии с этим беднягой; сначала я спросил его, как живут люди в округе. 'Увы, сэр! - говорит он, - почти безлюдно; все умерли или больны. В этой части или в той деревне очень мало семей, - он указал на Тополь, - где половина из них еще жива, а остальные больны. Затем он указал на один дом: 'Там они все мертвы', - сказал он, - "а дом стоит открытым; никто не осмеливается войти в него. Бедный вор, ' говорит он, ' отважился что-то украсть, но дорого поплатился за свою кражу, потому что прошлой ночью его тоже отнесли на церковный двор. Затем он указал на несколько других домов. 'Вот, - говорит он, ' они все мертвы: мужчина, его жена и пятеро детей. Там, - говорит он, - они закрыты; вы видите сторожа у дверей'; и то же самое в других домах. 'Почему, - говорю я, - что ты здесь делаешь совсем одна?' 'Почему, ' говорит он, ' я бедный, покинутый человек; богу было угодно, чтобы меня еще не посетили, хотя моя семья жива и один из моих детей умер'. 'Тогда как вы хотите сказать, - спросил я, - что вас не посетили?' "Да ведь, - говорит он, - это мой дом" (указывая на очень маленький дом с низкими досками), "и там живут моя бедная жена и двое детей", - сказал он, - "если можно так сказать, что они живут, потому что мою жену и одного из детей навещают, но я к ним не подхожу". И при этих словах я увидел, как по его лицу обильно потекли слезы; и по моему лицу тоже, уверяю вас.

'Но, - сказал я, - почему ты не нападаешь на них? Как ты можешь бросить свою плоть и кровь?' 'О, сэр, ' говорит он, ' боже упаси! Я не бросаю их; я работаю для них столько, сколько в моих силах; и, благословен Господь, я оберегаю их от нужды'; и с этими словами я заметил, что он возвел глаза к небу с выражением лица, которое сразу сказало мне, что я случайно встретил человека, который не был лицемером, но серьезным, религиозным, хорошим человеком, и его восклицание было выражением благодарности за то, что в таком состоянии, в каком он находился, он мог сказать, что его семья не нуждается. 'Что ж, ' говорю я, ' честный человек, это

великая милость, учитывая, как сейчас обстоят дела с бедняками. Но как же тогда вы живете и как вас оберегают от ужасного бедствия, которое сейчас обрушилось на всех нас? 'Ну, сэр, ' говорит он, ' я лодочник, и вот моя лодка, - говорит он, - и лодка служит мне домом. Я работаю в нем днем и сплю в нем ночью; и то, что я получаю, я кладу вон на тот камень, - говорит он, показывая мне широкий камень на другой стороне улицы, довольно далеко от своего дома. "и тогда, - говорит он, - я кричу и зову их, пока не заставлю их услышать; и они приходят и забирают его".

'Что ж, друг, - говорю я, - но как ты можешь добыть деньги, будучи водником? Кто-нибудь в наше время ходит по воде?' 'Да, сэр, ' говорит он, - в том смысле, в каком я там работаю, так оно и есть. Видите ли вы, ' говорит он, - пять кораблей стоят на якоре' (указывая вниз по реке, значительно ниже города), 'и видите ли вы, - говорит он, ' восемь или десять кораблей стоят у цепи вон там и на якоре вон там?' (указывая на город). "На борту всех этих кораблей находятся семьи их купцов, владельцев и им подобных, которые заперлись и живут на борту, запершись наглухо, из страха заражения; и я забочусь о них, чтобы приносить им вещи, разносить письма и делать то, что абсолютно необходимо, чтобы им не пришлось сойти на берег; и каждую ночь я привязываю свою лодку к борту одной из шлюпок корабля, и там я сплю один, и, благословен Господь, я спасен до сих пор".

"Хорошо, - сказал я, - друг, но позволят ли тебе подняться на борт после того, как ты побывал здесь, на берегу, когда это такое ужасное место и оно так заражено?"

' Что касается этого, ' сказал он, ' то я очень редко поднимаюсь на борт корабля, но приношу то, что приношу, к их лодке или ложусь у борта, и они поднимают это на борт. Если бы я это сделал, думаю, с моей стороны им ничего не грозит, потому что я никогда не захожу ни в один дом на берегу и никого не трогаю, нет, не из своей семьи; но я приношу им провизию.

"Нет, - говорю я, - но это может быть и хуже, потому что у вас должны быть те или иные припасы; а поскольку вся эта часть города настолько заражена, что даже разговаривать с кем-либо опасно, потому что деревня, - сказал я, - это, так сказать, начало Лондона, хотя и находится на некотором расстоянии от него".

' Это правда, - добавил он, - но вы меня неправильно поняли; я не покупаю для них здесь провизию. Я подплываю к Гринвичу и покупаю там свежее мясо, а иногда я плыву вниз по реке до Вулвича и покупаю там; затем я захожу в одинокие фермерские домики на Кентишской стороне, где меня знают, и покупаю птицу, яйца и масло, и привожу на корабли, как они мне укажут, иногда одно, иногда другое. Я редко выхожу здесь на берег, и сейчас я пришел только для того, чтобы навестить свою жену и послушать, как поживает моя семья, и передать им немного денег, которые я получил прошлой ночью.

"Бедняга! - сказал я. - и сколько же ты получил за них?"

'Я получил четыре шиллинга, ' сказал он, ' это большая сумма, учитывая нынешнее положение бедняков; но они дали мне также мешок хлеба, соленую рыбу и немного мяса; так что все помогает'. "Ну, - сказал я, - и ты уже отдал им это?"

'Нет, - сказал он, - но я позвонил, и моя жена ответила, что пока не может выйти, но надеется прийти через полчаса, и я жду ее. Бедная женщина! ' говорит он. - она приуныла. У нее опухоль, и она лопнула, и я надеюсь, что она поправится; но я боюсь, что ребенок умрет, но это Господь...

Здесь он остановился и сильно заплакал.

"Что ж, честный друг, - сказал я, - у тебя есть верный Утешитель, если ты заставил себя смириться с волей Божьей; Он вершит суд над всеми нами".

"О, сэр! - воскликнул он. - это бесконечное милосердие, если кто-то из нас пощажен, и кто я такой, чтобы роптать!"

‘ Ты так говоришь? - спросил я. ‘ и насколько моя вера меньше твоей? И тут мое сердце дрогнуло, показав, насколько лучше фундамент этого бедняги, на котором он выдержал опасность, чем мой; что ему некуда было бежать; что у него была семья, которая обязывала его присутствовать, чего не было у меня; и мое предположение было чистой самонадеянностью, его истинная зависимость и мужество покоились на Боге; и все же он использовал всю возможную осторожность для своей безопасности.

Я немного отвернулась от этого человека, пока эти мысли занимали меня, потому что, действительно, я могла удержаться от слез не больше, чем он.

Наконец, после еще нескольких разговоров, бедная женщина открыла дверь и позвала: ‘Роберт, Роберт’. Он ответил и попросил ее задержаться на несколько минут, а сам придет; поэтому он сбежал вниз пообщей лестнице к своей лодке и принес мешок, в котором была провизия, которую он захватил с кораблей; и когда он вернулся, то снова закричал. Затем он подошел к большому камню, который он мне показывал, и вытряхнул содержимое мешка, и разложил все, все отдельно, а затем удалился; а его жена пришла с маленьким мальчиком, чтобы забрать их, и позвала и сказала, что такой-то капитан прислал такую-то вещь, и такой-то капитан такую-то вещь, и в конце добавила: "Бог послал все это; поблаговари Его". Когда бедная женщина взяла все, она была так слаба, что не смогла сразу отнести это, хотя вес тоже был невелик; поэтому она оставила печенье, которое было в маленьком мешочке, на столе. и оставила маленького мальчика присматривать за ним, пока она не придет снова.

"Хорошо, но, - говорю я ему, - ты оставил ей еще и четыре шиллинга, которые, по твоим словам, составляли твое недельное жалованье?"

"Да, да, - говорит он, - ты услышишь, как она признается". И он снова зовет: "Рэйчел, рэйчел", - так, кажется, ее звали, - "ты взяла деньги?" ‘Да’, - сказала она. ‘Сколько это стоило?’ - спросил он. ‘Четыре шиллинга и крупу’, - сказала она. "Ну, ну, - сказал он, - да хранит вас всех Господь"; и он повернулся, чтобы уйти.

Как я не мог удержаться от слез, рассказывая историю этого человека, так и я не мог удержаться от своего милосердия к нему за помощь. И я позвал его: ‘Послушай, друг, ‘ сказал я, - подойди сюда, ибо я верю, что ты здоров, чтобы я мог рискнуть тобой’; и я вытащил свою руку, которая до этого была у меня в кармане. "Вот, - говорю я, - пойд и позови свою Рейчел еще раз, и пусть я ее еще немного утешу. Бог никогда не оставит семью, которая так доверяет Ему, как ты.’ Поэтому я дал ему еще четыре шиллинга и велел пойти положить их на камень и позвать свою жену.

У меня нет слов, чтобы выразить благодарность бедняги, да и сам он не мог бы выразить ее иначе, как слезами, текущими по его лицу. Он позвонил своей жене и сказал ей, что Бог тронул сердце незнакомого человека, услышав об их состоянии, и дал им все эти деньги и многое другое из того, что он сказал ей. Женщина тоже сделала знаки благодарности, как Небесам, так

и мне, и радостно подняла его; и весь тот год я не расставался ни с какими деньгами, которые, по моему мнению, были бы лучше подарены.

Затем я спросил беднягу, не добралась ли болезнь до Гринвича. Он сказал, что это произошло примерно две недели назад; но тогда он опасался, что это произошло, но это было только в том конце города, который лежит к югу, к Дептфордскому мосту; что он ходил только в мясную лавку и бакалейную лавку, где обычно покупал то, за чем его посылали, но был очень осторожен.

Тогда я спросил его, как получилось, что те люди, которые так заперлись на кораблях, не запаслись достаточным количеством всего необходимого. Он сказал, что некоторые из них это сделали, но, с другой стороны, некоторые не поднимались на борт, пока их не запугивали, и пока для них не становилось слишком опасно идти к нужным людям, чтобы заложить нужное количество вещей, и что он ждал на двух кораблях, которые он мне показал, на которых почти ничего не было, кроме бисквитного хлеба и корабельного пива, и что все остальное он купил почти для них. Я спросил его, были ли еще какие-нибудь корабли, которые отделились так же, как это сделали эти. Он сказал мне, что да, на всем пути от мыса, прямо против Гринвича, до берегов Лаймхауса и Редрифта, все корабли, которые могли вместить по двое в середине течения, и что на борту некоторых из них находилось по несколько семей. Я спросил его, не добралась ли до них чума. Он сказал, что, по его мнению, этого не произошло, за исключением двух или трех кораблей, люди на которых не были так бдительны, чтобы удерживать моряков от выхода на берег, как это делали другие, и он сказал, что это было очень красивое зрелище - наблюдать, как корабли стоят в Бассейне.

Когда он сказал, что собирается отправиться в Гринвич, как только начнется прилив, я спросил, позволит ли он мне пойти с ним и привезти меня обратно, потому что мне очень хотелось посмотреть, как расставлены корабли, как он мне сказал. Он сказал мне, что если я заверю его словом христианина и честного человека, что у меня нет этой болезни, он так и сделает. Я заверил его, что нет; что Богу было угодно сохранить меня; что я жил в Уайтчеппеле, но был слишком нетерпелив от долгого пребывания за дверью, и что я отважился так далеко выйти, чтобы подышать свежим воздухом, но никто в моем доме даже не притронулся к нему.

‘Что ж, сэр,’ говорит он, ‘поскольку ваше милосердие было вызвано жалостью ко мне и моей бедной семье, то, конечно, у вас не может остаться так мало жалости, чтобы сесть в мою лодку, если бы у вас не было крепкого здоровья, что было бы не чем иным, как убийством меня и разорением всей моей семьи’. Бедняга так беспокоил меня, когда говорил о своей семье с такой чувственной заботой и в такой нежной манере, что поначалу я вообще не мог решиться пойти. Я сказал ему, что предпочел бы отбросить свое любопытство, чем доставлять ему беспокойство, хотя я был уверен и очень благодарен за это, что у меня не больше недомогания, чем у самого свежего человека в мире. Что ж, он тоже не хотел, чтобы я откладывала это, но, чтобы показать мне, насколько он уверен в том, что я справедлива к нему, теперь настаивал на том, чтобы я поехала; поэтому, когда прилив подошел к его лодке, я вошла в нее, и он отвез меня в Гринвич. Пока он покупал вещи, которые были в его ведении, я поднялся на вершину холма, под которым стоит город, на восточную сторону города, чтобы полюбоваться видом на реку. Но это было удивительное зрелище - видеть количество кораблей, которые стояли рядами, по двое, а кое-где и по две или три такие линии по ширине реки, и это не только до самого города, между домами, которые мы называем Рэтклифф и Редрифф, которые они называют Прудом, но даже

вниз по реке до истока Лонг-Рич, который находится настолько далеко, насколько позволяют видеть холмы.

Я не могу предположить количество кораблей, но думаю, что их должно быть несколько сотен; и я не мог не поаплодировать этому изобретению: десять тысяч человек и более, которые занимались корабельными делами, были, безусловно, защищены здесь от ярости заразы и жили в безопасности и очень легко.

Я вернулся в свое жилище, очень довольный своим дневным путешествием, и особенно тем беднягой; также я обрадовался, увидев, что во времена такого запустения для стольких семей были предоставлены такие маленькие убежища. Я заметил также, что по мере того, как свирепствовала чума, корабли с семьями на борту снимались с якоря и уходили все дальше, пока, как мне сказали, некоторые не ушли совсем в море и не стали заходить в такие гавани и безопасные дороги на северном побережье, какие только могли найти.

Но также верно и то, что все люди, которые таким образом покинули сушу и жили на борту кораблей, не были полностью защищены от инфекции, поскольку многие умерли и были выброшены за борт в реку, некоторые в гробах, а некоторые, как я слышал, без гробов, чьи тела иногда видели, как их носило вверх и вниз по реке вместе с приливом.

Но я полагаю, что могу рискнуть сказать, что на тех кораблях, которые были заражены таким образом, это либо произошло там, где люди обратились к ним слишком поздно и не бежали на корабль, пока не пробыли слишком долго на берегу и не заболели чумой (хотя, возможно, они могли заметить этого), и поэтому чума не пришла к ним на борт кораблей, но они действительно принесли ее с собой; или это было на этих кораблях, где, по словам бедняги лодочника, у них не было времени запастись провизией, но они были вынуждены часто посылать на берег, чтобы купить то, в чем у них были потребности., или терпели лодки, чтобы подойти к ним с берега. И так среди них незаметно распространилась смута.

И здесь я не могу не отметить, что странный нрав жителей Лондона в то время чрезвычайно способствовал их собственному разрушению. Чума началась, как я уже заметил, на другом конце города, а именно в Лонг-Акре, Друри-Лейн и других городах, и продвигалась к городу очень постепенно и медленно. Сначала это ощущалось в декабре, затем снова в феврале, затем снова в апреле, и всегда очень понемногу; затем это прекратилось до мая, и даже в последнюю неделю мая их было всего семнадцать, и все в этом конце города; и все это время, даже до тех пор, пока умирало более 3000 человек в неделю, люди в Редриффе, Уоппинге и Рэтклиффе, по обе стороны реки, и почти по всей Саутуорк-сайд, сильно надеялись, что их не посетят, или, по крайней мере, что это будет не так. жестокие среди них. Некоторым людям казалось, что запах смолы и таких других веществ, как масло, канифоль и сера, которые так широко используются во всех отраслях, связанных с судоходством, сохранит их. Другие утверждали это, потому что это было в самом разгаре насилия в Вестминстере и приходах Сент-Джайлс, Сент-Эндрю и т.д., и снова начало стихать, прежде чем дошло до них — что отчасти действительно было правдой. Например —

С 8 по 15 августа —

- Сент-Джайлс-ин-те-Филдс, 242
- Крипплгейт 886
- Степни 197

- Сент-Маргарет, Бермондси, 24
- Ротерхит 3
- Всего на этой неделе 4030

С 15 по 22 августа—

- Сент-Джайлс-ин-те-Филдс 175
- Крипплгейт 847
- Степни 273
- Сент-Маргарет, Бермондси, 36
- Ротерхит, 2
- Всего на этой неделе 5319

Примечание: Было замечено, что упомянутые в приходе Степни в то время числа были, как правило, все на той стороне, где приход Степни соединялся с Шордичем, который мы теперь называем Спитлфилдс, где приход Степни подходит к самой стене церковного двора Шордича, и чума в то время ослабевала в Сент—Джайлс-ин-те-Филдс, и свирепствовала наиболее яростно в приходах Крипплгейт, Бишопсгейт и Шордич; но во всей этой части Степни от нее умирало не более десяти человек в неделю. приход, который охватывает Лаймхаус, Рэтклифф-хайвей и который сейчас является приходами Шедуэлла и Уоппинга, вплоть до церкви Святой Екатерины у Тауэра, пока не истечет весь август. Но они заплатили за это впоследствии, как я вскоре замечу.

Это, говорю я, сделало жителей Редриффа и Уоппинга, Рэтклиффа и Лаймхауса настолько уверенными в себе и настолько льстило себе мыслью, что чума уходит, не добравшись до них, что они не позаботились ни о том, чтобы уехать в деревню, ни о том, чтобы запереться там. Более того, они были настолько далеки от возбуждения, что скорее принимали своих друзей и родственников из города в своих домах, а некоторые из других мест действительно нашли убежище в этой части города как место безопасности и как место, которое, по их мнению, Бог обойдет стороной, а не посетит, как посещалось все остальное.

И это было причиной того, что, когда это случилось с ними, они были более удивлены, более необеспечены и в большей растерянности, что делать, чем в других местах; ибо, когда это случилось с ними по-настоящему и с насилием, как это действительно произошло в сентябре и октябре, тогда никто не выходил за пределы страны, никто не позволял незнакомцу приближаться к ним, ни к городам, где они жили; и, как мне рассказывали, несколько человек, забредших в страну со стороны Суррея, были найдены умершими от голода в лесах и пустошах, поскольку эта страна была более открытой и более лесистой, чем в любой другой части так близко от Лондона, особенно в Норвуде и приходах Камберуэлл, Далледж и Лусум, где, кажется, никто не осмеливается помочь бедным, попавшим в беду людям из-за боязни заражения.

Это представление, как я уже сказал, преобладавшее среди жителей той части города, отчасти было причиной того, что, как я уже говорил ранее, они прибегли к помощи кораблей для своего отступления; и там, где они сделали это рано и осмотрительно, снабдив себя таким количеством провизии, что им не нужно было выходить на берег за припасами или позволять лодкам подходить к борту, чтобы доставить их, — я говорю, там, где они это сделали, у них было, безусловно, самое безопасное убежище из всех; но бедствие было таким, что люди в испуге

бежали на борт, не имея хлеба, а некоторые - на корабли, которые не могли прокормиться. на борту не было людей, которые могли бы перевезти их подальше или сесть в лодку и спуститься вниз по реке за провизией, где это можно было бы сделать безопасно, и они часто страдали и заражались на борту так же сильно, как и на берегу.

По мере того, как люди побогаче садились на корабли, люди низшего ранга садились в шлюпки, шлепанцы, лихтеры и рыбацкие лодки; и многие, особенно лодочники, лежали в своих лодках; но у тех это вышло печально, особенно у последних, потому что, отправляясь за провизией и, возможно, для того, чтобы добыть себе пропитание, инфекция проникла к ним и произвела страшный опустошение; многие из лодочников умирали в одиночестве на своих лодках, когда они катались по своим дорогам, а также над мостом и под ним, и иногда их не находили до тех пор, пока они были не в том состоянии, когда кто-либо мог прикоснуться к ним или приблизиться к ним. они.

Действительно, бедственное положение людей в этом морском районе города было весьма прискорбным и заслуживало величайшего сочувствия. Но, увы! это было время, когда личная безопасность каждого была так близка к нему, что у него не было места для сострадания к страданиям других; ибо смерть, так сказать, стояла у каждого на пороге, а многие даже в их семьях, и они не знали, что делать и куда бежать.

Это, говорю я, отнимало всякое сострадание; самосохранение, действительно, казалось здесь первым законом. Ибо дети сбежали от своих родителей, когда те томились в величайшем горе. И в некоторых местах, хотя и не так часто, как в других, родители поступали подобным образом со своими детьми; более того, было несколько ужасных примеров, и особенно два за одну неделю, когда убитые горем матери, обезумев, убивали своих собственных детей; один из них произошел недалеко от того места, где я жил, бедное сумасшедшее создание прожило недостаточно долго, чтобы осознать греховность содеянного, не говоря уже о том, чтобы понести за это наказание.

На самом деле этому не стоит удивляться, ибо опасность немедленной смерти для нас самих лишила нас всякой любви, всякой заботы друг о друге. Я говорю в общих чертах, потому что во многих было много примеров непоколебимой привязанности, жалости и долга, а о некоторых я узнал, так сказать, понаслышке; ибо я не берусь ручаться за правдивость подробностей.

Чтобы представить одного из них, позвольте мне сначала упомянуть, что одним из самых прискорбных случаев во всем нынешнем бедствии был случай с беременными женщинами, которые, когда настал час их скорби и на них обрушились боли, не могли получить ни той, ни другой помощи; ни акушерки, ни соседок, которые могли бы приблизиться к ним. Большинство акушерок были мертвы, особенно тех, которые обслуживали бедных; и многие, если не все известные акушерки, бежали в деревню; так что для бедной женщины, которая не могла заплатить непомерную цену, было практически невозможно заполучить к себе какую—либо акушерку - а если и заполучить, то те, кого они могли заполучить, как правило, были неумелыми и невежественными существами; и следствием этого было то, что самое необычное и невероятное количество женщин оказались в крайне бедственном положении. Некоторые были доставлены и испорчены опрометчивостью и невежеством тех, кто делал вид, что закладывает их. Бесчисленные дети были, я бы сказал, убиты тем же самым, но более оправданным невежеством: они притворялись, что спасут мать, что бы ни случилось с ребенком; и много раз и мать, и ребенок терялись одним и тем же способом; и особенно там, где у матери была чумка,

там никто не подходил к ним близко, и иногда погибали оба. Иногда мать умирает от чумы, и младенец, возможно, рожден наполовину или родился, но не разлучен с матерью. Некоторые умерли в самых мучительных родах и вообще не родились; и таких случаев было так много, что о них трудно судить.

Кое—что из этого будет отражено в необычных цифрах, которые приводятся в еженедельных отчетах (хотя я далек от того, чтобы позволять им давать какой-либо полный отчет) в соответствии со статьями...

Детская кроватка.

Абортивный и мертворожденный.

Елки и младенцы.

Возьмите недели, в которые чума была наиболее сильной, и сравните их с неделями до начала чумы, даже в том же году. Например:—

Детская кроватка. Абортивный. Мертворожденный.

С 3 по 10 января 7 1 13

” ” 10 ” 17 8 6 11

” ” 17 ” 24 9 5 15

” ” 24 ” 31 3 2 9

” ” С 31 по 7 февраля 3 3 8

” 7 февраля ” 14 6 2 11

” ” 14 ” 21 5 2 13

” ” 21 ” 28 2 2 10

” ” с 28 по 7 марта 5 1 10

- 48 24 100

С 1 по 8 августа 25 5 11

” ” 8 ” 15 23 6 8

” ” 15 ” 22 28 4 4

” ” 22 ” 29 40 6 10

” ” с 29 по 5 сентября 38 2 11

5 сентября ” 12 39 23 ...

” ” 12 ” 19 42 5 17

” ” 19 ” 26 42 6 10

” ” с 26 по 3 октября 14 4 9

- — - - -

- 291 61 80

Что касается разницы в этих цифрах, то следует учитывать и принимать во внимание, что, согласно нашему обычному мнению, тех, кто был тогда на месте, в августе и сентябре в городе не было и трети населения, как в январе и феврале. Одним словом, обычное количество этих трех статей, которые обычно умирали и, как я слышал, действительно умирали годом ранее, было таким:

1664.

1665.

Детская кроватка 189 Детская кроватка 625

Абортивные и мертворожденные 458 Абортивные и мертворожденные 617

- - -

- 647 1242

Я говорю, что это неравенство чрезвычайно усиливается, если принять во внимание количество людей. Я претендую на то, что не делаю никаких точных подсчетов количества людей, находившихся в это время в городе, но со временем я выскажу вероятное предположение по этому поводу. То, что я сказал сейчас, должно объяснить страдания этих бедных созданий, описанных выше; так что вполне можно было бы сказать, как в Писании: горе тем, кто беременен, и тем, кто кормит грудью в тот день. Ибо, действительно, это было горе особенно для них.

Я не был знаком со многими конкретными семьями, где происходили подобные вещи, но крики несчастных были слышны издалека. Что касается тех, кто был беременен, то мы видели, как были сделаны некоторые подсчеты: за девять недель в родильной постели умерла 291 женщина, из одной трети числа тех, кто обычно умирал за это время, но восемьдесят четыре погибли от той же катастрофы. Пусть читатель сам подсчитает пропорцию.

Нет места для сомнений, но страдания тех, кто кормил грудью, были пропорционально велики. Наши отчеты о смертности могли пролить на это лишь небольшой свет, но некоторым он пролил. В "медсестре" голодало на несколько человек больше, чем обычно, но это было еще ничего. Сначала они были в такой нищете, что их морили голодом из-за отсутствия кормилицы, мать умирала, а всю семью и младенцев они находили мертвыми просто из-за нужды; и, если мне позволено высказать свое мнение, я действительно верю, что многие сотни бедных беспомощных младенцев погибли таким образом. Во-вторых, не уморила голодом, а отравила медсестра. Нет, даже в тех случаях, когда мать была кормилицей и, получив инфекцию, отравила, то есть заразила младенца своим молоком еще до того, как они узнали, что сами инфицированы; нет, и младенец в таком случае умер раньше матери. Я не могу не вспомнить, чтобы оставить это предостережение для записи, если когда-нибудь в этом городе произойдет еще одно такое ужасное посещение, что все женщины, которые беременны или кормят грудью, должны покинуть это место, если у них есть какие-либо возможные средства, потому что их страдания, если они будут заражены, намного превзойдут страдания всех других людей.

Я мог бы рассказать здесь мрачные истории о живых младенцах, которых находили сосущими грудь своих матерей или кормилиц после того, как они умерли от чумы. О матери из прихода, где я жила, которая, имея нездорового ребенка, послала за аптекарем, чтобы осмотреть ребенка; и когда он пришел, как утверждает родственница, она давала ребенку сосать грудь, и, судя по всему, сама была в полном порядке; но когда аптекарь подошел к ней поближе, он увидел знаки на той груди, которой она кормила ребенка грудью. Конечно, он был немало удивлен, но, не желая слишком пугать бедную женщину, пожелал, чтобы она отдала ребенка ему в руки; поэтому он взял ребенка, подошел к колыбели в комнате, положил ее туда и, развернув покрывало, обнаружил на ребенке тоже жетоны, и оба умерли прежде, чем он успел вернуться домой, чтобы послать профилактическое лекарство отцу ребенка, которому он сообщил об их состоянии. Неизвестно, заразил ли ребенок кормилицу-мать или мать ребенка, но последнее

наиболее вероятно. Аналогично о ребенке, принесенном домой родителями от кормилицы, которая умерла от чумы, но нежная мать не отказалась взять свое дитя и положила его к себе на грудь, чем и заразилась; и умерла с ребенком на руках, тоже мертвым.

Это заставило бы трепетать самое твердое сердце при виде часто встречающихся случаев, когда нежные матери ухаживали за своими дорогими детьми и даже умирали раньше них, а иногда забирали у них болезнь и умирали, когда ребенок, ради которого было принесено в жертву любящее сердце, справлялся с этим и спасался.

Как у торговца из Ист-Смитфилда, жена которого была беременна своим первенцем и заболела чумой во время родов. Он не мог найти ни акушерку, чтобы помочь ей, ни медсестру, чтобы ухаживать за ней, и двое слуг, которых он держал, сбежали от нее. Он бегал от дома к дому, как обезумевший, но помощи получить не мог; максимум, чего он мог добиться, это того, что сторож, дежуривший в закрытом зараженном доме, пообещал прислать медсестру утром. Бедняга с разбитым сердцем вернулся, помог своей жене, чем мог, сыграл роль акушерки, произвел на свет мертвого ребенка, и его жена примерно через час умерла у него на руках, где он крепко держал ее мертвое тело до утра, пока не пришел сторож и не привел сиделку, как и обещал; и, поднявшись по лестнице (поскольку он оставил дверь открытой или только запертой на задвижку), они нашли мужчину сидящим со своей мертвой женой на руках, и настолько подавленным горем, что он умер через несколько часов без каких-либо признаков заражения. на него, но просто опустил под тяжестью своего горя.

Я слышал также о некоторых людях, которые после смерти своих родственников отупели от невыносимого горя; и об одном, в частности, который был настолько подавлен давлением на свой дух, что постепенно его голова втянулась в тело, так что макушка его головы почти не виднелась над плечевыми костями; и постепенно теряя и голос, и рассудок, его лицо, обращенное вперед, прижалось к ключице и не могло поддерживаться никаким другим способом, если только его не поддерживали руки других людей; и бедняга так и не пришел в себя. снова, но почти год томился в таком состоянии и умер. И никто ни разу не видел, чтобы он поднимал глаза или смотрел на какой-то конкретный предмет.

Я не могу взять на себя обязательство привести что-либо иное, кроме краткого изложения подобных отрывков, потому что не было возможности остановиться на деталях, поскольку иногда болезнь уносила целые семьи, где происходили подобные вещи. Но было бесчисленное множество случаев подобного рода, которые представлялись глазу и уху даже при прохождении по улицам, как я намекал выше. Нелегко также привести какую-либо историю о той или иной семье, если бы не было множества параллельных историй того же рода.

Но поскольку я сейчас говорю о том времени, когда чума свирепствовала в самой восточной части города, — о том, как долгое время жители тех краев льстили себя надеждой, что им удастся спастись, и как они были удивлены, когда она настигла их; ибо, действительно, она напала на них, как вооруженный человек, когда она действительно настигла; — Я говорю, это возвращает меня к трем беднякам, которые блуждали из Уоппинга, не зная, куда идти и что делать, и о которых я упоминал ранее: один пекарь печенья, другой парусник и третий другой столяр, все из Уоппинга, или там-около того.

Сонливость и защищенность этой части, как я заметил, были таковы, что они не только не переезжали сами, как это делали другие, но и хвастались тем, что находятся в безопасности и

что безопасность находится с ними; и многие люди бежали из города и из зараженных пригородов в Уоппинг, Рэтклифф, Лаймхаус, Поплар и подобные Места, как в Места безопасности; и совсем не маловероятно, что их действия помогли распространить чуму быстрее, чем это могло бы произойти в противном случае. Ибо, хотя я во многом за то, чтобы люди улетали и опустошали такой город, как этот, при первом появлении подобного посещения, и чтобы все люди, у которых есть хоть какое-то возможное убежище, вовремя воспользовались им и ушли, все же я должен сказать, что когда все, кто может улететь, улечутся, те, кто остался и должен это выдержать, должны стоять неподвижно там, где они есть, и не переходить с одного конца города или из одной части города в другую; ибо это проклятие и зло для всего, и они разносят чуму из дома в дом в самой своей одежде.

Почему нам было приказано убить всех собак и кошек, как не потому, что они были домашними животными и склонны бегать от дома к дому и с улицы на улицу, поэтому они способны переносить выделения или инфекционные потоки тел, зараженных даже в их мехах и волосах? И поэтому в начале распространения инфекции лорд-мэр и магистраты, согласно совету врачей, издали приказ о немедленном уничтожении всех собак и кошек, и для исполнения был назначен офицер.

Если полагаться на их рассказ, то невероятно, какое огромное количество этих существ было уничтожено. Я думаю, они говорили о сорока тысячах собак и в пять раз большем количестве кошек; мало в каких домах не было кошек, в некоторых их было несколько, иногда по пять или шесть в доме. Были также предприняты все возможные усилия для уничтожения мышей и крыс, особенно последних, путем подкладки крысиного аконита и других ядов, и огромное их количество также было уничтожено.

Я часто размышлял о необеспеченном состоянии, в котором находилась вся масса людей при первом постигшем их бедствии, и о том, что именно из-за отсутствия своевременного принятия мер и управления, как государственных, так и частных, все последующие беспорядки обрушились на нас, и что такое огромное количество людей погибло в этом бедствии, которого, если бы были предприняты надлежащие шаги, можно было бы избежать, и от которого, если потомки сочтут нужным, они могут принять предостережение. Но я еще вернусь к этой части.

Я возвращаюсь к своим трем мужчинам. В каждой части их истории есть мораль, и все их поведение, а также поведение тех, с кем они объединились, является образцом для подражания для всех бедных мужчин или женщин, если когда-нибудь такое время снова наступит; и если у меня не было другой цели записывать это, я думаю, что это очень справедливая цель, будет ли мой рассказ точно соответствовать факту или нет.

Говорят, что двое из них братья: один старый солдат, а теперь бисквитчик; другой хромой матрос, а теперь парусник; третий столяр. Говорит однажды Джон-бисквитник Томасу, своему брату, парусному мастеру: 'Брат Том, что с нами будет? Чума набирает обороты в городе и таким образом усиливается. Что нам делать?'

'По правде говоря, - говорит Томас, 'я в большой растерянности, что делать, потому что я понимаю, что, если дело дойдет до Уоппинга, меня выгонят из моего жилья'. И таким образом они начали говорить об этом заранее.

Джон. Тебя выгнали из твоего жилья, Том! Если да, то я не знаю, кто вас приютит, потому что люди теперь так боятся друг друга, что нигде нельзя найти жилье.

Томас. Люди, у которых я живу, хорошие, цивилизованные люди, и у них тоже достаточно доброты ко мне; но они говорят, что я каждый день выезжаю за границу по своим делам, и это будет опасно; и они говорят о том, чтобы запереться и никого к себе не подпускать.

Джон. Конечно, они правы, если решают рискнуть остаться в городе.

Томас. Нет, я мог бы даже решить тоже остаться дома, потому что, кроме парусов, которые есть у моего хозяина в руках и которые я как раз заканчиваю, у меня, похоже, долгое время не будет больше работы. Сейчас торговля не идет на спад. Рабочих и прислугу повсюду прогоняют, так что я тоже был бы рад оказаться взаперти; но я не вижу, чтобы они согласились на это так же, как и на другое.

Джон. Что же ты тогда будешь делать, брат? И что мне делать? потому что я почти такой же плохой, как ты. Люди, у которых я живу, все уехали в деревню, кроме горничной, и она должна уехать на следующей неделе и наглухо запереть дом, так что я буду брошен на произвол судьбы раньше вас, и я тоже решил уехать, если бы только знал, куда идти.

Томас. Мы оба были сбиты с толку, сначала мы никуда не уходили; потом мы могли бы отправиться куда угодно. Сейчас никакого шевеления; мы умрем с голоду, если притворимся, что уезжаем из города. Они не дадут нам еды, нет, не за наши деньги, и не позволят нам входить в города, не говоря уже об их домах.

Джон. И что почти так же плохо, у меня почти нет денег ни на то, ни на другое.

Томас. Что касается этого, то мы могли бы смениться, у меня есть немного, хотя и не очень много; но я говорю вам, что на дороге нет движения. Я знаю, что пара бедных честных людей на нашей улице пытались путешествовать, и в Барнете, или Уэтстоуне, или где-то поблизости люди предлагали стрелять в них, если они сделают вид, что идут вперед, так что они возвращаются совершенно обескураженными.

Джон. Я бы рискнул открыть огонь, если бы был там. Если бы мне отказали в еде за мои деньги, они должны были видеть, как я беру ее у них на глазах, и если бы я предложил за это деньги, они не смогли бы поступить со мной по закону.

Томас. Ты говоришь языком старого солдата, как будто сейчас находишься в Нидерландах, но это серьезно. У людей есть веские причины не пускать тех, кто их не устраивает, в здравом уме в такое время, как это, и мы не должны их грабить.

Джон. Нет, брат, ты путаешь дело, и меня тоже. Я бы никого не грабил; но для любого города на дороге отказать мне в разрешении проехать через город по открытому шоссе и отказать мне в провизии за мои деньги - значит сказать, что город имеет право уморить меня голодом, что не может быть правдой.

Томас. Но они не отказывают тебе в свободе вернуться туда, откуда ты пришел, и поэтому не морят тебя голодом.

Джон. Но следующий город позади меня по тому же правилу откажет мне в разрешении вернуться, и поэтому они морили меня голодом. Кроме того, нет закона, запрещающего мне путешествовать по дороге, куда я захочу.

Томас. Но будет так трудно спорить с ними в каждом городе по дороге, что беднякам не подобает это делать или предпринимать, особенно в такое время, как сейчас.

Джон. Брат, в таком случае наше положение хуже, чем у кого-либо другого, потому что мы не можем ни уйти, ни остаться здесь. Я придерживаюсь того же мнения, что и прокаженные Самарии: 'Если мы останемся здесь, то обязательно умрем', я имею в виду, в частности, то, что мы с вами утверждаем, без собственного жилого дома и без жилья в чем-либо другом. В такое время нельзя валяться на улице; с таким же успехом можно было сразу же забраться в тележку для перевозки трупов. Поэтому я говорю: если мы останемся здесь, мы обязательно умрем, а если мы уйдем, нам остается только умереть; я твердо решил уйти.

Томас. Ты уйдешь. Куда ты пойдешь и что ты можешь сделать? Я бы ушел так же охотно, как и ты, если бы знал, куда. Но у нас нет ни знакомых, ни друзей. Здесь мы родились, и здесь мы должны умереть.

Джон. Послушай, Том, все королевство - моя родина, так же как и этот город. Вы можете с таким же успехом сказать, что я не должен выходить из своего дома, если он горит, как и то, что я не должен покидать город, в котором я родился, когда он заражен чумой. Я родился в Англии и имею право жить в ней, если смогу.

Томас. Но ты же знаешь, что по законам Англии любой бродяга может быть задержан и отправлен обратно в свое последнее законное поселение.

Джон. Но как они сделают меня бродягой? Я желаю только путешествовать по своим законным поводам.

Томас. По каким законным поводам мы можем притвориться, что путешествуем, или, скорее, странствуем? Их не отделаешь словами.

Джон. Разве полет ради спасения наших жизней не является законным поводом? И разве все они не знают, что это правда? Нельзя сказать, что мы лицемерим.

Томас. Но если они позволяют нам пройти, куда мы пойдем?

Джон. Куда угодно, лишь бы спасти наши жизни; у нас достаточно времени подумать об этом, когда мы выберемся из этого города. Если я однажды выберусь из этого ужасного места, мне будет все равно, куда я пойду.

Томас. Мы будем доведены до крайности. Я не знаю, что об этом думать.

Джон. Что ж, Том, подумай об этом немного.

Это было примерно в начале июля; и хотя чума распространилась на западную и северную части города, все же весь Уоппинг, как я уже наблюдал раньше, и Редрифф, и Рэтдифф, и Лаймхаус, и Поплар, короче говоря, Дептфорд и Гринвич, все по обоим берегам реки от Эрмитажа и за ним, вплоть до Блэкуолла, были совершенно свободны; ни один человек не умер от чумы во всем приходе Степни, и ни один на южной стороне Уайтчеппел-роуд, нет, ни в одном другом округе. приход; и все же еженедельный счет на той же неделе вырос до 1006.

Прошло две недели после этого, прежде чем два брата встретились снова, и тогда ситуация немного изменилась, и чума чрезвычайно распространилась, и число заболевших значительно

возросло; счет достиг 2785 и невероятно рос, хотя по-прежнему оба берега реки, как показано ниже, оставались довольно благополучными. Но некоторые начали умирать в Редриффе и около пяти или шести на Рэтклифф-хайвей, когда парусный мастер пришел к своему брату Джону Экспрессу в некотором испуге, потому что его категорически выселили из дома, и у него была всего неделя, чтобы прокормиться. Его брат Джон был в таком же тяжелом положении, потому что совсем выбыл из строя и только попросил разрешения у своего хозяина, печенег, поселиться во флигеле, принадлежащем его работному дому, где он лежал только на соломе, обложенный мешками из-под печенья, или хлебными мешками, как они их называли, и несколькими такими же мешками, чтобы укрыться.

Здесь они решили (видя, что все занятия подошли к концу, а работы и заработной платы не предвидится), что сделают все возможное, чтобы оказаться вне досягаемости ужасной инфекции, и, будучи настолько хорошими мужьями, насколько это возможно, постараются жить на то, что у них есть, пока это продлится, а затем работать еще, если они смогут найти работу где угодно, любого рода, пусть будет так, как будет.

Пока они обдумывали, как наилучшим из возможных способов претворить это решение в жизнь, третий человек, который был очень хорошо знаком с парусным мастером, узнал о замысле и получил разрешение быть одним из них; и таким образом они приготовились отправиться в путь.

Случилось так, что у них было неравное количество денег; но поскольку парусный мастер, у которого был лучший запас, был, помимо своей хромоты, самым непригодным для того, чтобы ожидать чего-либо, работая в деревне, поэтому он был доволен тем, что все деньги, которые у них были, должны были пойти в один общественный запас, при условии, что все, что кто-либо из них мог получить больше, чем другой, должно было без каких-либо возражений быть добавлено к общественному запасу.

Они решили нагрузить себя как можно меньшим количеством багажа, потому что сначала они решили путешествовать пешком и пройти большой путь, чтобы, по возможности, быть в полной безопасности; и они провели множество консультаций сами с собой, прежде чем смогли договориться о том, каким путем им следует двигаться, к которому они были так далеки от привыкания, что даже к утру, когда они отправились в путь, они не были решены на это.

Наконец моряк дал подсказку, которая все определила. "Во-первых, - говорит он, - погода очень жаркая, и поэтому я за то, чтобы отправиться на север, чтобы солнце не било нам в лицо и в грудь, отчего мы будем нагреваться и задыхаться; и мне сказали, - говорит он, - что нехорошо перегревать кровь в то время, когда, насколько нам известно, инфекция может быть в самом воздухе. Во-вторых, - говорит он, - я за то, чтобы идти дорогой, противоположной ветру, поскольку он может дуть, когда мы отправляемся в путь, чтобы ветер не обдувал нам спины городским воздухом, когда мы идем". Эти два предостережения были одобрены, если бы их можно было довести до удара, чтобы ветер не дул с юга, когда они отправятся на север.

Джон пекарь, который был солдатом, тогда высказал свое мнение. 'Во-первых,' говорит он, 'никто из нас не рассчитывает найти ночлег в дороге, а просто лежать на открытом воздухе будет немного тяжело. Хотя погода теплая, все же может быть сыро, и у нас есть двойная причина позаботиться о своем здоровье в такое время, как это; и поэтому, - говорит он, - ты, брат Том, поскольку ты мастер по изготовлению парусов, мог бы легко сделать нам небольшую палатку, и

я возьмусь устанавливать ее каждую ночь и убирать, и инжир для всех гостиниц Англии; если у нас над головой будет хорошая палатка, мы вполне справимся".

Столяр воспротивился этому и сказал им, пусть они оставят это ему; он возьмет на себя обязательство строить им дом каждую ночь своим топором и молотком, хотя у него нет других инструментов, которые должны были бы их полностью удовлетворить и быть такими же хорошими, как палатка.

Солдат и столяр некоторое время спорили по этому поводу, но в конце концов солдат отнес его в палатку. Единственным возражением против этого было то, что его нужно было везти с собой, а это слишком увеличило бы их багаж, погода была жаркая; но у парусника был хороший кусок хапуги, который облегчал это, потому что у его хозяина, на которого он работал, занимаясь канатным спортом, а также изготовлением парусов, была маленькая, бедная лошадка, которой он тогда не пользовался; и, желая помочь трем честным людям, он дал им лошадь для перевозки их багажа; также за небольшую трехдневную работу, которую его человек выполнил для него перед отъездом, он позволил ему взять старый добротный парус, который был изношен, но его было достаточно, и более чем достаточно, чтобы сделать очень хорошую палатку. Солдат показал, как придать ему форму, и вскоре они по его указанию соорудили свою палатку и снабдили ее для этой цели шестью; и таким образом они были снаряжены в дорогу, а именно: три человека, одна палатка, одна лошадь, одно ружье — ибо солдат не хотел идти без оружия, ибо теперь, по его словам, он больше не пекарь печенья, а солдат.

У столяра была небольшая сумка с инструментами, которые могли бы пригодиться ему, если бы он получил какую-нибудь работу за границей, а также для пропитания как их, так и его собственного. Все деньги, которые у них были, они собрали в один общественный фонд и таким образом начали свое путешествие. По-видимому, утром, когда они отправились в путь, ветер дул, как сказал моряк по его карманному компасу, на северо-запад. по W. Таким образом, они направили или, вернее, решили направить свой курс на северо-запад .

Но затем на их пути возникла трудность, заключающаяся в том, что, поскольку они отправились с ближнего конца Уоппинга, недалеко от Эрмитажа, и поскольку чума была теперь очень свирепой, особенно в северной части города, например, в Шордиче и приходе Крипплгейт, они сочли небезопасным приближаться к этим районам; поэтому они направились на восток по Рэтклифф-хайвей до Рэтклифф-Кросс, оставив церковь Степни по-прежнему слева от себя, боясь подниматься от Рэтклифф-Кросс до Майл-Энда, потому что они должны были пройти только по Рэтклифф-Кросс. церковный двор, и еще потому, что ветер, который, казалось, больше дул с запада, дул прямо с той стороны города, где чума была самой сильной. Итак, говорю я, покинув Степни, они взяли длинный компас и, отправившись в Поплар и Бромли, вышли на большую дорогу как раз у Боу.

Здесь стража, выставленная на Боу-Бридж, могла бы расспросить их, но они, перейдя дорогу по узкой тропинке, которая ведет с ближнего конца города Боу к Олд-Форду, избежали каких-либо расспросов там и направились к Олд-Форду. Констебли повсюду были настороже, по-видимому, не столько для того, чтобы останавливать проходящих мимо людей, сколько для того, чтобы помешать им поселиться в своих городах, и к тому же из-за сообщения, которое было недавно распространено в то время: и это, действительно, было не так уж невероятно, а именно, что бедняки в Лондоне, находясь в бедственном положении и умирая от голода из-за отсутствия работы и, следовательно, из-за нехватки хлеба, были вооружены и подняли беспорядки, и что

они выйдут во все города вокруг, чтобы грабить ради хлеба. Это, говорю я, был всего лишь слух, и очень хорошо, что его больше не было. Но это было не так далеко от реальности, как он думал, на несколько недель больше бедных людей стали настолько отчаянными, что на бедствия, которые они понесли, что они с большим трудом удержался от отправившись на поля и поселки, и рвут всех на куски, где бы они пришли; и, как я заметил раньше, ничто не мешало им, но что чума бушевала так яростно и напал на них с такой яростью, что они скорее сошел в могилу тысячи, чем в полях у мобов тысячами, ибо, в части о приходах Святого Гроба Господня, Clarkenwell, Cripplegate, акций, и Шордич, которые были в местах, где толпы начали угрожать, смута пришла столь яростно, что там умер в немногих приходах даже тогда, еще до чумы был прийти на его высоту, не менее 5361 людей в первые три недели в августе, когда в то же время части о Уоппинг, Рэдклиф, и Ротерхит, как это описано, практически не задел, но очень серьезно; так что слово, хотя, как я уже сказал, хорошее управление мэра и судьи сделали многое, чтобы предотвратить ярость и отчаяние людей проникнуть в толпы и беспорядков, и короче у бедных грабя богатых,—говорю я, хотя они многое сделали, мертвые-тележки сделал больше: как я уже говорил, что в пяти округах только там умер выше 5000 за двадцать дней, так что может быть, наверное, в три раза превышает число больных все время, для некоторых из них выздоровели, а большое число заболевших каждый день и умер впоследствии. Кроме того, мне все же должно быть позволено сказать, что если в счетах смертей говорилось о пяти тысячах, я всегда полагал, что на самом деле их было почти вдвое больше, поскольку не было оснований полагать, что отчет, который они давали, был правильным, или что они действительно были в такой неразберихе, в какой я их видел, в каком состоянии вести точный учет.

Но вернемся к моим путешественникам. Здесь их только допрашивали, и поскольку они казались скорее приехавшими из деревни, чем из города, они обнаружили, что с ними людям было легче; что они разговаривали с ними, позволили им зайти в трактир, где находились констебль и его надзиратели, и дали им выпить и кое-что съестное, что очень освежило и приободрило их; и тут им пришлось в голову сказать, когда их потом будут спрашивать, не то, что они приехали из Лондона, а то, что они приехали из Эссекса.

Чтобы распространить этот маленький обман, они заручились таким расположением констебля Олд-Форда, что тот выдал им свидетельство о том, что они проезжали из Эссекса через эту деревню и что они не были в Лондоне; что, хотя и было ложью в общепринятом понимании Лондона в графстве, все же было буквально правдой, поскольку Уоппинг или Рэтклифф не входили ни в состав сити, ни в состав либерти.

Это свидетельство, направленное следующему констеблю, который находился в Хомертоне, одной из деревушек прихода Хакни, было настолько полезным для них, что обеспечило им не только бесплатный проезд туда, но и полную справку о состоянии здоровья от мирового судьи, который по ходатайству констебля выдал ее без особых трудностей; и таким образом они проехали через давно разделенный город Хакни (ибо он тогда состоял из нескольких отдельных деревушек) и ехали дальше, пока не выехали на грейт-норт-роуд на вершине Стэмфорд-Хилл.

К этому времени они начали уставать, и поэтому на проселочной дороге из Хакни, незадолго до того, как она вывела на упомянутую большую дорогу, они решили поставить свою палатку и разбить лагерь на первую ночь, что они и сделали соответствующим образом, с тем дополнением, что, найдя сарай или здание, похожее на сарай, и сначала обыскав как можно

лучше, чтобы убедиться, что в нем никого нет, они поставили свою палатку изголовьем к сараю. Они сделали это еще и потому, что в ту ночь дул очень сильный ветер, а они были еще молоды в таком способе ночлега, равно как и в управлении своей палаткой.

Здесь они легли спать; но столяр, серьезный и трезвый человек, недовольный тем, что они так бездельничали в первую ночь, не мог уснуть и решил, после безуспешных попыток заснуть, что он выйдет и, взяв в руку ружье, будет стоять на страже и охранять своих товарищей. Итак, с ружьем в руке он подошел к сараю и снова остановился перед ним, потому что тот стоял в поле у дороги, но за живой изгородью. Он недолго следовал за разведчиком, но услышал шум приближающихся людей, как будто их было очень много, и они шли, как ему показалось, прямо к сараю. Вскоре он не стал будить своих товарищей, но еще через несколько минут, когда их шум становился все громче и громче, пекарь окликнул его, спросил, в чем дело, и тоже быстро вышел. Другой, хромой парусник и самый усталый, неподвижно лежал в палатке.

Как они и ожидали, люди, которых они слышали, направились прямо к амбару, когда один из наших путешественников окликнул, как солдат стражу: "Кто там идет?" Люди ответили не сразу, но один из них обратился к другому, стоявшему позади него: 'Увы! увы! мы все разочарованы', - говорит он. - Вот перед нами несколько человек; сарай занят.

При этих словах все они остановились, как бы удивленные, и, кажется, всего их было около тринадцати, и среди них несколько женщин. Они посоветовались, что им делать, и по их разговорам наши путешественники вскоре поняли, что они такие же бедные, попавшие в беду люди, как и они сами, ищущие убежища и безопасности; и, кроме того, нашим путешественникам не нужно было бояться, что они подойдут и побеспокоят их, потому что, как только они слышали слова "Кто там идет?", они могли услышать, как женщины сказали, словно испугавшись: 'Не подходите к ним. Откуда вы знаете, что у них может быть чума? И когда один из мужчин сказал: 'Давайте просто поговорим с ними', женщины ответили: 'Нет, ни в коем случае. До сих пор мы спасались по милости Божьей; умоляем вас, не дайте нам сейчас подвергнуться опасности'.

Наши путешественники убедились в этом, что они были хорошими, трезвомыслящими людьми и боролись за свою жизнь, какими они и были; и поскольку это их ободрило, Джон сказал столяру, своему товарищу: "Давайте ободрим и их, насколько сможем"; поэтому он обратился к ним: 'Послушайте, добрые люди, - говорит столяр, - из ваших разговоров мы заключаем, что вы спасаетесь от того же ужасного врага, что и мы. Не бойтесь нас; нас всего трое бедняков. Если вы свободны от болезни, мы не причиним вам вреда. Мы не в сарае, а в маленькой палатке здесь, снаружи, и мы уберем ее для вас; мы можем немедленно снова установить нашу палатку где-нибудь в другом месте'; и после этого начались переговоры между столяром, которого звали Ричард, и одним из их людей, который сказал, что его зовут Форд.

Форд. И вы уверяете нас, что все вы здравомыслящие люди?

Ричард. Нет, мы озабочены тем, чтобы сообщить вам об этом, чтобы вы не беспокоились и не думали, что вам грозит опасность; но вы видите, мы не желаем, чтобы вы подвергали себя какой-либо опасности, и поэтому я говорю вам, что мы не пользовались сараем, поэтому мы уйдем из него, чтобы вы были в безопасности, и мы тоже.

Форд. Это очень любезно и милосердно; но если у нас есть основания быть уверенными, что вы здоровы и свободны от посещений, почему мы должны заставлять вас уезжать теперь, когда вы

устроились в своем жилище и, возможно, легли отдыхать? Если не возражаете, мы пойдем в сарай, чтобы немного отдохнуть, и нам не нужно вас беспокоить.

Ричард. Что ж, но ты больше, чем мы. Я надеюсь, вы заверите нас, что все вы тоже здоровы, поскольку опасность для вас для нас так же велика, как и от нас для вас.

Форд. Благословен Бог, что некоторым удастся спастись, хотя их и немного; какова может быть наша доля, мы все еще не знаем, но до сих пор мы спасены.

Ричард. Из какой части города вы родом? Пришла ли чума в те места, где вы жили?

Форд. Да, да, самым ужасным образом, иначе мы бы не бежали, как мы это делаем; но мы верим, что после нас в живых останется очень мало.

Ричард. Из какой части ты родом?

Форд. Большинство из нас из прихода Крипплгейт, только двое или трое из прихода Клеркенуэлл, но с этой стороны.

Ричард. Как же тогда получилось, что ты уехал раньше?

Форд. Некоторое время нас не было, и мы держались вместе, как могли, на окраине Ислингтона, где нам разрешили переехать в старый нежилой дом, и у нас были кое-какие постельные принадлежности и удобства, которые мы привезли с собой; но чума пришла и в Ислингтон, и дом по соседству с нашим бедным жилищем был заражен и заперт; и мы уезжаем в испуге.

Ричард. И в какую сторону ты направляешься?

Брод. Как забросит нас наша судьба; мы не знаем, куда, но Бог поведет тех, кто уповает на Него.

На этот раз они больше не вели переговоров, а подошли все к сараю и с некоторым трудом забрались в него. В сарае не было ничего, кроме сена, но оно было почти полным, и они устроились, как могли, и отправились отдыхать; но наши путешественники заметили, что перед тем, как они легли спать, пожилой мужчина, который, по-видимому, был отцом одной из женщин, помолился со всей компанией, вверяя себя благословению и руководству Провидения, прежде чем они легли спать.

В это время года скоро наступил день, и поскольку Ричард-столяр нес караул первую часть ночи, Джон-солдат сменил его, и утром он заступил на пост, и они начали знакомиться друг с другом. Кажется, когда они покидали Ислингтон, то намеревались направиться на север, к Хайгейту, но были остановлены в Холлоуэе, и там им не позволили проехать; поэтому они пересекли поля и холмы на восток и вышли к реке Бордед, и таким образом, избегая городов, они оставили Хорнси по левую руку, а Ньюингтон - по правую, и выехали на большую дорогу, огибающую Стэмфорд-Хилл с этой стороны, как трое путешественников сделали с другой. И теперь у них были мысли о том, чтобы переправиться через реку по болотам и направиться в Эппинг-Форест, где, как они надеялись, им разрешат отдохнуть. Похоже, они не были бедны, по крайней мере, не настолько бедны, чтобы испытывать нужду; по крайней мере, у них было достаточно средств, чтобы умеренно прокормиться в течение двух-трех месяцев, когда, по их словам, они надеялись, что холодная погода остановит распространение инфекции или, по

крайней мере, ее буйство прошло бы само по себе и уменьшилось бы, если бы не нехватка людей, оставшихся в живых для заражения.

Во многом такова была судьба наших троих путешественников, только они, по-видимому, были лучше подготовлены к путешествию и намеревались отправиться дальше; что касается первых, то они не собирались ехать дальше, чем на один день пути, чтобы каждые два-три дня получать сведения о том, как обстоят дела в Лондоне.

Но здесь наши путешественники столкнулись с неожиданным неудобством, а именно с их лошадью, поскольку, используя лошадь для перевозки своего багажа, они были вынуждены держаться дороги, в то время как люди из этой другой группы шли по полям или дорогам, по тропинке или без тропинки, так или никак, как им заблагорассудится; у них также не было никакой возможности проезжать через какой-либо город или приближаться к какому-либо городу, кроме как для того, чтобы купить то, что им было нужно для их необходимого пропитания, и в этом они действительно столкнулись с большими трудностями; из которых на своем месте.

Но наши трое путешественников были вынуждены следить за дорогой, иначе им пришлось бы разорять страну и наносить ей большой ущерб, ломая заборы и ворота, чтобы пройти по огороженным полям, чего они не стали бы делать, даже если бы могли.

Однако нашим трем путешественникам очень хотелось присоединиться к этой компании и взять с собой свою судьбу; и после недолгого разговора они отказались от своего первого намерения, направленного на север, и решили последовать за другим в Эссекс; поэтому утром они поставили палатку, навьючили лошадь и отправились в путь все вместе.

У них возникли некоторые трудности с прохождением парома на берегу реки, так как перевозчик их боялся; но после некоторых переговоров на расстоянии перевозчик удовлетворился тем, что отвел свою лодку подальше от обычного парома и оставил ее там, чтобы они могли сесть на нее; поэтому, взяв себя в руки, он велел им покинуть лодку, а сам, имея другую лодку, сказал, что пригонит ее снова, чего, однако, похоже, он не делал более восьми дней.

Здесь, предварительно отдав перевозчику деньги, они получили запас съестных припасов и питья, которые он привез и оставил для них в лодке; но не без того, чтобы, как я уже сказал, получить деньги заранее. Но теперь наши путешественники были в большой растерянности и затруднялись, как переправить лошадь, так как лодка была маленькой и не подходила для нее; и в конце концов они не смогли этого сделать, не разгрузив багаж и не заставив его переплыть.

От реки они направились к лесу, но когда добрались до Уолтемстоу, жители этого городка отказались впустить их, как это было повсюду. Констебли и их сторожа держали их на расстоянии и вели с ними переговоры. Они рассказали о себе то же, что и раньше, но те не придали значения их словам, объяснив это тем, что две или три роты уже прошли этим путем и делали подобные заявления, но что они заразили несколько человек чумой в городах, где проходили; впоследствии страна так плохо относилась к ним (хотя и справедливо, как они того заслуживали), что около Брентвуда или тем путем несколько из них погибли в полях — то ли от чумы, то ли просто от нужды и горя, они не могли сказать.

Это действительно была веская причина, по которой жителям Уолтемстоу следовало быть очень осторожными и принять решение не принимать у себя никого, кто их не устраивал. Но, как сказали им Ричард столяр и один из других мужчин, которые вели с ними переговоры, это не было причиной, по которой они должны перекрывать дороги и отказываться пропускать людей через город, и которые ничего от них не просили, кроме как пройти по улице; что если их жители боятся их, они могут войти в свои дома и закрыть двери; они не проявят ни вежливости, ни невежества, а продолжают заниматься своими делами.

Констебли и служители, не поддаваясь на уговоры, продолжали упрямыться и ни к чему не желали прислушиваться; поэтому двое мужчин, которые разговаривали с ними, вернулись к своим товарищам, чтобы посоветоваться, что делать. В целом это было очень обескураживающе, и они долгое время не знали, что делать; но, наконец, Джон, солдат и бисквитчик, немного подумав, сказал: "Пойдем, - говорит он, - оставим остальные переговоры мне". Он еще не появился, поэтому он поручил столяру Ричарду вырезать из деревьев несколько шестов и придать им форму ружей, насколько он мог, и через короткое время у него было пять или шесть отличных мушкетов, которые на расстоянии было бы не разглядеть; а насчет той части, где находится ружейный замок, он заставил столяра Ричарда вырезать несколько шестов из деревьев и придать им форму ружей, и через короткое время у него было пять или шесть отличных мушкетов, которые на расстоянии было бы не различить. Они заворачивали ткань и тряпки, какие у них были, как это делают солдаты в сырую погоду, чтобы уберечь замки своих костюмов от ржавчины; остальное обесцвечивали глиной или илом, каким могли раздобыть; и все это в то время, как остальные сидели под деревьями по его указанию, по двое или по трое, где разводили костры на приличном расстоянии друг от друга.

Пока это делалось, он продвинулся вперед сам и двое или трое сопровождавших его людей и поставили свою палатку в переулке в пределах видимости барьера, который соорудили жители города, и поставили возле него часового с настоящим ружьем, единственным, которое у них было, и который ходил взад и вперед с ружьем на плече, чтобы жители города могли их видеть. Кроме того, он привязал лошадь к калитке в живой изгороди неподалеку, собрал несколько сухих веток и разжег костер с другой стороны палатки, чтобы жители города могли видеть огонь и дым, но не могли видеть, что они там делают.

После того, как сельские жители долгое время очень серьезно смотрели на них и, судя по всему, что они могли видеть, не могли не предположить, что их было очень много в компании, они начали испытывать беспокойство, не из-за того, что они ушли, а из-за того, что остались там, где были; и, прежде всего, из-за того, что у них были лошади и оружие, потому что они видели одну лошадь и одно ружье у палатки, и они видели, как другие из них ходили по полю с внутренней стороны изгороди по обочине дороги со своими мушкетами, как они их приняли, на плечах; я говорю увидев такое зрелище, вы можете быть уверены, что они были встревожены и ужасно напуганы, и, похоже, они отправились к мировому судье, чтобы узнать, что им следует делать. Что посоветовал им судья, я не знаю, но ближе к вечеру они позвонили с барьера, как указано выше, часовому у палатки.

- Чего ты хочешь? - спрашивает Джон.^[1]

[1] Кажется, Джон был в палатке, но, услышав их зов, он выходит и, взвалив ружье на плечо, разговаривает с ними, как будто он был часовым, приставленным к ним каким-то офицером, который был его начальником. [Сноска в оригинале.]

‘Что вы намерены делать?’ - спрашивает констебль. ‘Делать’, - говорит Джон. - "Что вы от нас хотите?" Констебль. Почему бы тебе не уйти? Зачем ты там остаешься?

Джон. Почему ты останавливаешь нас на королевской дороге и делаешь вид, что отказываешь нам в разрешении продолжить наш путь?

Констебль. Мы не обязаны сообщать вам причину, хотя и дали вам понять, что это из-за чумы.

Джон. Мы говорили вам, что все мы здоровы и свободны от чумы, от которой мы не обязаны были вас избавлять, и все же вы притворяетесь, что останавливаете нас на шоссе.

Констебль. Мы имеем право прекратить это, и наша собственная безопасность обязывает нас к этому. Кроме того, это не королевская дорога; это путь, основанный на терпении. Вы видите, здесь ворота, и если мы позволим людям проходить здесь, мы заставим их платить пошлину.

Джон. У нас есть право заботиться о собственной безопасности так же, как и у вас, и вы можете видеть, что мы спасаем свои жизни, и останавливать нас очень нехристиански и несправедливо.

Констебль. Вы можете возвращаться туда, откуда пришли; мы вам в этом не препятствуем.

Джон. Нет; враг сильнее тебя удерживает нас от этого, иначе мы не пришли бы сюда.

Констебль. Что ж, тогда вы можете идти любым другим путем.

Джон. Нет, нет; я полагаю, вы видите, что мы можем отпустить вас и всех жителей вашего прихода и проезжать через ваш город, когда пожелаем; но поскольку вы остановили нас здесь, мы довольны. Вы видите, что мы разбили здесь лагерь, и здесь мы будем жить. Мы надеемся, что вы снабдите нас провизией.

Констебль. Мы снабжаем вас! Что вы имеете в виду?

Джон. Ты же не хочешь, чтобы мы умирали с голоду? Если ты остановишь нас здесь, ты должен оставить нас.

Констебль. Вам будет плохо на нашем содержании.

Джон. Если ты будешь ограничивать нас, мы обеспечим себя лучше.

Констебль. Но вы же не станете претендовать на то, чтобы четвертовать нас силой, не так ли?

Джон. Мы пока не применяли к тебе насилия. Почему ты, кажется, вынуждаешь нас к этому? Я старый солдат и не могу умереть с голоду, и если вы думаете, что мы будем вынуждены вернуться из-за нехватки провизии, то вы ошибаетесь.

Констебль. Поскольку вы угрожаете нам, мы позаботимся о том, чтобы быть достаточно сильными для вас. У меня приказ поднять против вас все графство.

Джон. Это ты угрожаешь, а не мы. И поскольку вы за озорство, вы не можете винить нас, если мы не дадим вам на это времени; мы начнем наш поход через несколько минут.^[2]

^[2] Это так напугало констебля и людей, которые были с ним, что они немедленно сменили ноту.

Констебль. Чего вы от нас требуете?

Джон. Сначала мы ничего от вас не хотели, кроме разрешения пройти по городу; мы не причинили бы вреда никому из вас, и вы не понесли бы от нас никаких увечий или потерь. Мы не воры, а бедняки, попавшие в беду и спасающиеся от ужасной лондонской чумы, которая пожирает тысячи людей каждую неделю. Мы удивляемся, как вы могли быть такими безжалостными!

Констебль. Чувство самосохранения обязывает нас.

Джон. Что? Заткнуть рот своему состраданию в случае такого бедствия, как это?

Констебль. Что ж, если вы пройдете полями по левую руку от вас и за той частью города, я постараюсь, чтобы для вас открыли ворота.

Джон. Наши всадники^[3] не могут пройти с нашим багажом этим путем; он ведет не по той дороге, по которой мы хотим идти, и почему вы должны заставлять нас свернуть с дороги? Кроме того, вы продержали нас здесь весь день без всякой провизии, кроме той, что мы привезли с собой. Я думаю, вам следует прислать нам немного провизии на подмогу.

[3] У них была только одна лошадь. [Сноски в оригинале.]

Констебль. Если вы пойдете другим путем, мы пришлем вам немного провизии.

Джон. Это способ заставить все города графства ополчиться против нас.

Констебль. Если они все будут снабжать вас едой, чем вы будете хуже? Я вижу, у вас есть палатки; вам не нужен кров.

Джон. Итак, какое количество провизии вы нам пришлете?

Констебль. Сколько вас?

Джон. Нет, мы не просим достаточно на всю нашу компанию; нас три компании. Если вы пришлете нам хлеба на двадцать мужчин и примерно шесть или семь женщин на три дня и покажете нам дорогу через поле, о котором вы говорите, мы не хотим внушать вашему народу никакого страха за нас; мы сделаем все возможное, чтобы угодить вам, хотя мы так же свободны от инфекции, как и вы.^[4]

[4] Здесь он подозвал одного из своих людей и приказал ему приказать капитану Ричарду и его людям пройти нижней дорогой со стороны пограничья и встретить их в лесу; все это было притворством, потому что у них не было ни капитана Ричарда, ни какой-либо подобной компании. [Сноска в оригинале.]

Констебль. И вы можете заверить нас, что другие ваши люди не причинят нам новых беспокойств?

Джон. Нет, нет, ты можешь положиться на это.

Констебль. Вы также должны взять на себя обязательство, что никто из ваших людей не приблизится ни на шаг к тому месту, где будут сложены продукты, которые мы вам пошлем.

Джон. Я отвечаю, что этого не будет.

Соответственно, они послали туда двадцать буханок хлеба и три или четыре больших куска хорошей говядины и открыли несколько ворот, через которые они прошли; но ни у кого из них не хватило смелости выглянуть и посмотреть, как они уходят, а поскольку был вечер, если бы они и посмотрели, то не смогли бы их увидеть, поскольку знали, как их мало.

Таково было руководство Джона солдата. Но это вызвало такую тревогу в округе, что, если бы их действительно было двести или триста, на них поднялся бы весь округ, и их отправили бы в тюрьму или, возможно, ударили по голове.

Вскоре они поняли это, потому что два дня спустя они обнаружили поблизости также несколько отрядов всадников и пехотинцев, преследовавших три отряда людей, вооруженных, как они сказали, мушкетами, которые бежали из Лондона, пораженные чумой, и которые не только распространяли смуту среди людей, но и грабили страну.

Теперь, когда они увидели последствия своего дела, они вскоре осознали опасность, в которой находились; поэтому они решили, следуя совету старого солдата, снова разделиться. Джон и двое его товарищей с лошадью ушли, как будто направляясь к Уолтему; остальные двумя отрядами, но все немного порознь, направились к Эппингу.

В первую ночь они разбили лагерь все вместе в лесу, недалеко друг от друга, но не ставили палатку, чтобы та не обнаружила их. С другой стороны, Ричард принялся за работу со своим топором и тесаком и, срубив ветви деревьев, построил три палатки или лачуги, в которых все они расположились лагерем со всеми удобствами, на какие только могли рассчитывать.

Провизии, которая была у них в Уолтемстоу, в эту ночь хватило с избытком, а что касается следующей, то они предоставили это Провидению. Они так хорошо отнеслись к поведению старого солдата, что теперь охотно сделали его своим лидером, и первое его поведение оказалось очень хорошим. Он сказал им, что теперь они находятся на достаточном расстоянии от Лондона; что, поскольку им не нужно немедленно обращаться к стране за помощью, поэтому они должны быть так же осторожны, чтобы страна не заразила их, как и чтобы они не заразили страну; что те небольшие деньги, которые у них есть, они должны расходовать как можно бережливее; что, поскольку он не хотел бы, чтобы они думали о каком-либо насилии в стране, поэтому они должны постараться донести смысл своего положения до страны как можно дальше. Все они подчинились его указаниям, поэтому оставили свои три дома стоять и на следующий день отправились в сторону Эппинга. Капитан (так они теперь называли его) и двое его спутников отказались от намерения отправиться в Уолтем и отправились все вместе.

Подъехав к Эппингу, они остановились, выбрав подходящее место в открытом лесу, не совсем рядом с шоссе, но и недалеко от него, на северной стороне, под небольшой группой невысоких поллардовых деревьев. Здесь они разбили свой маленький лагерь— состоявший из трех больших палаток или хижин, сделанных из жердей, которые их плотник и его помощники срубили и закрепили в земле по кругу, связав все концы вместе наверху и утолщив по бокам ветками деревьев и кустарников, так что они были совершенно тесными и теплыми. Кроме того, у них была маленькая палатка, где женщины лежали отдельно, и хижина, в которой можно было поставить лошадь.

Случилось так, что на следующий день или предпоследний в Эппинге был базарный день, когда капитан Джон и еще один мужчина отправились на рынок и купили кое-что из провизии, то есть хлеба и немного баранины и говядины; а две женщины пошли отдельно, как будто они не принадлежали к остальным, и купили еще. Джон взял лошадь, чтобы привести ее домой, и мешок, в котором плотник носил свои инструменты, чтобы положить их туда. Плотник принялся за работу и сделал им скамейки и табуретки, чтобы сидеть на них, насколько хватило бы дерева, которое он смог достать, и что-то вроде стола для обедов.

На них не обращали внимания в течение двух или трех дней, но после этого множество людей выбежало из города, чтобы посмотреть на них, и вся страна была встревожена из-за них. Люди сначала, казалось, боялись приближаться к ним; и, с другой стороны, они просили людей держаться подальше, потому что ходили слухи, что чума была в Уолтеме и что она была в Эппинге два или три дня назад; поэтому Джон крикнул им, чтобы они не подходили к ним, 'потому что, - сказал он, - мы все здесь здоровые люди, и мы не хотели бы, чтобы вы заносили чуму к нам или притворялись, что мы заносили ее к вам'.

После этого к ним подошли приходские чиновники, поговорили с ними на расстоянии и пожелали узнать, кто они такие и какими полномочиями обладают, чтобы занять свое место в этом месте. Джон ответил очень откровенно, что это были бедные, попавшие в беду люди из Лондона, которые, предвидя, до каких страданий они докатятся, если чума распространится в город, бежали вовремя, спасая свои жизни, и, не имея знакомых или родственников, к которым можно было бы бежать, сначала остановились в Ислингтоне; но поскольку чума пришла в этот город, бежали дальше; и поскольку они предположили, что жители Эппинга могли отказать им во въезде в их город, они разбили свои палатки таким образом в открытом поле и в лесу, желая вынести все тяготы такого безутешного жилья. Вместо того, чтобы заставлять кого-либо думать или бояться, что они могут получить от них травму.

Сначала жители Эппинга грубо разговаривали с ними и сказали, что они должны уехать; что это место не для них; и что они притворяются здоровыми, но, насколько им известно, они могут быть заражены чумой и могут заразить всю страну, а они не могут терпеть ее там.

Джон утверждал, спокойно с ними долгое время, и сказал им, что Лондон стал местом, в котором они, то есть жители города Эппинг и все страны вокруг них—существовало; к кому они продавали продукты своих земель, и из которых они сделали свои аренды своего хозяйства; и так жестоко по отношению к жителям Лондона, или любой из тех, от кого они получили так много, было очень тяжело, и они будут охотно его вспомнили далее и он рассказал, как варварские, как негостеприимно, и как жестоко они были жителями Лондона, когда они бежали с лица Самый страшный враг в мире; что ее хватило бы, чтобы сделать имя Эппинг человек ненавистный через весь город, и всякий сброд камень их в самых улицах, когда они пришли так же, как на рынок; что они не в безопасности от того, посетили сами, и которые, как он слышал, Валто уже; что они будут думать, что это очень сложно, что когда-нибудь из них бежали из-за страха перед их коснулась, они должны быть лишены свободы во лжи так много, как в открытом поле.

Эппинг мужчин сказал им, что они, действительно, сказал, что они звучат и свободной от инфекции, но, что у них нет уверенности в нем; и этого сообщалось, что там была большая толпа людей в Уолтемстоу, кто сделал такой предложения быть звуком, как они это делали, но что они угрожали разграбить город и пробиться, то ли прихода сотрудников будет или нет; что было

около двух сотен из них, и имели оружие и шатры, как из стран с низким уровнем военнослужащих; что они вымогали положения от города, угрожая их жизни на них в квартале свободный, показывая свои руки, и говорить на языке солдат; и что некоторые из них ушли в сторону Румфорд и Брентвуд, в стране былизаражены им, и распространение чумы в тех крупных городах, так что люди не смели выходить на рынок там, как обычно, что вполне вероятно, они принадлежат к этой партии; а если так, они заслужили, чтобы быть отправлены в окружную тюрьму, и быть защищенной, что они сделали удовлетворения за ущерб, который они сделали, и для страха и ужаса они поставили страну на.

Джон ответил, что то, что сделали другие люди, не имело для них никакого значения; что они заверили их, что все они были из одной компании; что их никогда не было больше, чем они видели их в то время (что, кстати, было чистой правдой); что они вышли двумя отдельными компаниями, но присоединились по дороге, поскольку их дела были одинаковыми; что они были готовы дать о себе такой отчет, какого кто-либо мог от них потребовать, и сообщить свои имена и места жительства, чтобы их можно было призвать к ответу за любой беспорядок, в котором они могли быть виновны; что жители города могли видите ли, они были довольны тем, что жили с трудом, и желали только немного места, чтобы дышать в лесу, где это было полезно; потому что там, где этого не было, они не могли оставаться и сбежали бы, если бы нашли там что-то другое.

"Но, - сказали горожане, - на наших руках уже лежит большая забота о бедных, и мы должны позаботиться о том, чтобы не увеличивать ее; мы полагаем, что вы можете гарантировать нас от того, что вы будете нести ответственность перед нашим приходом и жителями, не больше, чем от того, что вы будете опасны для нас в связи с инфекцией".

‘Послушайте,’ говорит Джон, ‘что касается того, чтобы взимать с вас плату, мы надеемся, что этого не произойдет. Если вы поможете нам в наших нынешних нуждах, мы будем очень благодарны; поскольку все мы жили без милостыни, когда были дома, поэтому мы обязуемся полностью отплатить вам, если Богу будет угодно вернуть нас в наши семьи и дома в безопасности и восстановить здоровье жителей Лондона.

"Что касается нашей смерти здесь: мы заверяем вас, что если кто-то из нас умрет, мы, оставшиеся в живых, похороним их, и не возьмем на себя никаких расходов, за исключением того, что мы все умрем; и тогда, действительно, последний человек, не способный похоронить себя, взял бы на себя те единственные расходы, в которых я убежден, - говорит Джон, - он оставил бы достаточно, чтобы оплатить вам расходы.

"С другой стороны, - говорит Иоанн, - если вы заткнете все внутренности сострадания и совсем не будете помогать нам, мы ничего не будем вымогать насилием или красть у кого-либо; но когда то небольшое, что у нас есть, будет израсходовано, если мы погибнем от нужды, на то будет воля Божья".

Джон так подействовал на горожан, разговаривая с ними таким разумным и мягким тоном, что они ушли; и хотя они не давали никакого согласия на их пребывание там, все же они не приставали к ним; и бедняги оставались там еще три или четыре дня без каких-либо помех. За это время у них завязалось какое-то отдаленное знакомство с продовольственным магазином на окраине города, к которому они заходили издалека, чтобы принести кое-какие мелочи,

которые им требовались, и которые они приказывали ставить поодаль, причем всегда платили очень честно.

В это время молодежь города часто подходила к ним поближе, останавливалась и смотрела на них, а иногда и разговаривала с ними в перерывах; и особенно было замечено, что в первый субботний день бедняки уединялись, вместе поклонялись Богу и слушали, как они поют псалмы.

Эти вещи, а также тихое, безобидное поведение начали снискивать им хорошее мнение в округе, и люди начали жалеть их и отзываться о них очень хорошо; следствием чего было то, что по случаю очень сырой, ненастной ночи некий джентльмен, живший по соседству, прислал им небольшую тележку с двенадцатью связками соломы, на которых они могли жить, а также покрывать соломой свои хижины и сохранять их сухими. Священник из соседнего прихода, не зная о существовании другого, прислал им также около двух бушелей пшеницы и полбушеля белого гороха.

Конечно, они были очень благодарны за это облегчение, и особенно солома была для них большим утешением; ибо, хотя изобретательный плотник смастерил для них каркасы, похожие на корыта, и наполнил их листьями деревьев и всем, что они могли достать, и изрезал всю ткань для палаток, чтобы сделать из нее укрытия, все же они лежали влажными, жесткими и нездоровыми, пока не появилась эта солома, которая была для них как перина, и, как сказал Джон, более желанной, чем были бы перины в другое время.

Этот джентльмен и священник начали таким образом и подали пример милосердия этим странникам, другие быстро последовали их примеру, и они каждый день получали ту или иную благосклонность от людей, но главным образом от джентльменов, которые жили в окружающей их местности. Некоторые присылали им стулья, табуретки, столы и другие предметы домашнего обихода, какие они просили; некоторые присылали им одеяла, коврики и покрывала, немного фаянсовой посуды и немного кухонных принадлежностей для заказа еды.

Ободренный таким хорошим использованием, их плотник за несколько дней построил им большой сарай или дом со стропилами, правильной формы крышей и верхним этажом, в котором им было тепло, потому что в начале сентября погода стала сырой и холодной. Но этот дом, хорошо покрытый соломой, с очень толстыми стенами и крышей, достаточно хорошо защищал от холода. Он также соорудил на одном конце земляную стену с дымоходом, а другой член компании, приложив немало усилий, проделал в дымоходе воронку для отвода дыма.

Здесь они жили с комфортом, хотя и бедно, до начала сентября, когда до них дошли дурные вести, правдивые или нет, о том, что чума, свирепствовавшая в Уолтемском аббатстве с одной стороны и в Румфорде и Брентвуде с другой, также докатилась до Эппинга, Вудфорда и большинства лесных городков и которая, по их словам, была занесена среди них главным образом хигглерами и теми людьми, которые ездили в Лондон с провизией.

Если это было правдой, то это явно противоречило тому сообщению, которое впоследствии распространилось по всей Англии, но которое, как я уже сказал, я не могу подтвердить своими собственными знаниями, а именно, что торговцы, везущие провизию в город, никогда не заражались инфекцией и не заносили ее обратно в страну; и то, и другое, как меня заверили, было ложью.

Возможно, они сохранились даже сверх всяких ожиданий, хотя и не чудом, это изобилие уходило и приходило, и никто к нему не прикасался; и это во многом было для ободрения лондонских бедняков, которые были бы совершенно несчастны, если бы люди, приносившие провизию на рынки, не были во много раз чудесным образом сохранены или, по крайней мере, лучше, чем можно было разумно ожидать.

Но теперь эти новые заключенные начали испытывать беспокойство более эффективно, потому что города вокруг них были действительно заражены, и они начали бояться доверять друг другу настолько, чтобы выезжать за границу за тем, что им было нужно, и это очень сильно ущемляло их, потому что теперь у них почти ничего не было, кроме того, чем их снабжали милосердные джентльмены из страны. Но для их поощрения случилось так, что другие джентльмены в стране, которые раньше ничего им не присылали, начали слышать о них и снабжать их, и один прислал им большую свинью, то есть поросенка, еще двух овец, а другой прислал им теленка. Короче говоря, у них было достаточно мяса, а иногда и сыра, и молока, и всего такого прочего. В основном они занимались этим ради хлеба, потому что, когда джентльмены присылали им кукурузу, им негде было ее ни испечь, ни смолоть. Это заставило их съесть первые два бушеля пшеницы, которые им прислали в виде выжженной кукурузы, как делали израильтяне в древности, не перемалывая и не выпекая из нее хлеб.

Наконец они нашли способ отнести свою кукурузу на ветряную мельницу близ Вудфорда, где ее перемололи, а потом бисквитчик сделал очаг таким пустотелым и сухим, что в нем можно было сносно печь бисквитные лепешки; и таким образом они оказались в состоянии жить без какой-либо помощи или припасов из городов; и это было хорошо, что они сделали, потому что вскоре страна была полностью заражена, и, как говорили, около 120 человек умерло от чумы в близлежащих деревнях, что было для них ужасной вещью.

По этому поводу они созвали новый совет, и теперь городам не нужно было бояться, что они поселятся поблизости от них; напротив, несколько семей из числа более бедных жителей покинули свои дома и построили хижины в лесу точно так же, как они это делали раньше. Но было замечено, что некоторые из этих бедных людей, которые таким образом переехали, заболели даже в своих хижинах или хибарках; причина этого была ясна, а именно, не потому, что они переехали на воздух, а (1) потому, что они не переезжали достаточно долго; то есть, только после того, как, открыто поговорив с другими людьми, своими соседями, они заразились болезнью на себе или (как можно сказать) среди них, и таким образом разнесли ее повсюду, куда бы они ни отправились. Или (2) потому что они были недостаточно осторожны, чтобы после того, как их благополучно вывезли из городов, не возвращаться сюда снова и не общаться с больными людьми.

Но как бы там ни было, когда наши путешественники начали замечать, что чума распространилась не только по городам, но даже по палаткам и хижинам в лесу неподалеку от них, они начали не только бояться, но и подумывать о том, чтобы сбежать; ибо, если бы они остались, их жизни подверглись бы явной опасности.

Неудивительно, что они были сильно огорчены необходимостью покинуть место, где их так любезно приняли и где к ним относились с такой человечностью и милосердием; но необходимость и опасность жизни, ради сохранения которой они проделали такой долгий путь, взяли верх над ними, и они не видели выхода. Джон, однако, придумал средство от их нынешнего несчастья, а именно, что он сначала ознакомит этого джентльмена, который был их

главным благодетелем, с бедственным положением, в котором они оказались, и попросит его помощи и совета.

Добрый, милосердный джентльмен уговаривал их покинуть это Место, опасаясь, что эпидемия болезни вообще лишит их возможности к какому-либо отступлению; но куда им следует идти, ему было очень трудно указать им. Наконец Джон спросил его, не выдаст ли он, как мировой судья, справки о состоянии здоровья другим судьям, к которым они могли бы обратиться; чтобы, какова бы ни была их участь, они не были отвергнуты теперь, когда к тому же так долго отсутствовали в Лондоне. Его милость немедленно удовлетворил это требование и выдал им соответствующие справки о состоянии здоровья, после чего они были вольны путешествовать, куда им заблагорассудится.

Соответственно, у них было полное свидетельство о состоянии здоровья, указывающее, что они прожили в деревне в графстве Эссекс так долго, что, будучи достаточно осмотренными и не вступая в какие-либо разговоры более сорока дней без каких-либо признаков болезни, они, безусловно, были признаны здоровыми людьми, и их можно было безопасно принимать где угодно, поскольку в конце концов они уехали скорее из-за страха перед чумой, которая пришла в такой город, чем из-за наличия каких-либо признаков инфекции на них самих или на ком-либо из их принадлежности.

С этим свидетельством они удалились, хотя и с большой неохотой; и, решив Джону не уходить далеко от дома, они двинулись в сторону болот на окраине Уолтема. Но здесь они нашли человека, который, по-видимому, устроил плотину или остановку на реке, чтобы поднимать воду для барж, которые ходят вверх и вниз по реке, и он напугал их мрачными историями о том, что болезнь распространилась по всем городам на реке и около реки, на стороне Миддлсекса и Хартфордшира; то есть в Уолтеме, Уолтем-Кросс, Энфилде и Уэре, и во всех городах по дороге, что они побоялись идти этим путем; хотя, похоже, этот человек навязал им это, потому что они боялись идти этим путем. что на самом деле все это было неправдой.

Однако это привело их в ужас, и они решили двигаться через лес в направлении Румфорда и Брентвуда; но они услышали, что из Лондона таким образом бежало множество людей, которые залегли в лесу под названием Хеналт Форест, простирающемся недалеко от Румфорда, и которые, не имея средств к существованию или жилья, не только жили странно и терпели большие лишения в лесах и полях из-за отсутствия помощи, но, как говорили, были доведены этими испытаниями до такого отчаяния, что совершали множество насилий по всему графству, грабили и мародерствовали, убивали скот и тому подобное; что другие, строящие хижины у обочин дорог, просили милостыню, и это с настойчивостью, граничащей с требованием помощи; так что в округе было очень беспокойно, и некоторых из них пришлось принять.

Это, во-первых, намекало им на то, что они наверняка обнаружат милосердие и доброту графства, которые они обнаружили здесь, где были раньше, ожесточенными и замкнутыми против них; и что, с другой стороны, их будут допрашивать, куда бы они ни приехали, и им будет угрожать насилие со стороны других в таких же случаях, как и им самим.

По всем этим соображениям Джон, их капитан, во всех их именах, вернулся к их хорошему другу и благодетелю, который уже сменил их раньше, и, честно изложив ему их дело, смиренно попросил его совета; и он столь же любезно посоветовал им снова занять свои старые квартиры, а если нет, то переместиться немного дальше от дороги и направил их в подходящее

для них место; и поскольку им действительно нужен был какой-нибудь дом, а не хижины, чтобы приютить их в это время года, приближаясь к Михайлову дню, они нашли старый обветшалый дом, который был разрушен. раньше это был какой-то коттедж или небольшое жилище, но оно было настолько ветхим, что едва пригодным для жилья; и с согласия фермера, ферме которого оно принадлежало, они получили разрешение использовать его так, как могли.

Изобретательный столяр и все остальные, следуя его указаниям, принялись за работу с ним и за считанные дни сделали его способным укрыть их всех в случае непогоды; и в нем были старый дымоход и старая печь, хотя обе лежали в руинах; но они сделали их пригодными для использования, и, возведя пристройки, сарай и навесы со всех сторон, они вскоре сделали дом способным вместить их всех.

Главным образом им нужны были доски для изготовления ставен, полов, дверей и некоторых других вещей; но поскольку вышеупомянутые джентльмены благоволили к ним, и благодаря этому в стране стало легче с ними обращаться, и, прежде всего, потому, что они были известны как здоровые, каждый помогал им, чем мог.

Здесь они разбили лагерь навсегда и решили больше никуда не убираться. Они ясно видели, как ужасно встревожены в этом округе все, кто приезжает из Лондона, и что их нигде не примут иначе, как с величайшими трудностями; по крайней мере, такого дружеского приема и помощи, какие они получили здесь.

Теперь, хотя они получали большую помощь и ободрение от сельских джентльменов и окружающих их людей, все же они оказались в большом затруднении: в октябре и ноябре погода стала холодной и сырой, и они не привыкли к таким лишениям; так что у них появились простуда в конечностях и чумка, но никогда не было инфекции; и таким образом, примерно в декабре они снова вернулись домой в город.

Я привожу эту историю таким образом в целом, главным образом для того, чтобы дать отчет о том, что стало с огромным количеством людей, которые немедленно появились в городе, как только болезнь утихла; ибо, как я уже говорил, большое количество тех, кто был в состоянии и имел пристанища за городом, бежали в эти пристанища. Итак, когда это дошло до такой ужасающей крайности, как я уже рассказывал, люди среднего достатка, у которых не было друзей, бежали во все концы страны, где они могли найти убежище, а также те, у кого были деньги, чтобы справить нужду, и те, у кого их не было. Те, у кого были деньги, всегда убегали дальше всех, потому что были в состоянии прокормить себя; но те, у кого не было денег, страдали, как я уже говорил, от больших лишений и часто были вынуждены из-за необходимости удовлетворять свои нужды за счет страны. Из-за этого страна испытывала к ним сильное беспокойство и иногда забирала их; хотя даже тогда они едва знали, что с ними делать, и всегда были очень отсталыми, чтобы наказать их, но часто они также вынуждали их переезжать с места на место, пока им не приходилось снова возвращаться в Лондон.

С тех пор, как я узнал эту историю Джона и его брата, я навел справки и обнаружил, что очень многие бедные безутешные люди, о которых говорилось выше, бежали в деревню всеми способами; и некоторые из них обзавелись маленькими сараями, амбарами и надворными постройками, где они могли получить столько доброты от сельской местности, и особенно там, где у них был хоть сколько-нибудь удовлетворительный отчет о себе, и особенно о том, что они не уезжали из Лондона слишком поздно. Но другие, и это в огромном количестве, строили себе

маленькие хижины и убежища в полях и лесах и жили как отшельники в норах и пещерах или в любом другом месте, которое они могли найти, и где, мы можем быть уверены, они страдали от таких крайностей, что многие из них были вынуждены возвращаться снова, какова бы ни была опасность; и поэтому эти маленькие хижины часто находили пустыми, и деревенские жители полагали, что жители лежат в них мертвыми от чумы, и не хотели приближаться к ним из страха — нет, не скоро; и не маловероятно, что некоторые из несчастных странников могли умирать так в полном одиночестве, даже иногда из—за отсутствия помощи, как, например, в одной палатке или хижине был найден мертвый человек, а на воротах ближайшего поля его ножом были вырезаны неровными буквами следующие слова, по которым можно предположить, что другому человеку удалось спастись, или что, поскольку один умер первым, другой похоронил его так хорошо, как только смог:

О несчастье!

Мы оба покрасимся,
горе, горе.

Я уже рассказывал о том, что, как я выяснил, происходило ниже по реке среди мореплавателей; как корабли стояли в отдалении, как это называется, рядами за кормой друг друга, довольно далеко от Заводи, насколько я мог видеть. Мне говорили, что они лежали таким же образом вниз по реке, вплоть до Грейвсенда, а некоторые и далеко за его пределами: даже везде или в каждом месте, где они могли плыть в безопасности от ветра и погоды; и я никогда не слышал, чтобы чума коснулась кого—либо из людей на борту этих кораблей - за исключением тех, что лежали в Бассейне или выше Дептфорд-Рич, хотя люди часто ходили на берег в провинциальные города и деревни, а также в дома фермеров, чтобы купить свежей провизии, домашней птицы, свиней, телят и тому подобного для своего снабжения.

Подобным же образом я обнаружил, что лодочники на реке выше моста нашли способы уйти вверх по реке так далеко, как только могли, и что у них, у многих из них, были целые семьи в лодках, накрытых тросами и тюками, как они их называют, и снабженных соломой внутри для ночлега, и что они лежали таким образом по всему берегу в болотах, некоторые из них ставили маленькие палатки из парусов, и так лежали под ними на берегу днем, а ночью забирались в свои лодки; и таким образом, как я слышал, местные жители были вынуждены покинуть свои лодки. берега реки были заполнены лодками и людьми до тех пор, пока у них было чем прокормиться или они могли что-нибудь добыть в деревне; и действительно, сельские жители, а также джентльмены и другие, в этих и всех других случаях с радостью помогали им — но они ни в коем случае не желали принимать их в своих городах и домах, и за это мы не можем их винить.

Насколько мне известно, был один несчастный гражданин, которого посетили ужасным образом, так что его жена и все дети умерли, а остался только он сам и двое слуг с пожилой женщиной, близкой родственницей, которая ухаживала за умершими, как могла. Этот безутешный человек отправляется в деревню недалеко от города, хотя и не входящую в списки смертных, и, найдя там пустой дом, наводит справки о хозяине и забирает дом. Через несколько дней он взял тележку, нагрузил ее товарами и отнес их в дом; жители деревни воспротивились тому, чтобы он повез тележку дальше; но с некоторыми аргументами и некоторой силой мужчины, которые везли тележку дальше, добрались по улице до дверей дома. Там констебль

снова оказал им сопротивление и не позволил привести их внутрь. Человек приказал выгрузить товар и сложить у двери, а затем отослал тележку; на ней они отвезли человека к мировому судье; то есть они приказали ему уйти, что он и сделал. Судья приказал ему вызвать повозку, чтобы снова увезти товары, что он отказался сделать; на что судья приказал констеблю преследовать возчиков и вернуть их обратно, и заставить их перегрузить товары и унести их прочь, или поместить их в колодки, пока они не придут за дальнейшими распоряжениями; и если они не смогут их найти, а человек не согласится забрать их, они должны приказать вытащить их крюками из двери дома и сжечь на улице. Бедный, огорченный этим человек снова принес товар, но с жалобными криками и сетованиями на тяжесть своего положения. Но выхода не было; самосохранение вынуждало людей прибегать к таким суровым мерам, которые в противном случае их бы не касались. Жил ли этот бедняга или умер, я не могу сказать, но ходили слухи, что в то время у него была чума; и, возможно, люди могли бы сообщить об этом, чтобы оправдать свое обращение с ним; но не было ничего невероятного в том, что либо он, либо его имущество, либо и то, и другое были опасны, когда вся его семья умерла от чумы так незадолго до этого.

Я знаю, что жителей городов, прилегающих к Лондону, часто обвиняли в жестоком обращении с бедняками, которые в бедственном положении бежали от заразы, и было совершено много очень жестоких поступков, как видно из сказанного; но я не могу не сказать также, что там, где было место для милосердия и помощи людям, без видимой опасности для себя, они были достаточно готовы помочь им и облегчить их участь. Но поскольку каждый город действительно был судьей в своем собственном деле, то с бедняками, которые в отчаянии бежали за границу, часто плохо обращались и их загоняли обратно в город; и это вызывало бесконечные восклицания и протесты против провинциальных городов и делало шум очень популярным.

И все же, более или менее, (при) всех предосторожностях, в радиусе десяти (или, я полагаю, двадцати) миль от города не было ни одного сколько-нибудь примечательного городка, который не был бы более или менее заражен, и некоторые из них умерли. Я слышал рассказы нескольких человек в том виде, в каком они были составлены, следующим образом: —

На Энфилде 32 , в Аксбридже 117,
” Хорнси ” 58 , Хартфорд 90,
” Ньюингтон ” 17 , Уэр 160,
” Тоттенхэм ” 42 , Ходсдон 30,
” Эдмонтон ” 19 , Уолтем Эбби 23,
” Барнет и Хадли ” 19 , Эппинг 26,
” Сент - Олбанс ” 121 , Дептфорд 623 ,
” Уотфорд ” 45 , Гринвич 231,
” Элтем и Лусум ” 85 , Кингстон 122 ,
” Кройдон ” 61 , Стейнс 82 ,
Брентвуд 70 , Чертси 18,
” Румфорд 109 ” Виндзор 103 ,
” Лающий Эббот 200
” Брентфорд 432 Cum aliis.

Еще одна вещь могла бы сделать страну более строгой по отношению к гражданам, и особенно по отношению к бедным, и это было то, на что я намекал ранее, а именно, что у инфицированных была кажущаяся склонность заражать других.

Среди наших врачей были большие споры относительно причины этого. Некоторые считают, что это заложено в природе болезни, и что она внушает каждому, кто ею охвачен, своего рода ярость и ненависть к себе подобным — как будто злокачественность заключена не только в том, что болезнь передается сама по себе, но и в самой природе человека, побуждая его к злой воле или дурному глазу, что, как говорят в случае с бешеной собакой, которая, хотя и была самым мягким существом из всех в своем роде, все же затем налетит и укусит любого, кто окажется рядом с ней, и тех, кто сразу же попытается это сделать. больше всего он наблюдал за этим раньше.

Другие объясняли это испорченностью человеческой природы, которой невыносимо видеть себя более несчастной, чем другие представители ее собственного вида, и которая как бы невольно желает, чтобы все люди были так же несчастны или находились в таком же плохом состоянии, как она сама.

Другие говорят, что это было всего лишь своего рода отчаяние, когда они не знали или не отдавали себе отчета в том, что они делали, и, следовательно, не заботились об опасности или безопасности не только тех, кто находился рядом с ними, но даже самих себя. И действительно, когда люди однажды приходят к состоянию самозабвения и не заботятся о собственной безопасности или об опасности, грозящей им самим, неудивительно, что они проявляют небрежность к безопасности других людей.

Но я предпочитаю придать этому серьезному спору совершенно иной оборот и ответить на него или разрешить все это, сказав, что я не признаю этот факт. Напротив, я говорю, что на самом деле это не так, но что это была общая жалоба, поднятая людьми, населяющими отдаленные деревни, против горожан, чтобы оправдать или, по крайней мере, извинить те трудности и суровость, о которых так много говорилось, и в которых, можно сказать, что жалобы обеих сторон нанесли ущерб друг другу; то есть граждане, настаивающие на том, чтобы их приняли и приютили во время бедствия, когда их постигла чума, жалуются на жестокость и несправедливость сельского населения, которому отказали во въезде и заставили вернуться обратно со своим имуществом и семьями; и жители, оказавшиеся столь навязанными друг другу. на них, и граждане, врывающиеся к ним, хотели они того или нет, жалуются, что, когда они были заражены, они не только не считались с другими, но даже желали заразить их; ни то, ни другое на самом деле не соответствовало действительности, то есть в тех красках, в которых они были описаны.

Это правда, что есть что сказать в связи с частыми тревогами, охватившими страну из-за решения жителей Лондона выйти силой не только за помощью, но и грабить; что они бежали по улицам с охватившей их чумой без всякого контроля; и что не было принято никаких мер для того, чтобы запирали дома и ограждать больных людей от заражения других; тогда как, надо отдать справедливость лондонцам, они никогда не практиковали подобные вещи, за исключением таких особых случаев, как я упомянул выше, и тому подобного. С другой стороны, все управлялось с такой тщательностью, и такой превосходный порядок соблюдался во всем городе и пригородах благодаря заботе лорда-мэра и олдерменов, а также мировых судей, церковных старосты и т.д. На окраинах, что Лондон может служить образцом для всех городов

мира в плане хорошего управления и превосходного порядка, который поддерживался повсюду, даже во времена самой жестокой инфекции, когда люди были в крайнем смятении и бедствии. Но об этом я буду говорить сам по себе.

Следует отметить, что одно обстоятельство было обусловлено главным образом благоразумием магистратов, и его следует отметить к их чести, а именно умеренность, с которой они выполняли большую и трудную работу по закрытию домов. Это правда, как я уже упоминал, что закрытие домов было большим предметом недовольства, и я могу сказать, что это действительно был единственный предмет недовольства среди людей в то время; ибо заключение звука в одном доме с больными считалось очень ужасным, и жалобы людей, заключенных таким образом, были очень прискорбными. Их было слышно на самых улицах, и иногда они были такими, что вызывали негодование, хотя чаще - сострадание. У них не было возможности поговорить ни с кем из своих друзей, кроме как у своих окон, где они издавали такие жалобные причитания, которые часто трогали сердца тех, с кем они разговаривали, и других людей, которые, проходя мимо, слышали их историю; и поскольку в этих жалобах часто упрекали в строгости, а иногда и в наглости часовых, выставленных у их дверей, эти часовые отвечали достаточно дерзко и, возможно, были склонны оскорблять людей, которые разговаривали на улице с упомянутыми семьями; за что, или за их жестокое обращение с семьями, я думаю, семь или восемь человек были арестованы. некоторые из них в нескольких местах были убиты; я не знаю, следует ли мне говорить "убиты" или нет, потому что я не могу вдаваться в подробности случаев. Это правда, что сторожа были при исполнении служебных обязанностей и действовали на посту, на который их поставила законная власть; и убийство любого государственного служащего при исполнении им своих должностных обязанностей всегда, на языке закона, называется убийством. Но поскольку они не были уполномочены инструкциями магистратов или властью, в соответствии с которой они действовали, наносить вред или оскорблять людей, находившихся под их наблюдением, или кого-либо, кто заботился о них; поэтому, когда они делали это, можно было сказать, что они действовали сами, а не по своей должности; действовать как частные лица, а не как нанятые; и, следовательно, если они навлекали на себя вред таким неподобающим поведением, этот вред падал на их собственные головы; и действительно, на них падало столько сердечных проклятий народа, заслуживали они этого или нет, что независимо от того, что они делали. никто не жалел их, и все были склонны говорить, что они заслужили это, что бы это ни было. Я также не помню, чтобы кто-нибудь когда-либо был наказан, по крайней мере в сколько-нибудь значительной степени, за то, что было сделано со сторожами, охранявшими их дома.

Я уже обратил внимание на то, какие разнообразные уловки использовались для побега и выхода из домов, запертых таким образом, с помощью которых стражники были обмануты или одолены, и что люди ушли, и больше об этом говорить не буду. Но я говорю, что магистраты во многих случаях смягчали и облегчали жизнь семей в этом деле, и особенно в том, что они забирали больных людей из таких домов или допускали, чтобы их вывезли, когда они были готовы быть переведенными либо в чумной дом, либо в другие места; и иногда давая здоровым членам семьи разрешение удалиться после получения информации о том, что они здоровы, и что они будут находиться в таких домах, где они пробудут столько времени, сколько от них потребуется. Забота магистратов также о снабжении таких бедных семей, которые были заражены, — я говорю, о снабжении их предметами первой необходимости, а также лекарствами и пищей, — была очень велика, и при этом они не довольствовались отдачей необходимых приказов назначенным должностным лицам, но олдермены лично и верхом на лошадях часто подъезжали к таким домам и заставляли людей спрашивать у их окон, должным

ли образом им оказана помощь или нет; также, хотят ли они чего-нибудь необходимого, и постоянно ли офицеры передавали их послания и приносили им то, что они хотели, или нет. И если они отвечали утвердительно, все было хорошо; но если они жаловались на то, что их плохо снабжали, и что офицер не выполнял свой долг или обращался с ними невежливо, их (офицеров) обычно увольняли, а на их место ставили других.

Это правда, что такая жалоба могла быть несправедливой, и если у офицера были такие аргументы, которые убедили бы магистрата в том, что он был прав и что люди причинили ему вред, то его продолжили, и они сделали ему выговор. Но эта часть не выдерживала особого допроса, поскольку стороны могли быть очень плохо слышны и отвечать на них на улице из окон, как это было в то время. Поэтому магистраты обычно предпочитали благосклонно относиться к людям и отстранять этого человека от должности, поскольку это казалось наименее неправильным и имело наименее пагубные последствия; видя, что если сторож был ранен, они все же могли легко загладить свою вину, предоставив ему другую должность аналогичного характера; но если пострадала семья, им нельзя было выплатить никакой компенсации, ущерб, возможно, был непоправимым, поскольку это касалось их жизней.

Между сторожами и запертыми бедняками часто происходило множество подобных случаев, помимо тех, о которых я ранее упоминал, когда они убегали. Иногда сторожа отсутствовали, иногда были пьяны, иногда спали, когда этого хотели люди, и такие люди всегда подвергались суровому наказанию, которого они действительно заслуживали.

Но после всего, что было или могло быть сделано в этих случаях, закрытие домов, чтобы изолировать тех, кто был здоров, от тех, кто был болен, несло в себе очень большие неудобства, а некоторые были очень трагичными, и которые заслуживали рассмотрения, если бы для этого было место. Но это было санкционировано законом, оно имело в виду общественное благо как цель, на которую главным образом было направлено, и весь частный ущерб, причиненный его исполнением, должен быть отнесен на счет общественного блага.

По сей день остается сомнительным, внесло ли это в целом какой-либо вклад в прекращение распространения инфекции; и действительно, я не могу сказать, что внесло, поскольку ничто не могло распространяться с большей яростью, чем инфекция, когда она была в самом разгаре, хотя зараженные дома были заперты настолько точно и эффективно, насколько это было возможно. Несомненно то, что если бы все инфицированные были надежно заперты, ни один здоровый человек не смог бы заразиться от них, потому что они не могли бы приблизиться к ним. Но дело обстояло так (и я коснусь этого только здесь), а именно: инфекция распространялась незаметно и такими людьми, которые не были явно инфицированы, которые не знали, кого они заразили или от кого они были инфицированы.

Дом в Уайтчеппеле был закрыт из-за одной зараженной горничной, у которой были только прыщи, но никаких признаков их появления на ней не было, и она выздоровела; однако этим людям не разрешалось двигаться, ни подышать воздухом, ни заняться физическими упражнениями, в течение сорока дней. Одышка, страх, гнев, досада и все другие дары, сопутствующие такому пагубному обращению, довели хозяйку семьи до лихорадки, и в дом пришли гости и сказали, что это чума, хотя врачи утверждали, что это не так. Однако семья была вынуждена начать карантин заново по докладу посетителей или экзаменатора, хотя для завершения их прежнего карантина требовалось всего несколько дней. Это так угнетало их гневом и горем, и, как и прежде, настолько ограничивало их в пространстве, а также из-за

нехватки дыхания и свежего воздуха, что большая часть семьи заболела, один от одной хвори, другой от другой, в основном ожоговыми недугами; только один - сильными коликами; пока, после нескольких продлений их заключения, кто-то из тех, кто приходил с посетителями осмотреть больных в надежде освободить их, не принес с собой хворь и не заразил весь дом; и все или большинство из них не умерли. , не о чуме, которая на самом деле обрушилась на них раньше, а о чуме, которую принесли им эти люди, которые должны были позаботиться о том, чтобы защитить их от нее. И это случалось часто, и это действительно было одним из худших последствий закрытия домов.

Примерно в это же время на меня свалилось небольшое затруднение, которое поначалу меня сильно огорчило и очень встревожило, хотя, как оказалось, оно не грозило мне каким-либо бедствием; олдермен Портсокенского округа назначил меня одним из инспекторов домов в том районе, где я жил. У нас был большой приход, и в нем было не менее восемнадцати экзаменаторов, как называл нас орден; люди называли нас посетителями. Я изо всех сил старался освободиться от такой работы и приводил множество доводов с заместителем олдермена, чтобы меня оправдали; в частности, я утверждал, что я вообще против закрытия домов и что было бы очень трудно заставить меня быть орудием в том, что шло вразрез с моим суждением, и что, как я искренне верил, это не достигнет цели, для которой это было задумано; но все, чего я мог добиться, заключалось только в том, что, хотя милорд—мэр назначил чиновника на два месяца, я буду вынужден удерживать его всего три недели, при условии, тем не менее, что Тогда я мог бы нанять какую-нибудь другую подходящую экономку, которая прислуживала бы мне все остальное время, что, короче говоря, было очень незначительной услугой, поскольку было очень трудно уговорить какого-либо мужчину согласиться на такую работу, которому можно было бы ее доверить.

Это правда, что закрытие домов имело один эффект, который, как я чувствую, был важным, а именно, оно ограничивало людей, страдающих болезнью, которые в противном случае были бы очень беспокойными и очень опасными, бегая по улицам с охватившей их болезнью, — что, когда они были в бреду, они делали бы самым ужасным образом, и действительно, поначалу они начали делать очень много, пока их таким образом не обуздали; более того, они были настолько открытыми, что бедняки ходили и просили милостыню у дверей людей, и говорили, что на них напала чума. , и выпрашивать тряпки для своих язв, или и то, и другое, или все, что взбредет в голову безумной природе.

Бедная, несчастная леди, жена состоятельного гражданина, была (если верить этой истории) убита одним из этих существ на Олдерсгейт-стрит или где-то там. Он шел по улице, конечно, бредя как сумасшедший, и пел; люди только говорили, что он был пьян, но он сам сказал, что у него чума, что, похоже, было правдой; и, встретив эту благородную женщину, он поцеловал бы ее. Она была ужасно напугана, так как он был всего лишь грубияном, и она убежала от него, но на улице было очень мало народу, и поблизости не было никого, кто мог бы ей помочь. Когда она увидела, что он догонит ее, она повернулась и толкнула его с такой силой, что он был совсем слаб, и повалила его навзничь. Но, к большому несчастью, она была так близко, что он схватил ее и тоже потянул вниз, и, встав первым, овладел ею и поцеловал; и, что было хуже всего, когда он закончил, сказал ей, что у него чума, и почему бы ей не заболеть ею так же, как и ему? Она и раньше была достаточно напугана, так как тоже ждала ребенка; но когда она услышала, что он сказал, что у него чума, она вскрикнула и упала в обморок или в припадок, который, хотя она

немного оправилась, все же убил ее через несколько дней; и я так и не узнал, была ли у нее чума или нет.

Другой инфицированный человек пришел и постучал в дверь дома гражданина, где его очень хорошо знали; слуга впустил его, и, узнав, что хозяин дома наверху, он побежал наверх и вошел к ним в комнату, когда вся семья ужинала. Они начали вставать, немного удивленные, не понимая, в чем дело; но он велел им сидеть спокойно, он пришел только проститься с ними. Они спросили его: 'Почему, мистер —, Куда вы идете?' 'Иду, - говорит он. ' Я заболел и умру завтра вечером'. Легко поверить, хотя и не описать, в какой ужас они все пришли. Женщины и дочери этого человека, которые были всего лишь маленькими девочками, были напуганы почти до смерти и встали, выбегая то в одну дверь, то в другую, кто-то вниз, а кто-то наверх, и, собравшись, как могли, заперлись в своих комнатах и кричали в окно о помощи, как будто они были напуганы до полусмерти. Хозяин, более спокойный, чем они, хотя и напуганный, и раздраженный, в порыве гнева собирался схватить его и сбросить с лестницы; но затем, немного подумав о состоянии этого человека и опасности прикасаться к нему, ужас охватил его разум, и он замер, как пораженный. Бедный страдающий чумкой человек все это время, будучи больным не только телом, но и мозгом, стоял неподвижно, как пораженный. Наконец он оборачивается: 'Да!' - говорит он со всем кажущимся спокойствием, какое только можно вообразить. 'Это со всеми вами так? Вы все на меня сердитесь? Что ж, тогда я пойду домой и умру там'. И поэтому он немедленно спускается вниз. Слуга, впустивший его, спускается за ним со свечой, но боится пройти мимо него и открыть дверь, поэтому он стоит на лестнице, чтобы посмотреть, что тот будет делать. Мужчина подошел, открыл дверь, вышел и захлопнул ее за собой. Прошло некоторое время, прежде чем семья оправилась от испуга, но поскольку никаких дурных последствий не последовало, с тех пор у них была возможность говорить об этом (вы можете быть уверены) с большим удовлетворением. Хотя человек ушел, прошло некоторое время — нет, как я слышал, несколько дней, прежде чем они опомнились от той спешки, в которой находились; и они не ходили взад и вперед по дому с какой-либо уверенностью, пока не сожгли множество различных испарений и благовоний во всех комнатах и не сделали множество дымоходов из смолы, пороха и серы, не переодели все по отдельности, не выстирали свою одежду и тому подобное. Что касается бедняги, то я не помню, жил он или умер.

Совершенно очевидно, что, если бы из-за закрытия домов больные не были заперты, толпы людей, которые в разгар своей лихорадки бредили и теряли рассудок, постоянно бегали бы взад и вперед по улицам; и даже несмотря на то, что их было очень много, они делали это и применяли всевозможные насилия к тем, кого встречали, подобно тому, как бешеная собака бежит и кусает каждого, кого встречает; и я не могу не сомневаться, что, если бы одно из этих зараженных, больных существ укусило какого-либо мужчину или женщину, пока ими владело безумие от чумы, они, Я имею в виду, что человек, получивший такое ранение, с такой же уверенностью был бы неизлечимо инфицирован, как и тот, кто был болен раньше и имел при себе эти знаки.

Я слышал про одного зараженного существа, которые, выбегая из своей постели в его рубашке и в муках и агонии, его вздутия, которых у него было трое на него, взял свою обувь и пошла надеть пальто; но медсестра сопротивлялся, и, схватив пальто, он бросил ее вниз, побежал за ней, побежал вниз по лестнице и на улицу, прямо к Темзе в одной рубашке; медсестра бежит за ним, и звонить на часы, чтобы остановить его; но сторож, напугала на человека, и боялся прикоснуться к нему, пусть идет дальше; после чего он побежал вниз по лестнице Stillyard,

сбросил с себя рубашку, и бросился в Темзу, и, будучи хорошим пловцом, совсем заплыли над рекой; и волна того, что пришли, как они это называют (то есть, бег на Запад), как он достиг Земли, пока он не пришел о Соколе лестнице, где посадки, и не найдя там людей, ее в ночи, он побежал по улицам, обнаженный, как и он, какое-то время, когда, будучи к тому времени высокую воду, он принимает на реку снова, и поплыл назад к Stillyard, приземлился, пробежал по улицам снова к своему дому, стучит в дверь, поднялся по лестнице и в своей постели; и что этот страшный эксперимент вылечил его от чумы, так сказать, что насильственные движения его рук и ног вытянулись местах вздутий он на нем были, так сказать, под мышками и в паху, и велел им созреть и разорвать; и холодной воды, убавить жар в его крови.

Я должен только добавить, что я рассказываю об этом не больше, чем о некоторых других, как о факте, известном мне лично, так что я могу поручиться за их правдивость, и особенно за то, что человек был излечен экстравагантным приключением, которое, признаюсь, я не считаю очень возможным; но это может послужить подтверждением многих отчаянных поступков, с которыми часто сталкивались в то время страдающие люди, впадающие в бред и то, что мы называем легкомыслием, и насколько бесконечно больше таких было бы, если бы такие люди не были ограничены запиранием домов. ; и это я считаю лучшим, если не единственным хорошим поступком, который был выполнен таким суровым методом.

С другой стороны, жалобы и ропот были очень резкими по отношению к самой вещи. Это пронзило бы сердца всех, кто проходил мимо, услышать жалобные крики этих инфицированных людей, которые, будучи таким образом не в своем уме из—за сильной боли или жара своей крови, были либо заперты, либо, возможно, привязаны к своим кроватям и стульям, чтобы не причинить себе вреда, - и которые издавали бы ужасный вопль из-за того, что их держат взаперти, и из-за того, что им не позволили умереть на свободе, как они это называли, и как они поступили бы раньше.

Это бегство больных людей по улицам было очень мрачным, и магистраты делали все возможное, чтобы предотвратить это; но поскольку обычно это происходило ночью и всегда внезапно, когда предпринимались подобные попытки, офицеры не могли быть под рукой, чтобы предотвратить это; и даже когда кто-нибудь выходил днем, назначенные офицеры не хотели вмешиваться в их дела, потому что, поскольку все они, конечно, были тяжело инфицированы, когда доходили до такой степени, так что они были более чем обычно заразны, и прикоснуться к ним было одной из самых опасных вещей, которые могли быть. С другой стороны, они обычно бежали дальше, не сознавая, что делают, пока не падали замертво или пока не истощали свой дух настолько, что падали и затем умирали, возможно, через полчаса или час; и, что было самым прискорбным слышать, они были уверены, что полностью придут в себя за эти полчаса или час, а затем будут издавать самые тяжкие и пронзительные крики и стенания в глубоком, удручающем понимании состояния, в котором они находились. Это было во многом до того, как приказ о закрытии домов был строго приведен в исполнение, ибо поначалу сторожа не были столь энергичны и суровы, как впоследствии, удерживая людей внутри; то есть до того, как они (я имею в виду некоторых из них) были сурово наказаны за свое пренебрежение, невыполнение своих обязанностей и за то, что позволяли людям, находившимся под их опекой, ускользать или потворствовали их отъезду за границу, будь то больные или здоровые. Но после того, как они увидели, что офицеры, назначенные для расследования их поведения, были полны решимости заставить их выполнить свой долг или понести наказание за упущение, они были более требовательны, а люди были строго сдержаны; это было то, что они воспринимали так плохо и

переносили с таким нетерпением, что их недовольство трудно описать. Но следует признать, что в этом была абсолютная необходимость, если только не были своевременно приняты какие-то другие меры, а для этого было уже слишком поздно.

Если бы не этот конкретный случай (когда больные были привязаны, как указано выше) в то время, Лондон был бы самым ужасным местом, которое когда-либо существовало в мире; насколько я знаю, на улицах умерло бы столько же людей, сколько умерло в своих домах; ибо, когда болезнь была в самом разгаре, она обычно доводила их до бреда, и когда они были в таком состоянии, их можно было удержать в постелях только силой; и многие, кто не был привязан, выбрасывались из окон, когда обнаруживали, что не могут получить разрешения выйти на улицу. из их дверей.

Именно из-за отсутствия людей, разговаривающих друг с другом в это время бедствия, было невозможно, чтобы какой-либо конкретный человек узнал обо всех экстраординарных случаях, которые происходили в разных семьях; и особенно я полагаю, что до сих пор неизвестно, сколько людей в бреду утопились в Темзе и в реке, которая вытекает из болот у Хакни, которую мы обычно называем Уэр-ривер, или река Хакни. Что же касается тех, кто был указан в еженедельном отчете, то их действительно было немного; и ни о ком из них нельзя было знать, утонули ли они случайно или нет. Но я полагаю, что мог бы подсчитать больше тех, кто в пределах моих знаний или наблюдений действительно утонул в том году, чем указано в списке всех вместе взятых: поскольку многие тела так и не были найдены, хотя было известно, что они утеряны; и тому подобное при других методах самоуничтожения. Был также один мужчина на Уайткросс-стрит или поблизости от нее, который сжег себя насмерть в своей постели; одни говорили, что это сделал он сам, другие - что это произошло из-за предательства медсестры, которая ухаживала за ним; но с тем, что он был поражен чумой, согласились все.

Также милостивым решением Провидения, о котором я много раз думал в то время, было то, что в течение того года в городе не произошло пожаров, по крайней мере, значительных, что, будь иначе, было бы очень ужасно; и либо люди, должно быть, оставили их в покое непотушенными, либо собирались большими толпами, не заботясь об опасности заражения, не заботясь о домах, в которые они заходили, о товарах, которые они держали в руках, или о людях, среди которых они оказались. Но так уж получилось, что, за исключением случая в приходе Крипплгейт и двух или трех небольших пожаров, которые вскоре были потушены, за весь год не произошло ни одного бедствия подобного рода. Они рассказали нам историю о доме в местечке под названием Суон-элли, проходящем от Госуэлл-стрит, недалеко от конца Олд-стрит, до Сент-Джон-стрит, где семья была заражена таким ужасным образом, что все до единого в доме умерли. Последний человек лежал мертвым на полу и, как предполагается, все это время пролежал, чтобы умереть прямо перед пожаром; огонь, похоже, сорвался со своего места, поскольку был деревянным, и охватил доски и балки, на которых они лежали, и сгорел только до тела, но не охватил мертвое тело (хотя на ней было немногим больше сорочки) и погас сам по себе, не спалив остальную часть дома, хотя это был небольшой деревянный дом. Насколько это может быть правдой, я не берусь судить, но поскольку в следующем году городу предстояло серьезно пострадать от пожара, в этом году он почти не ощутил этого бедствия.

Действительно, учитывая бред, в который повергала людей агония, и то, как я упоминал, что в своем безумии, когда они были одни, они совершали множество отчаянных поступков, было очень странно, что подобных катастроф больше не было.

Меня часто спрашивали, и я не могу сказать, что когда-либо знал, как дать на это прямой ответ, как получилось, что так много инфицированных людей появилось на улицах в то самое время, когда зараженные дома были так бдительно обысканы, и все они были заперты и охранялись.

Признаюсь, я не знаю, какой на это дать ответ, разве что такой: в таком большом и густонаселенном городе, как этот, было невозможно обнаружить каждый зараженный дом сразу или закрыть все зараженные дома; так что люди могли свободно ходить по улицам, где им заблагорассудится, если только не было известно, что они принадлежат к таким-то зараженным домам.

Это правда, что, как рассказывали несколько врачей милорду мэру, в определенные периоды ярость заражения была такой, и люди заболевали так быстро и умирали так скоро, что было невозможно, да и вообще бесполезно, ходить и выяснять, кто болен, а кто здоров, или запирасть их с такой тщательностью, какой требовало дело, поскольку почти каждый дом на целой улице был заражен, а во многих местах каждый человек в некоторых домах; и что было еще хуже, к тому времени, когда стало известно, что дома заражены, большинство инфицированных превратились бы в каменные глыбы. умерли, а остальные разбежались из страха быть запертыми; так что называть их зараженными домами и запирасть их было бессмысленно, поскольку инфекция опустошила дом и покинула его прежде, чем стало действительно известно, что семья каким-либо образом затронута.

Этого могло бы быть достаточно, чтобы убедить любого разумного человека в том, что, поскольку не во власти магистратов или каких-либо человеческих методов политики предотвратить распространение инфекции, такого способа закрытия домов было совершенно недостаточно для достижения этой цели. В самом деле, казалось, что в этом не было никакого общественного блага, равного или соразмерного тому тяжкому бременю, которое легло на отдельные семьи, оказавшиеся в таком заточении; и, поскольку я был нанят общественностью для руководства этой суровостью, я часто имел возможность видеть, что она была неспособна достичь цели. Например, когда от меня, как от посетителя или эксперта, потребовали узнать подробности онескольких семьях, которые были заражены, мы почти не пришли ни в один дом, где чума явно проявилась в семье, но обнаружили, что некоторые члены семьи сбежали. Магистраты были бы возмущены этим и обвинили экзаменаторов в небрежности при проведении осмотра. Но таким образом дома были заражены задолго до того, как об этом стало известно. Теперь, поскольку я пробыл на этой опасной должности всего половину назначенного срока, то есть два месяца, этого было достаточно, чтобы понять, что мы никак не можем узнать об истинном состоянии какой-либо семьи, кроме как расспрашивая у дверей или у соседей. Что касается обыска в каждом доме, то это была часть, которую ни одна власть не предложила бы возложить на жителей, и ни один гражданин не взял бы на себя: ибо это подвергло бы нас неминуемой инфекции и смерти, а также разорению наших собственных семей, а также нас самих; и ни один честный гражданин, на которого можно было положиться, не остался бы в городе, если бы его привлекли к ответственности с такой суровостью.

Видя тогда, что мы не могли прийти к определенности вещей никаким методом, кроме опроса соседей или членов семьи, и на это мы не могли справедливо полагаться, было невозможно, чтобы неопределенность в этом вопросе не изменилась, как указано выше.

Это правда, что главы семей были обязаны уведомлять инспектора о месте, в котором он жил, в течение двух часов после того, как он обнаруживал это, о том, что в его доме кто-то заболел (то

есть, у него были признаки инфекции), - но они находили так много способов избежать этого и оправдать свою небрежность, что они редко сообщали об этом, пока не принимали меры к тому, чтобы из дома сбежал каждый, у кого было намерение сбежать, независимо от того, были ли они больны или здоровы; и хотя это было так, легко видеть, что закрытие домов не было способом избежать этого. на это можно положиться как на достаточный метод для прекращения заражения, потому что, как я уже говорил в другом месте, многие из тех, кто таким образом покинул зараженные дома, действительно были поражены чумой, хотя на самом деле они могли считать себя здоровыми. И некоторые из этих людей ходили по улицам, пока не падали замертво, не то чтобы их внезапно поразила болезнь, как от пули, убивающей при инсульте, но что инфекция действительно была у них в крови задолго до этого; только, поскольку она тайно поражала жизненно важные органы, она не проявлялась, пока не захватывала сердце со смертельной силой, и пациент умирал в одно мгновение, как при внезапном обмороке или апоплексическом ударе.

Я знаю, что некоторые даже из наших врачей какое—то время думали, что те люди, которые умерли таким образом на улицах, были схвачены, но в тот момент они падали, как будто их коснулся удар с небес, как людей убивает вспышка молнии, - но впоследствии они находили причину изменить свое мнение; ибо при осмотре тел таких людей после их смерти на них всегда были либо признаки, либо другие очевидные доказательства того, что болезнь мучила их дольше, чем они ожидали.

Это часто было причиной того, что, как я уже говорил, мы, эксперты, не могли прийти к пониманию того, что инфекция была занесена в дом, пока не становилось слишком поздно закрывать его, а иногда и до тех пор, пока все оставшиеся люди не были мертвы. На Петтикоут-лейн два дома были заражены, и несколько человек заболели; но болезнь была так хорошо скрыта, что экзаменатор, который был моим соседом, ничего не знал об этом, пока ему не прислали уведомление, что все люди мертвы и что туда должны заехать повозки, чтобы их увезти. Главы двух семейств согласовали свои меры и таким образом упорядочили свои дела, что, когда экзаменатор находился по соседству, они появлялись обычно одновременно и отвечали, то естльгали друг за друга, или заставляли кого—нибудь из соседей говорить, что все они здоровы — и, возможно, не знали ничего лучшего, - пока смерть не сделала невозможным дольше держать это в секрете, ночью к обоим домам не были вызваны тележки с трупами, и таким образом это стало достоянием общественности. Но когда инспектор приказал констеблю закрыть дома, в них не осталось никого, кроме трех человек, двое в одном доме и один в другом, которые только что умирали, и по медсестре в каждом доме, которые признали, что до этого они похоронили пятерых, что дома были заражены девять или десять дней назад, и что все остальные из двух семей, которых было много, ушли, некоторые больные, некоторые здоровые, или больные или здоровые, неизвестно.

Аналогичным образом, в другом доме на том же переулке мужчина, у которого была заражена семья, но он очень не хотел сидеть взаперти, и когда он больше не мог скрывать это, заперся сам; иными словами, он повесил на свою дверь большой красный крест со словами 'Господи, помилуй нас', и таким образом ввел в заблуждение экзаменатора, который предположил, что это было сделано констеблем по приказу другого экзаменатора, поскольку в каждом округе было по два экзаменатора. Таким образом, он мог свободно входить и возвращаться в свой дом и выходить из него, когда ему заблагорассудится, несмотря на то, что дом был заражен, пока,

наконец, его уловка не была раскрыта; и тогда он со здоровой частью своих слуг и семьи сбежал, так что они вообще не были заперты.

Эти обстоятельства сделали очень трудным, если не невозможным, как я уже сказал, предотвращение распространения инфекции путем закрытия домов — если только люди не сочтут закрытие своих домов безобидным и не будут настолько готовы, чтобы это было сделано, что они должным образом и добросовестно уведомят магистратов о своем заражении, как только им самим станет известно; но поскольку от них этого ожидать нельзя, и нельзя предположить, что экзаменаторы, как указано выше, войдут в их дома для посещения и обыска, все преимущества закрытия домов будут сведены на нет, и немногие дома будут вовремя закрыты, за исключением домов бедняков, которые не смогут скрыть это, и некоторых людей, которые будут обнаружены из-за ужаса, в который повергли их эти события.

Я добился того, что меня уволили с опасной должности, на которой я находился, как только смог принять другую, которую я уговорил за небольшие деньги принять ее; и таким образом, вместо того, чтобы отсидеть назначенные два месяца, я пробыл на ней не более трех недель; и довольно долго, учитывая, что это было в августе месяце, когда эпидемия начала свирепствовать с большой силой в нашем конце города.

При исполнении этой обязанности я не мог удержаться, чтобы не высказать свое мнение среди моих соседей относительно этого запираения людей в их домах; в котором мы наиболее очевидно увидели применявшиеся суровые меры, хотя и тяжкие сами по себе, но также имели против них особое возражение: а именно, что они не соответствовали цели, как я уже сказал, но что страдающие расстройством люди изо дня в день ходили по улицам; и мы были едины во мнении, что метод, позволяющий отключить звук у больных, в случае посещения конкретного дома, был бы гораздо более разумным по многим причинам, оставив их в покое. никто, находящийся рядом с больными, кроме тех, кто должен в таком случае просить остаться и заявлять, что они довольны пребыванием с ними взаперти.

Наш план по удалению здоровых от больных существовал только в тех домах, которые были заражены, и заключение больных не было ограничением; те, кто не мог пошевелиться, не жаловались бы, пока они были в здравом уме и пока у них была способность судить. Действительно, когда у них начинался бред и кружилась голова, они начинали плакать из-за жестокости заключения; но что касается тех, кто был здоров, мы считали это в высшей степени разумным и справедливым, ради их же блага их следует отделить от больных, и что для безопасности других людей им следует некоторое время побыть в уединении, чтобы убедиться, что они здоровы и не могут заразить других; и мы думали, что двадцати или тридцати дней для этого достаточно.

Теперь, конечно, если бы специально были предоставлены дома для тех, кто был здоров для проведения этого полукарантина, у них было бы гораздо меньше оснований считать себя пострадавшими при таком ограничении, чем при заточении с инфицированными людьми в домах, где они жили.

Здесь, однако, следует отметить, что после того, как похорон стало так много, что люди не могли звонить в колокола, скорбеть или рыдать, или носить черное друг для друга, как они делали раньше; нет, даже не делали гробов для тех, кто умер; так что через некоторое время ярость инфекции, казалось, настолько возросла, что, короче говоря, они вообще не закрывали домов.

Казалось достаточным, что все средства такого рода были использованы до тех пор, пока они не оказались бесплодными, и что чума распространилась с непреодолимой яростью; так что по мере того, как пожар в следующем году распространялся сам по себе и горел с такой силой, что горожане в отчаянии оставили свои попытки потушить его, так и во время чумы дело дошло, наконец, до такой ярости, что люди сидели неподвижно, глядя друг на друга, и казались совершенно преданными отчаянию; казалось, что целые улицы были опустошены, и не только для того, чтобы быть запертыми, но и для того, чтобы освободиться от их обитателей; двери были оставлены открытыми, окна стояли, сотрясаемые ветром, в пустых домах из-за отсутствия людей, которые могли бы их закрыть. Одним словом, люди начали поддаваться своим страхам и думать, что все правила и методы напрасны, и что надеяться не на что, кроме всеобщего опустошения; и даже в разгар этого всеобщего отчаяния Богу было угодно приостановить Свою руку и ослабить ярость заразы таким образом, который был даже неожиданным, как и ее начало, и продемонстрировал, что это Его собственная особая рука, и что свыше, если не без помощи средств, о чем я расскажу в соответствующем месте.

Но я все же должен говорить о чуме в ее разгаре, бушующей вплоть до опустошения, и о людях, охваченных ужаснейшим испугом, даже, как я уже сказал, отчаянием. Едва ли можно поверить, до какого предела довели страсти людей в этот крайний период смуты, и эта часть, я думаю, была такой же трогательной, как и остальные. Что может подействовать на человека при всей его способности размышлять и что может произвести более глубокое впечатление на душу, чем видеть человека почти голым, выбравшегося из своего дома или, возможно, из своей постели на улицу, выходящего из Харроу—Элли, многолюдного скопления переулков, дворов и проходов в Мясном ряду в Уайтчеппеле, - я говорю, что может быть более подействующим, чем видеть, как этот бедняга выходит на улицу, танцует, поет и делает тысячу диковинных жестов, а за ним бегут пять или шесть женщин и детей, плача. и взывать к нему ради Господа, чтобы он вернулся, и умолять других о помощи, чтобы вернуть его, но все напрасно, никто не осмеливается поднять на него руку или приблизиться к нему?

Это было самым тяжким и огорчительным для меня, видевшего все это из моих собственных окон; ибо все это время бедняга страдалец, как я заметил, даже тогда испытывал сильнейшие муки боли, имея на себе (как они сказали) две опухоли, которые нельзя было заставить лопнуть или нагноиться; но, накладывая на них сильные едкие вещества, хирурги, похоже, надеялись их разорвать — и эти едкие вещества были тогда на нем, обжигая его плоть, как раскаленным железом. Я не могу сказать, что стало с этим беднягой, но я думаю, что он продолжал бродить таким образом, пока не упал и не умер.

Неудивительно, что вид самого города был ужасающим. Обычное скопление людей на улицах, которые раньше снабжались из нашего конца города, уменьшилось. Биржа, конечно, не была закрыта, но ее перестали посещать. Пожары прекратились; несколько дней они были почти потушены очень сильным и поспешным дождем. Но это было еще не все; некоторые врачи настаивали на том, что они не только не приносят пользы, но и вредят здоровью людей. По этому поводу они подняли шум и пожаловались лорд-мэру. С другой стороны, другие люди того же склада ума, и к тому же выдающиеся, выступили против них и изложили свои причины, по которым пожары были и должны быть полезны для ослабления буйства смуты. Я не могу привести полный отчет об их аргументах с обеих сторон; помню только, что они очень много придирались друг к другу. Некоторые предназначались для разжигания костров, но они должны быть сделаны из дерева, а не из угля, и также из определенных сортов древесины, таких как, в

частности, пихта или кедр, из-за сильного выделения скипидара; другие предназначались для угля, а не для дерева, из-за содержания серы и битума; а третьи не предназначались ни для того, ни для другого. В целом, лорд-мэр распорядился больше не устраивать пожаров, и особенно по этой причине, а именно, что чума была настолько свирепой, что они, очевидно, видели, что она не поддается никаким средствам, и, казалось, скорее усиливалась, чем уменьшалась при любом обращении с просьбой остановить и ослабить ее; и все же это изумление магистратов проистекало скорее из отсутствия возможности успешно применить какие-либо средства, чем из нежелания подвергать себя опасности или брать на себя заботу и тяжесть дела; ибо, надо отдать им справедливость, они не щадили ни своих усилий, ни своей личности. Но ответа не было; зараза свирепствовала, и теперь люди были напуганы до последней степени, так что, если можно так выразиться, они сдались и, как я упоминал выше, отдались своему отчаянию.

Но позвольте мне заметить здесь, что, когда я говорю, что люди отказались от самих себя до отчаяния, я не имею в виду то, что мужчины называют религиозное отчаяние или безысходность своего вечного состояния, но я имею в виду безысходности своего бытия в состоянии избежать инфекции или пережить чуму который они видели, был настолько бушующей и так неотразим в своей силе, что действительно мало людей, которые соприкоснулись с его высота, примерно в августе и сентябре, сбежал; и, что очень конкретное, вопреки ее обычной работы в июне и июле и начале августа, когда, как я заметил, многие из них заразились, и продолжение столь многих дней, а потом отправился после того, как яд в крови долгое время, но сейчас, наоборот, большинство людей, которые были приняты в течение последних двух недель в августе и в первые три недели в сентябре, как правило, умирали в два-три дня на дальних, и многие в тот же день они были взяты; будет ли засуха, или, как наши астрологи делали вид самовыражения, влияния собака-звезда, имела, что злокачественные эффект, или все те, кто имел семенами инфекции, прежде чем в их довели ее до зрелости в то время вообще, я не знаю; но это было время, когда сообщалось, что более 3000 человек умерли в одну ночь; и они, что бы нас поверить, что они более критически наблюдал это притворяться, говорить, что все они умерли в течение двух часов, виз., между одним и тремя утра.

Что касается внезапности смерти людей в это время, большей, чем раньше, то подобных случаев было бесчисленное множество, и я мог бы назвать несколько по соседству. В одной семье без Баров, недалеко от меня, все, казалось, были в порядке в понедельник, поскольку в семье было десять человек. В тот вечер одна горничная и одна подмастерье заболели и умерли на следующее утро — когда пострадали другая подмастерье и двое детей, из которых один умер в тот же вечер, а двое других - в среду. Короче говоря, к полудню субботы хозяин, хозяйка, четверо детей и четверо слуг ушли, и дом остался совершенно пустым, за исключением пожилой женщины, которая пришла присмотреть за имуществом для брата хозяина семьи, жившего неподалеку, и который не был болен.

Тогда многие дома были опустошены, всех людей унесли мертвыми, и особенно в переулке дальше на той же стороне, за Решеткой, куда вошли по знаку Моисея и Аарона, было несколько домов, в которых, по их словам, не осталось ни одного живого человека; и некоторые, которые умерли последними в нескольких из этих домов, были оставлены слишком надолго, прежде чем их вынесли для погребения; причина этого заключалась не в том, как некоторые написали очень неправдиво, что живых было недостаточно, чтобы похоронить мертвых, а в том, что смертность была настолько велика во дворе или на улице. аллея, где не осталось никого, кто мог

бы уведомить похоронщиков или пономарей о том, что там есть какие-то мертвые тела, подлежащие захоронению. Говорили, насколько это правда, я не знаю, что некоторые из этих тел были настолько разложившимися, что их было трудно нести; и поскольку телеги не могли подъехать ближе, чем к Воротам Переулка на Хай-стрит, везти их было намного труднее; но я не уверен, сколько тел тогда осталось. Я уверен, что обычно это было не так.

Поскольку я упоминал, что люди были доведены до отчаяния от жизни и самозабвения, то именно это в течение трех или четырех недель производило на нас странное действие; то есть это сделало их смелыми и отважными: они больше не стеснялись друг друга и не запирались в дверях, но ходили куда угодно и отовсюду и начинали беседовать. Один говорил другому: "Я не спрашиваю тебя, как ты, и не говорю, как я; несомненно, мы все пойдем; так что не имеет значения, кто болен, а кто здоров"; и поэтому они в отчаянии бежали в любое место или в любую компанию.

Поскольку это привело людей в общественное общество, было удивительно, как это привело их толпиться в церквях. Они больше не интересовались, рядом с кем они сидят или далеко от кого, какие отвратительные запахи они ощущают или в каком состоянии, по-видимому, находятся люди; но, считая себя мертвыми трупами, они приходили в церкви без малейшей осторожности и толпились так, как будто их жизнь не имела никакого значения по сравнению с работой, которой они там занимались. Действительно, рвение, которое они проявили, придя, и серьезность и привязанность, которые они проявили в своем внимании к тому, что услышали, показали, какую ценность все люди придавали бы поклонению Богу, если бы они думали, что каждый день, который они посещают в церкви, будет для них последним.

Не обошлось это и без других странных эффектов, поскольку устраняло всевозможные предубеждения или угрызения совести по отношению к человеку, которого они находили за кафедрой, когда приходили в церкви. Не подлежит сомнению, что многие служители приходских церквей были отрезаны, среди прочих, от столь обычного и ужасного бедствия; а у других не хватило мужества вынести это, и они уехали в деревню, когда нашли способ спастись. Поскольку в то время некоторые приходские церкви были совершенно пусты и заброшены, люди без колебаний желали, чтобы те раскольники, которые несколько лет назад были лишены средств к существованию в силу Парламентского акта, названного Актом о единообразии, проповедовали в церквях; и церковные служители в этом случае не затруднялись принять их помощь; так что многие из тех, кого они называли служителями, заставившими замолчать, по этому случаю раскрыли рты и публично проповедовали народу.

Здесь мы можем заметить, и я надеюсь, что не будет лишним обратить на это внимание, что близкий взгляд на смерть вскоре примирит людей хороших принципов друг с другом, и что главным образом благодаря нашему легкому положению в жизни и тому, что мы отдаляем эти вещи от себя, наши разногласия разжигаются, вражда продолжается, предрассудки, нарушение милосердия и христианского союза так сильно сохраняются и до сих пор продолжают среди нас. Еще один год чумы примирит все эти различия; близкое общение со смертью или с болезнями, которые угрожают смертью, очистит наш характер от желчи, устраним вражду между нами и заставит нас взглянуть на вещи другими глазами, чем теми, которыми мы смотрели на вещи раньше. Подобно тому, как люди, которые привыкли присоединяться к Церкви, примирились в это время с допущением раскольников проповедовать им, так и раскольники, которые с необычным предубеждением порвали с общением Англиканской

церкви, теперь были довольны тем, что приходили в свои приходские церкви и соблюдали богослужение, которое они раньше не одобряли; но по мере того, как ужас перед инфекцией уменьшался, все это снова возвращалось в менее желательное русло и к тому курсу, которым они шли раньше.

Я упоминаю об этом, но исторически. Я не собираюсь вступать в споры, чтобы подтолкнуть одну или обе стороны к более милосердному согласию друг с другом. Я не вижу вероятности, что такая беседа была бы подходящей или успешной; кажется, что бреши скорее расширяются и имеют тенденцию к дальнейшему расширению, чем к закрытию, и кто я такой, чтобы считать себя способным влиять либо на ту, либо на другую сторону? Но я могу повторить еще раз, что эта очевидная смерть примирит нас всех; по ту сторону могилы мы все снова станем братьями. На небесах, куда, я надеюсь, мы сможем прийти из всех партий и убеждений, мы не встретим ни предрассудков, ни угрызений совести; там мы будем придерживаться одного принципа и одного мнения. Почему мы не можем довольствоваться тем, что идем рука об руку туда, где мы соединим сердце и руку без малейших колебаний и с самой полной гармонией и привязанностью — я говорю, почему мы не можем сделать этого здесь, я ничего не могу сказать и не буду говорить больше об этом, но об этом остается сожалеть.

Я мог бы долго размышлять о бедствиях этого ужасного времени и продолжать описывать предметы, которые появлялись среди нас каждый день, ужасные экстравагантности, на которые толкало их рассеянность больных людей; как теперь улицы стали полниться ужасными предметами, а семьи стали наводить ужас даже на самих себя. Но после того, как я рассказал вам, как я сказал выше, что один человек, будучи связанным в своей постели и не найдя другого способа спастись, поджег кровать своей свечой, которая, к несчастью, стояла в пределах его досягаемости, и обжегся в своей постели; и как другой из-за невыносимых мучений, которые он перенес, танцевал и пел обнаженным на улицах, не отличая один экстаз от другого; я спрашиваю, после того, как я упомянул об этих вещах, что можно еще добавить? Что можно сказать, чтобы живее представить читателю страдания тех времен или дать ему более полное представление о сложном бедствии?

Я должен признать, что это время было ужасным, что иногда я подходил к концу всех своих решений и что у меня не было того мужества, которое было в начале. Поскольку крайняя необходимость заставляла других людей уезжать за границу, она заставляла меня возвращаться домой, и, если не считать моего путешествия в Блэкуолл и Гринвич, как я уже рассказывал, которое было экскурсией, я впоследствии держался очень замкнуто, как и около двух недель назад. Я уже говорил, что несколько раз раскаивался в том, что отважился остаться в городе и не уехал со своим братом и его семьей, но теперь для этого было слишком поздно; и после того, как я удалился и довольно долго сидел дома, прежде чем мое нетерпение вывело меня за границу, затем меня, как я уже говорил, вызвали на уродливую и опасную должность, которая снова вывела меня на улицу; но поскольку срок ее действия истек, пока длился разгар болезни, я снова ушел на покой и продолжал еще десять или двенадцать дней, в течение которых моему взору предстало множество мрачных зрелищ. из моих собственных окон и на нашей собственной улице — особенно из Харроу-элли, из бедного возмутительного создания, которое танцевало и пело в своей агонии; и многие другие там были. Не проходило ни дня, ни ночи, чтобы в конце этого Мрачного переулочка, где было полно бедняков, большинство из которых принадлежали к мясным лавкам или к профессиям, зависящим от мясной лавки, не случилось чего-нибудь ужасного.

Иногда из переулка вырывались кучи людей, в основном женщин, и поднимали такой ужасный шум, смешанный с визгом, плачем и окриками друг друга, что мы не могли понять, что с этим делать. Почти всю глухую часть ночи телега с трупами стояла в конце этого переулочка, потому что, если бы она въехала внутрь, то вряд ли смогла бы снова повернуть и могла проехать лишь немного. Там, говорю я, он стоял для приема мертвых тел, и поскольку церковный двор находился совсем недалеко, если бы он был заполнен, то вскоре вернулся бы снова. Невозможно описать самые ужасные крики и шум, которые производили бедняки, вытаскивая из повозки мертвые тела своих детей и друзей, и, судя по номеру, можно было подумать, что там никого не осталось или что в этих местах достаточно людей для небольшого города. Несколько раз они кричали "Убийство", иногда "Пожар"; но было легко понять, что все это было отвлечением внимания и жалобами расстроенных людей.

Я полагаю, что так было повсюду в то время, ибо чума свирепствовала шесть или семь недель сверх всего того, что я описал, и достигла даже такого размаха, что в конце концов они начали нарушать тот превосходный порядок, о котором я так много говорил от имени магистратов; а именно, что днем не было видно ни трупов на улицах, ни захоронений: ибо в этой крайности было необходимо некоторое время смириться с тем, что все будет иначе.

Одну вещь я не могу здесь опустить, и действительно, я подумал, что это было необычно, по крайней мере, это казалось замечательной рукой Божественного правосудия: а именно, что все предсказатели, астрологи, гадалки и те, кого они называли хитрецами, фокусниками и тому подобное: вычислители рождений и сновидцы снов, и подобные люди, ушли и бесследно исчезли; ни одного из них так и не удалось найти. Я искренне убежден, что многие из них пали в разгар бедствия, решившись остаться в надежде получить большие поместья; и действительно, их выигрыш был слишком велик на какое-то время из-за безумия и безрассудства народа. Но теперь они молчали; многие из них отправились в свой давний дом, не в состоянии предсказать свою судьбу или рассчитать собственное происхождение. Некоторые были достаточно критичны, чтобы сказать, что все они умерли. Я не осмеливаюсь утверждать это, но должен признать, что никогда не слышал ни об одном из них, который появился бы после того, как бедствие закончилось.

Но вернемся к моим конкретным наблюдениям во время этой ужасной части посещения. Теперь, как я уже сказал, я подошел к сентябрю, который, я полагаю, был самым ужасным в своем роде, который когда-либо видел Лондон; ибо, судя по всем отчетам, которые я видел о предыдущих посещениях Лондона, ничего подобного не было, число в еженедельном счете составило почти 40 000 с 22 августа по 26 сентября, то есть всего за пять недель. Ниже приведены сведения о счетах, а именно:—

С 22 по 29 августа 7496
” ” 29-го ” 5 сентября 8252
” 5 -го ” 12 сентября 7690
” ” 12 -го ” 19-го 8297
” ” 19-го ” 26-го 6460

Это само по себе было чудовищное число, но если бы я добавил причины, по которым у меня есть основания полагать, что этот отчет был неполным, и насколько он был неполным, вы бы, как и я, без колебаний поверили, что в течение всех этих недель умирало более десяти тысяч человек в неделю, одна неделя за другой, и еще столько же в течение нескольких недель как до, так и после. Смятение среди людей, особенно в городе, в то время было невыразимым. В конце концов ужас был так велик, что мужество людей, назначенных выносить мертвых, начало покидать их; более того, некоторые из них умерли, хотя до этого у них была болезнь, и они выздоровели, а некоторые из них упали, когда несли тела даже у края ямы и как раз собирались бросить их в нее; и это смятение в городе было еще большим, потому что они льстили себя надеждой спастись и думали, что горечь смерти миновала. Они рассказали нам, что одна повозка, ехавшая по Шордичу, была оставлена возницами, или ее оставили управлять одному человеку, он умер на улице; а лошади, ехавшие дальше, опрокинули повозку и оставили тела, некоторые были выброшены здесь, некоторые там, в ужасном виде. Другая повозка была, по-видимому, найдена в большой яме на Финсбери Филдс, возница был мертв или ушел и бросил ее, а лошади бежали слишком близко к ней, повозка упала и увлекла за собой и лошадей. Было высказано предположение, что возницу сбросили в яму вместе с телегой и что телега упала на него, по той причине, что его кнут был замечен в яме среди тел; но я полагаю, что в этом нельзя было быть уверенным.

В нашем приходе Олдгейт несколько раз, как я слышал, у ворот церковного двора обнаруживали повозки с трупами, полные мертвых тел, но ни звонарь, ни кучер, ни кто-либо другой с ними не были; ни в этих, ни во многих других случаях они не знали, какие тела у них в повозке, потому что иногда их спускали на веревках с балконов и из окон, а иногда носильщики приносили их к повозке, иногда другие люди; и, как говорили сами мужчины, они не утруждали себя каким-либо подсчетом их количества.

Бдительность магистратов подверглась теперь предельному испытанию — и, надо признать, в этом случае никогда нельзя быть достаточно признанным; какими бы расходами или хлопотами они ни занимались, двумя вещами никогда не пренебрегали ни в городе, ни в пригородах:

(1) Провизии всегда было вдоволь, и цена тоже не сильно поднималась, едва ли стоит говорить.

(2) Ни одно мертвое тело не лежало непогребенным; и если кто-то ходил пешком из одного конца города в другой, днем не было видно ни похорон, ни каких-либо признаков их присутствия, за исключением, как я уже сказал выше, редких случаев в первые три недели сентября.

Этой последней статье, возможно, вряд ли поверят, когда мы увидим некоторые сообщения, опубликованные другими после этого, в которых говорится, что мертвые лежали непогребенными, что, как я уверен, было абсолютной ложью; по крайней мере, если где-то и было так, то это должно было быть в домах, куда живые ушли от мертвых (найдя способы, как я заметил, спастись) и где офицерам не было сообщено об этом. Все это вообще ничего не значит в рассматриваемом случае; в этом я уверен, поскольку сам немного работал в направлении той части прихода, в которой я жил, и где было произведено такое большое опустошение пропорционально числу жителей, какое было где бы то ни было; я говорю, я уверен, что не было ни одного мертвого тела, оставшегося непогребенным; то есть ни одного, о котором знали соответствующие должностные лица; ни одного из-за нехватки людей, чтобы унести их, и могильщиков, чтобы предать их земле и прикрыть; и этого достаточно для аргументации; для

чего возможно, они лежали в домах и ямах, как в переулке Моисея и Аарона, но это ничего не значит; ибо совершенно очевидно, что они были похоронены сразу же, как только их нашли. Что касается первого пункта (а именно, провизии, нехватки или дороговизны), хотя я упоминал об этом раньше и буду говорить об этом снова, все же я должен заметить здесь:

(1) Цены на хлеб, в частности, не сильно повысились; ибо в начале года, а именно в первую неделю марта, пшеничная буханка за пенни стоила десять с половиной унций; а в разгар эпидемии ее можно было купить за девять с половиной унций, и никогда не дороже, нет, не за весь сезон. И примерно в начале ноября его снова продали за десять с половиной унций; о подобном, я полагаю, никогда раньше не слышали ни в одном городе, подвергшемся такому ужасному нападению.

(2) Также не было (чему я очень удивлялся) недостатка в пекарнях или открытых печах, чтобы снабжать людей хлебом; но некоторые семьи действительно утверждали, что их служанки, отправляясь в пекарни с тестом для выпечки, что было тогда обычным делом, иногда возвращались домой с пораженной болезнью (то есть чумой).

Во время всего этого ужасного посещения, как я уже говорил ранее, использовались только два чумных очага, а именно: один в полях за Олд-стрит и один в Вестминстере; при переноске людей туда не применялось никакого принуждения. Действительно, в этом случае не было необходимости в принуждении, ибо там были тысячи бедных, попавших в беду людей, которые, не имея ни помощи, ни удобств, ни припасов, кроме благотворительности, были бы очень рады, если бы их перевезли туда и позаботились о них; что, действительно, было единственным, чего, я думаю, не хватало во всем общественном управлении города, видя, что здесь никому не разрешалось доставлять в чумной дом, но где выдавались деньги или обеспечение за деньги, либо при их введении, либо после их выздоровления и отправки - ибо очень многих отправляли обратно целыми; и очень хорошие врачи были назначены для лечения больных. Эти места, так что многие люди преуспели там очень хорошо, о чем я упомяну еще раз. Основной категорией людей, отправляемых туда, были, как я уже говорил, слуги, которые заболели чумой, отправляясь по поручениям за предметами первой необходимости в семьи, где они жили, и которых в этом случае, если они возвращались домой больными, удаляли, чтобы сохранить остальную часть дома; и за ними там так хорошо ухаживали все время посещения, что всего в лондонском чумном доме было похоронено всего 156 человек, а в Вестминстерском - 159.

Имея больше приютов для вредителей, я далек от мысли загонять всех людей в такие места. Если бы не закрывали дома и больные поспешно покидали свои жилища в чумные приюты, как, по-видимому, предлагали некоторые в то время, а также впоследствии, все, несомненно, было бы намного хуже, чем было на самом деле. Само удаление больного было бы распространением инфекции, и скорее потому, что это удаление не могло эффективно очистить дом, где находился больной, от чумы; и остальные члены семьи, будучи затем оставлены на свободе, несомненно, распространили бы ее среди других.

Методы, которые также повсеместно использовались бы в частных семьях для сокрытия чумы и сокрытия болезни людей, были бы таковы, что чума иногда охватывала бы всю семью прежде, чем какие-либо посетители или обследователи могли бы узнать об этом. С другой стороны, огромное количество людей, которые были бы больны одновременно, превысило бы все возможности общественных чумных домов по их приему или государственных служащих по их обнаружению и удалению.

В те дни это было хорошо обдумано, и я часто слышал, как они говорили об этом. У магистратов было достаточно дел, чтобы заставить людей смириться с закрытием их домов, и, как я уже наблюдал, они многими способами обманывали сторожей и выбирались на свободу. Но эта трудность сделала очевидным, что они сочли бы непрактичным идти на работу другим путем, поскольку они никогда не смогли бы заставить больных людей встать с их постелей и покинуть свои жилища. Должно быть, это попытались сделать не офицеры милорда-мэра, а целая армия офицеров; и люди, с другой стороны, пришли бы в ярость и отчаяние и убили бы тех, кто предложил бы вмешаться в их жизнь или в жизнь их детей и родственников, что бы их за это ни постигло; так что они довели бы людей, которые и так были в самом ужасном смятении, какое только можно себе представить, говоря я, они бы совершенно обезумели; тогда как магистраты по нескольким причинам сочли уместным обращаться с ними с жестокостью. Это были бы снисходительность и сострадание, а не насилие и террор, такие как вытаскивание больных из их домов или принуждение их удалиться.

Это заставляет меня снова упомянуть время, когда впервые началась чума; то есть, когда стало ясно, что она распространится по всему городу, когда, как я уже сказал, лучшие слои населения первыми забили тревогу и начали поспешно покидать город. Это было правдой, как я заметил в своем месте, что толпа была настолько велика, а карет, лошадей, фургонов и повозок было так много, что люди уносились прочь, что казалось, будто весь город бежал; и если бы были опубликованы какие-либо ужасающие в то время правила, особенно такие, которые делали бы вид, что распоряжаются людьми иначе, чем они распоряжались бы сами, это привело бы и город, и пригороды в крайнее замешательство.

Но магистраты мудро поощряли людей, издавали очень хорошие подзаконные акты для регулирования поведения граждан, поддержания хорошего порядка на улицах и обеспечения того, чтобы все было как можно более приемлемо для самых разных людей.

Во-первых, лорд-мэр и шерифы, Палата олдерменов и определенное количество членов Городского совета или их заместителей пришли к решению и опубликовали его, а именно, что они сами не покинут город, но что они всегда будут под рукой для поддержания хорошего порядка во всех местах и для отправления правосудия во всех случаях; а также для раздачи общественной милостыни бедным; и, одним словом, для выполнения долга и оправдания доверия, оказанного им гражданами, в меру своих сил.

Во исполнение этих приказов лорд-мэр, шерифы и т. Д. Более или менее ежедневно проводили советы по принятию таких мер, какие они находили необходимыми для сохранения гражданского мира; и хотя они использовали людей со всей возможной мягкостью и милосердием, все же всякого рода самонадеянные мошенники, такие как воры, взломщики домов, расхитители мертвых или больных, были должным образом наказаны, и лорд-мэр и Суд олдерменов постоянно публиковали несколько заявлений против них.

Также всем констеблям и церковным старостам было предписано оставаться в городе под угрозой суровых наказаний или назначить таких способных и достаточных домработниц, которых должны одобрить заместители олдерменов или члены Общего совета участка, и для которых они должны обеспечить охрану; а также гарантию в случае смерти, что они немедленно назначат других констеблей вместо себя.

Эти события очень укрепили умы людей, особенно в первый момент их испуга, когда они заговорили о таком всеобщем бегстве, что городу грозила опасность остаться совсем без жителей, за исключением бедняков, а стране - подвергнуться разграблению и опустошению толпой. Магистраты также не испытывали недостатка в выполнении своей роли так смело, как они обещали; ибо милорд-мэр и шерифы постоянно находились на улицах и в местах наибольшей опасности, и хотя они не заботились о том, чтобы вокруг них толпилось слишком много людей, все же в экстренных случаях они никогда не отказывали людям в доступе к ним и терпеливо выслушивали все их жалобы. Милорд-мэр специально построил в своем зале низкую галерею, где он стоял немного в стороне от толпы, когда поступала какая-либо жалоба, чтобы появиться в максимально возможной безопасности.

Подобным же образом соответствующие офицеры, называемые офицерами милорда-мэра, постоянно дежурили по очереди, когда находились в ожидании; и если кто-нибудь из них был болен или заражен, как это было у некоторых из них, немедленно нанимались другие, чтобы заменить их и исполнять обязанности на их местах, пока не становилось известно, выживет другой или умрет.

Подобным образом шерифы и олдермены поступали на своих нескольких постах и приходах, куда они были распределены по должности, а офицеры или сержанты шерифа были назначены получать приказы от соответствующих олдерменов в свою очередь, так что правосудие во всех случаях совершалось без перерыва. Во-вторых, одной из их особых забот было следить за соблюдением приказов о свободе рынков, и в этой части либо лорд-мэр, либо один, либо оба шерифа каждый базарный день были верхом на лошадях, чтобы следить за выполнением своих приказов и следить за тем, чтобы у жителей деревни было все возможное поощрение и свобода в посещении рынков и возвращении обратно, и чтобы на улицах не было видно никаких неприятностей или устрашающих предметов, которые могли бы напугать их или вызвать нежелание приезжать. Также пекари были взяты под особый контроль, и главе Компании пекарей вместе с его придворными помощниками было поручено следить за исполнением распоряжения лорда-мэра об их регулировании и за соблюдением надлежащей выдачи хлеба (которая еженедельно назначалась лордом-мэром); и все пекари были обязаны постоянно поддерживать работу своей печи под страхом потери привилегий свободного человека Лондонского сити.

Таким образом, хлеба всегда было вдоволь и он был таким же дешевым, как обычно, как я сказал выше; и на рынках никогда не было недостатка в провизии, даже до такой степени, что я часто удивлялся этому и упрекал себя за то, что был таким робким и осторожным, отправляясь за границу, в то время как сельские жители свободно и смело приходили на рынок, как будто в городе не было никакой заразы или опасности подхватить ее.

Действительно, одним из замечательных проявлений поведения упомянутых магистратов было то, что улицы постоянно содержались в чистоте и были свободны от всевозможных устрашающих предметов, мертвых тел или любых подобных вещей, которые были неприличными или неприятными — за исключением случаев, когда кто-нибудь внезапно падал или умирал на улицах, как я сказал выше; и их обычно накрывали какой-нибудь тканью или одеялом или убирали на соседний церковный двор до ночи. Все необходимые работы, которые несли с собой ужас, которые были одновременно мрачными и опасными, производились ночью; если какие-либо больные тела вывозились, или мертвые тела хоронились, или

зараженная одежда сжигалась, это делалось ночью; и все тела, которые были брошены в большие ямы на нескольких церковных дворах или местах захоронений, как уже было замечено, были убраны ночью, и все было засыпано и закрыто до наступления дня. Так что днем не было видно и не слышно ни малейшего признака бедствия, за исключением того, что можно было наблюдать по пустоте улиц, а иногда и по страстным крикам и причитаниям людей, выглядывающих из своих окон, и по количеству закрытых домов и магазинов.

Тишина и пустота улиц были не столько в городе, сколько за его пределами, за исключением одного конкретного времени, когда, как я уже упоминал, чума пришла на восток и распространилась по всему городу. Это действительно было милосердным расположением Бога, что, поскольку чума началась сначала в одном конце города (как было замечено в целом), она постепенно распространилась на другие части и не распространялась по этому пути или на восток, пока не иссякла в западной части города; и таким образом, по мере того, как она распространялась по одному пути, она ослабевала в другом. Например, пожар начался в Сент-Джайлсе и Вестминстерской части города, и примерно к середине июля он достиг своего апогея во всей этой части, а именно в Сент-Джайлсе-ин-Филдс, Сент-Эндрюсе, Холборне, Сент-Клемент-Дэйнс, Сент-Мартин-ин-Филдс и в Вестминстере. В конце июля она уменьшилась в этих приходах; а по мере продвижения на восток она необычайно возросла в Крипплгейте, Сент-Сепульчерс, Сент-Джеймс, Кларкенуэлл, Сент-Брайде и Олдерсгейте. Пока это происходило во всех этих приходах, город и все приходы Саутуоркской стороны реки, а также всего Степни, Уайтчепела, Олдгейта, Уоппинга и Рэтклиффа были очень мало затронуты; так что люди беззаботно занимались своими делами, вели торговлю, держали открытыми свои лавки и свободно общались друг с другом по всему городу, восточным и северо-восточным пригородам и в Саутуорке, почти так, как если бы среди нас не было чумы.

Даже когда северные и северо-западные пригороды были полностью заражены, а именно Крипплгейт, Кларкенуэлл, Бишопсгейт и Шордич, все равно со всеми остальными было сносно хорошо. Например, с 25 июля по 1 августа счет по всем заболеваниям составлял таким образом:—

Сент-Джайлс, Крипплгейт 554
Сент-Сепульчерс 250
Кларкенуэлл 103
Бишопсгейт 116
Шордич 110
Приход Степни 127
Олдгейт 92
Уайтчепел 104
Все девяносто семь приходов в пределах городских стен 228
Все приходы в Саутуорке 205
- ---
- Всего 1889

Короче говоря, на той неделе в двух приходах Крипплгейт и Сент-Сепулчер умерло на сорок восемь человек больше, чем во всем городе, во всех восточных пригородах и во всех приходах Саутуорка, вместе взятых. Это привело к тому, что репутация города о здоровом образе жизни

сохранялась по всей Англии — и особенно в прилегающих графствах и на рынках, откуда в основном поступали наши запасы провизии, даже гораздо дольше, чем сохранялось само здоровье; ибо, когда люди выходили на улицы из сельской местности через Шордич и Бишопсгейт, или через Олд-стрит и Смитфилд, они видели, что окраины пусты, дома и магазины закрыты, а те немногие, кто там шел, прогуливаются посреди улиц. Но когда они въехали в город, там все выглядело лучше, рынки и магазины были открыты, и люди прогуливались по улицам, как обычно, хотя и не так много; и это продолжалось до конца августа и начала сентября.

Но затем ситуация совершенно изменилась; чума утихла в западных и северо-западных приходах, и тяжесть инфекции легла на город, восточные пригороды и Саутуоркскую часть, причем ужасающим образом. Тогда, действительно, город стал выглядеть мрачным, магазины закрылись, а улицы опустели. На Хай-стрит, действительно, необходимость часто заставляла людей выходить из дома; и в середине дня там бывало довольно много народу, но по утрам и вечерам почти никого не было видно, даже там, нет, не в Корнхилле и Чипсайде.

Эти мои наблюдения были полностью подтверждены еженедельными отчетами о смертности за те недели, краткое изложение которых, поскольку они касаются приходов, о которых я упомянул, и поскольку они делают расчеты, о которых я говорю, очень наглядными, выглядит следующим образом.

Еженедельный отчет, в котором указывается на уменьшение количества захоронений в западной и северной частях города, выглядит следующим образом:

С 12 по 19 сентября—

- Сент-Джайлс, Крипплгейт, 456
- Сент-Джайлс-ин-Филдс 140
- Кларкенуэлл 77
- Сент-Сепульчер 214
- Сент-Леонард, Шордич, 183
- Приход Степни, 716
- Олдгейт, 623
- Уайтчеппел 532
- В девяти семи приходах внутри стен 1493 г.
- В восьми приходах на стороне Саутуорка 1636

- ----

- Всего 6060

Вот действительно странная перемена, и это была печальная перемена; и если бы она продлилась еще на два месяца, очень мало людей осталось бы в живых. Но затем, говорю я, милостивый нрав Божий был таков, что, когда все было таким образом, западная и северная части, которые поначалу подвергались таким ужасным посещениям, стали, как вы видите, намного лучше; и когда люди исчезли здесь, они снова начали заглядывать за границу; и на следующую неделю или две изменили ее еще больше; то есть, в большей степени к воодушевлению другой части города. Например:—

С 19 по 26 сентября —

- Сент-Джайлс, Крипплгейт, 277
- Сент-Джайлс-ин-Филдс 119
- Кларкенуэлл 76
- Сент-Сепульчерс 193
- Сент-Леонард, Шордич, 146
- Приход Степни 616
- Олдгейт 496
- Уайтчеппел 346
- В девяноста семи приходах внутри стен 1268
- В восьми приходах на стороне Саутуорка 1390

- ----

- Всего 4927

С 26 сентября по 3 октября —

- Сент-Джайлс, Крипплгейт, 196
- Сент-Джайлс-ин-Филдс 95
- Кларкенуэлл 48
- Сент-Сепульчерс 137
- Сент-Леонард, Шордич, 128
- Приход Степни 674
- Олдгейт, 372
- Уайтчеппел 328
- В девяноста семи приходах внутри стен 1149
- В восьми приходах на стороне Саутуорка 1201

- ----

- Всего 4382

И теперь нищета города и упомянутых восточной и южной частей была поистине полной; ибо, как вы видите, тяжесть смуты легла на эти части, то есть на город, на восемь приходов за рекой, с приходами Олдгейт, Уайтчеппел и Степни; и это было время, когда счета выросли до такой чудовищной высоты, о которой я упоминал ранее, и что умирало восемь или девять, а, насколько я полагаю, десять или двенадцать тысяч человек в неделю; ибо, по моему твердому мнению, они никогда не умирали. мог бы прийти при любом справедливом изложении цифр по причинам, которые я уже приводил.

Более того, один из самых выдающихся врачей, который впоследствии опубликовал на латыни отчет о тех временах и о своих наблюдениях, говорит, что за одну неделю умерло двенадцать тысяч человек, и что особенно четыре тысячи умерли за одну ночь; хотя я не помню, чтобы когда-либо была такая особенная ночь, столь поразительно роковая, чтобы в нее умерло такое количество людей. Однако все это подтверждает то, что я сказал выше о неопределенности счетов о смертности и т. Д., О чем я скажу подробнее позже.

И здесь позвольте мне снова, хотя это может показаться повторением обстоятельств, перейти к описанию плачевного состояния самого города и тех районов, где я жил в то конкретное время. Город и те другие части, несмотря на огромное количество людей, уехавших за город, были

чрезвычайно полны людей; и, возможно, полнее потому, что люди долгое время были твердо уверены, что чума не придет ни в город, ни в Саутуорк, ни вообще в Уоппинг или Рэтклифф; более того, уверенность людей в этом была такова, что многие переехали из пригородов на западной и северной сторонах, в эти восточные и южные стороны в поисках безопасности; и, как я искренне верю, разнесли чуму среди них там, возможно, раньше, чем в других городах. чем они могли бы обладать в противном случае.

Здесь я также должен оставить дальнейшее замечание для использования потомками относительно способа заражения людей друг другом, а именно, что здоровыми были не только больные люди, от которых чума немедленно передавалась другим, но и здоровые. Поясню: под больными людьми я подразумеваю тех, о ком было известно, что они больны, кто лежал в постели, проходил лечение или у кого были опухоли на теле и тому подобное; их каждый мог остерегаться; они были либо в своих постелях, либо в таком состоянии, которое невозможно было скрыть.

Под колодцем я подразумеваю таких, которые заразились и действительно имели его на себе и в крови, но не проявляли последствий этого на своих лицах; более того, даже сами не ощущали этого, поскольку многие не ощущали в течение нескольких дней. Они дышали смертью повсюду и на каждого, кто приближался к ним; более того, даже их одежда сохраняла инфекцию, их руки заражали все, к чему они прикасались, особенно если они были теплыми и потными, а они обычно тоже были склонны потеть.

Теперь узнать этих людей было невозможно, да и сами они иногда, как я уже говорил, не подозревали, что заражены. Это были люди, которые так часто падали и теряли сознание на улицах; часто они ходили по улицам до последнего, пока внезапно не вспотевали, не теряли сознание, не садились у двери и не умирали. Это правда, оказавшись таким образом, они с трудом добирались бы домой к своим дверям, или в другое время могли бы просто войти в свои дома и умереть мгновенно; в другое время они ходили бы до тех пор, пока на них не проявились бы те самые признаки, и все же не знали бы этого, и умерли бы через час или два после возвращения домой, но были бы здоровы, пока находились за границей. Это были опасные люди; это были люди, которых люди из колодца должны были бояться; но с другой стороны, узнать их было невозможно.

И это причина, по которой при посещении невозможно предотвратить распространение чумы с помощью предельной человеческой бдительности: а именно, что невозможно узнать инфицированных людей по звуку или что инфицированные люди должны в совершенстве знать самих себя. Я знал человека, который свободно беседовал в Лондоне весь сезон чумы в 1665 году и специально держал при себе противоядие или сердечное снадобье, чтобы принять, когда ему казалось, что ему грозит какая-либо опасность, и у него было такое правило знать или предупреждать об опасности, с которым я, действительно, никогда не встречался ни до, ни после. Насколько это может зависеть, я не знаю. У него была рана на ноге, и всякий раз, когда он оказывался среди нездоровых людей, и инфекция начинала поражать его, он говорил, что может узнать это по этому сигналу, а именно по тому, что его рана на ноге будет болеть и выглядеть бледной; поэтому, как только он чувствовал, что она болит, ему пора было уходить или позаботиться о себе, выпив свой напиток, который он всегда носил с собой для этой цели. Теперь, кажется, он обнаружил, что его рана много раз болела, когда он был в компании с теми, кто считал себя здоровыми и казался такими друг другу; но вскоре он вставал и публично

заявлял: 'Друзья, здесь в комнате кто-то болен чумой', и таким образом немедленно распускал компанию. Это действительно было верным сигналом для всех людей о том, что чумы не избежать тем, кто общается беспорядочно в зараженном городе, и люди болеют ею, когда сами об этом не знают, и что они точно так же передают ее другим, когда сами не знают, что болеют ею; и в этом случае закрытие колодца или удаление больных ничего не даст, если только они не смогут вернуться и запереть всех тех, с кем больные общались, дажедо того, как они узнали, что они больны, и никто не знает, как далеко это зайти или где остановиться; ибо никто не знает, когда или где и как они могли заразиться или от кого.

Я полагаю, это причина, по которой так много людей говорят о том, что воздух испорчен и заражен, и что им не нужно остерегаться тех, с кем они разговаривают, поскольку зараза была в воздухе. Я видел их в странном волнении и удивлении по этому поводу. 'Я никогда не приближался ни к какому зараженному телу', - говорит встревоженный человек. "Я разговаривал только со здоровыми людьми, и все же я заразился чумой!" 'Я уверен, что я поражен Небесами', - говорит другой и переходит к серьезной части. И снова первый продолжает восклицать: 'Я и близко не сталкивался ни с какой инфекцией или с каким-либо инфицированным человеком; я уверен, что это из-за воздуха. Мы притягиваем смерть, когда дышим, и, следовательно, 'это рука Божья; этому невозможно противостоять'. И это, в конце концов, заставило многих людей, ожесточившихся перед опасностью, меньше беспокоиться о ней; и к концу времени, когда она достигла своего апогея, они стали менее осторожными, чем были вначале. Затем, со своего рода турецким предопределением, они говорили, что если Богу будет угодно поразить их, то все равно, отправятся ли они за границу или останутся дома; они не могли избежать этого, и поэтому они смело ходили повсюду, даже в зараженные дома и в зараженную компанию; посещали больных людей; и, короче говоря, лежали в постелях со своими женами или родственниками, когда те были заражены. И каково было следствие, кроме того же, что является следствием в Турции и в тех странах, где они занимаются подобными вещами, а именно, что они тоже были инфицированы и умерли сотнями и тысячами?

Я был бы далек от того, чтобы умалять благоговейный страх перед Божьими судами и почтение к Его провидению, о которых мы всегда должны помнить в подобных случаях. Несомненно, само посещение является ударом с Небес по городу, или стране, или народу, на который оно обрушивается; вестником Его отмщения и громким призывом к этому народу, или стране, или городу к унижению и покаянию, согласно пророку Иеремии (xviii. 7, 8): "В какой момент Я буду говорить о народе и о царстве, чтобы вырвать, низвергнуть и уничтожить его; если тот народ, против которого Я объявил, отвернется от своего зла, я раскаюсь в том зле, которое я думал причинить им". Теперь, чтобы вызвать должное впечатление о благоговении перед Богом в умах людей в таких случаях, а не уменьшить его, я оставил эти минуты для записи.

Поэтому я говорю, что не осуждаю никого за то, что он возлагает причину этих событий на непосредственную руку Бога, а также на назначение и направление Его провидения; нет, напротив, было много чудесных избавлений людей от инфекции и избавлений людей при заражении, которые указывают на исключительное и замечательное провидение в конкретных случаях, к которым они относятся; и я считаю свое собственное избавление почти чудесным и с благодарностью описываю его.

Но когда я говорю о чуме как о смуте, возникающей по естественным причинам, мы должны рассматривать ее так, как она действительно распространялась естественными средствами; и

тем более это не является приговором за то, что она была вызвана человеческими причинами и следствиями; ибо, поскольку Божественная Сила сформировала всю схему природы и поддерживает природу в ее естественном русле, та же Самая Сила считает нужным позволить Своим собственным действиям с людьми, будь то милосердие или осуждение, продолжаться обычным ходом естественных причин; и Ему нравится действовать этими естественными причинами как обычными средствами, исключая и тем не менее, оставляя за Собой право действовать сверхъестественным образом, когда у Него будет возможность. Теперь очевидно, что в случае заражения нет очевидного экстраординарного повода для сверхъестественного действия, но обычный ход вещей кажется достаточно вооруженным и способным ко всем эффектам, которые Небеса обычно направляют посредством заражения. Среди этих причин и следствий тайного распространения инфекции, незаметного и неизбежного, более чем достаточно для осуществления ярости Божественной мести, не возлагая ее на сверхъестественные силы и чудо.

Острый проникающий характер самой болезни был таков, и заражение произошло так незаметно, что самая тщательная осторожность не могла обезопасить нас, пока мы находились на месте. Но мне должно быть позволено верить — и у меня в памяти так много свежих примеров, которые убеждают меня в этом, что, я думаю, никто не сможет устоять перед их доказательствами — я говорю, мне должно быть позволено верить, что никто во всей этой стране никогда не заразился этой болезнью или инфекцией, кроме тех, кто получил ее обычным путем заражения от кого-то, или от одежды, или от прикосновения, или от запаха кого-то, кто был заражен раньше.

То, как это впервые попало в Лондон, также доказывает это, а именно: товары, привезенные из Голландии и привезенные туда из Леванта; первое распространение этого заболевания в доме в Лонг-Акре, куда эти товары были перенесены и впервые открыты; его распространение из этого дома в другие дома из-за очевидной неосторожности при общении с теми, кто был болен; и заражение приходских чиновников, которые ухаживали за умершими, и тому подобное. Это известные авторитеты в этом важном основополагающем пункте — что это продолжалось и передавалось от человека к человеку и от дома к дому, и никак иначе. В первом зараженном доме умерло четыре человека. Соседка, услышав, что хозяйка первого дома заболела, пошла навестить ее, вернулась домой и заразила хворью свою семью, и умерла, и все ее домочадцы. Говорили, что слугитель, призванный помолиться с первым больным во втором доме, немедленно заболел и умер вместе с еще несколькими людьми в его доме. Тогда врачи начали размышлять, ибо поначалу им и в голову не приходило о всеобщем заражении. Но врачи, посланные осмотреть тела, заверили людей, что это была ни много ни мало чума со всеми ее ужасающими проявлениями и что она угрожала всеобщей инфекцией, поскольку так много людей уже общались с больными или страдающими чумой и, как можно было бы предположить, заразились от них, что остановить это будет невозможно.

Здесь мнение врачей совпало с моим последующим наблюдением, а именно, что опасность распространялась незаметно, поскольку больной не мог заразить никого, кроме тех, кто находился в пределах досягаемости больного; но что один человек, который, возможно, действительно заразился инфекцией и не знает об этом, но выезжает за границу как здоровый человек, может заразить чумой тысячу человек, а они - пропорционально большее число, и ни человек, передающий инфекцию, ни лица, получающие ее, ничего не знают об этом и, возможно, не ощущают ее последствий в течение нескольких дней после этого.

Например, многие люди во время этого посещения никогда не осознавали, что они инфицированы, пока не обнаруживали, к своему невыразимому удивлению, признаки инфекции на них; после чего они редко проживали шесть часов; ибо те пятна, которые они называли признаками, на самом деле были пятнами гангрены или омертвевшей плотью в виде маленьких бугорков шириной с маленький серебряный пенни и твердых, как мозоль или рог; так что, когда болезнь доходила до такой степени, за ней не могло последовать ничего, кроме верной смерти; и все же, как я уже сказал, они ничего не знали о том, что они инфицированы, и не оказывались настолько почти настолько же вышли из строя, пока на них не появились эти смертельные отметины. Но каждый должен признать, что они были заражены в высокой степени раньше и, должно быть, были таковыми некоторое время назад, и, следовательно, их дыхание, их пот, сама их одежда были заразными много дней назад. Это привело к огромному разнообразию случаев, запомнить которые у врачей было бы гораздо больше возможностей, чем у меня; но некоторые попали в поле моего наблюдения или слуха, из которых я назову несколько.

Некий гражданин, который жил в безопасности и нетронутым состоянии до сентября месяца, когда тяжесть эпидемии распространилась по городу сильнее, чем раньше, был очень жизнерадостен, и что-то слишком смелое (как мне кажется) было в его разговорах о том, в какой безопасности он был, каким осторожным он был, и как он никогда не приближался ни к одному больному телу. Однажды другой горожанин, его сосед, сказал ему: 'Не будь слишком самоуверенным, мистер ...; трудно сказать, кто болен, а кто здоров, потому что мы видим людей живыми и здоровыми внешне в один час, а на следующий день мертвыми'. "Это правда", - говорит первый мужчина, потому что он не был самонадеянно уверенным в себе человеком, но долгое время скрывался — и люди, как я сказал выше, особенно в городе, стали чересчур легкомысленны на этот счет. 'Это правда,' говорит он. 'Я не считаю себя в безопасности, но надеюсь, что я не был в обществе ни одного человека, которому угрожала бы какая-либо опасность'. 'Нет?' - спрашивает его сосед. 'Разве позавчера вечером вы не были с мистером... в таверне "Бычья голова" на Грейсчерч-стрит?' 'Да, - говорит первый, - я был там; но там не было никого, кого мы имели какие-либо основания считать опасным'. На что его сосед больше ничего не сказал, не желая застать его врасплох; но это сделало его еще более любопытным, и когда его сосед появился спиной вперед, он стал еще более нетерпеливым и с какой-то теплотой произнес вслух: 'Как, он ведь не умер, не так ли?' На что его сосед по-прежнему промолчал, но поднял глаза и что-то сказал себе; на что первый гражданин побледнел и сказал только это: "Тогда я тоже покойник", и немедленно пошел домой и послал за соседним аптекарем, чтобы тот дал ему что-нибудь профилактическое, поскольку он еще не заболел; но аптекарь, вскрыв грудь, испустил вздох и сказал только это: "Вознесись к Богу"; и человек умер через несколько часов.

Теперь пусть любой человек рассудит по подобному случаю, возможно ли, согласно постановлениям магистратов, либо путем запираания больных, либо их удаления, остановить инфекцию, которая передается от человека к человеку, даже когда они совершенно здоровы и нечувствительны к ее приближению, и так может продолжаться много дней.

Здесь, наверное, уместно спросить, как долго, как можно предположить, в людях могли сохраняться семена заразы, прежде чем она обнаружила себя таким роковым образом, и как долго они могли казаться целыми и невредимыми, и все же быть заразными для всех, кто оказывался рядом с ними. Я полагаю, что самые опытные врачи не могут ответить на этот вопрос прямо так же, как и я; и обычный наблюдатель может заметить кое-что, что может пройти мимо

их наблюдений. Зарубежные врачи, по-видимому, придерживаются мнения, что он может дремать в духах или в кровеносных сосудах очень долгое время. Иначе зачем они вводят карантин для тех, кто прибыл в их гавани и порты из подозрительных мест? Можно было бы подумать, что сорок дней - это слишком большой срок для природы, чтобы бороться с таким врагом, как этот, а не победить его или уступить ему. Но я не мог подумать, по моим собственным наблюдениям, что они могут быть заражены настолько, чтобы быть заразными для других самое большее в течение пятнадцати или шестнадцати дней; и на этот счет было так, что, когда в городе запирали дом и кто-нибудь умирал от чумы, но никто, казалось, не болел в семье в течение шестнадцати или восемнадцати дней после этого, они не были настолько строги, но они потворствовали их частным выездам за границу; и люди не будут сильно бояться их после этого, а скорее подумают, что они были лучше укреплены, поскольку не были уязвимы, когда враг был в их собственном доме. дом; но иногда мы обнаруживали, что он пролежал гораздо дольше скрытым.

На основании всех этих наблюдений я должен сказать, что, хотя Провидение, казалось, распорядилось моим поведением иначе, все же это мое мнение, и я должен оставить его в качестве предписания, а именно, что лучшее лекарство против чумы - это убежать от нее. Я знаю, что люди подбадривают себя, говоря, что Бог способен уберечь нас посреди опасности и настичь нас, когда мы думаем, что находимся вне опасности; и это удерживало в городе тысячи людей, чьи трупы отправляли в огромные ямы на телегах, и которые, если бы они бежали от опасности, я полагаю, были бы в безопасности от катастрофы; по крайней мере, вероятно, что они были в безопасности.

И если бы люди должным образом рассмотрели этот фундаментальный вопрос в любом будущем случае такого или подобного характера, я убежден, что это привело бы их к совершенно иным мерам по управлению народом, чем те, которые они принимали в 1665 году, или чем те, которые были приняты за границей, о которых я слышал. Одним словом, они могли бы рассмотреть возможность разделения людей на более мелкие группы и удаления их во времени дальше друг от друга — и не допустить, чтобы такая зараза, подобная этой, которая действительно в основном опасна для собранных групп людей, заразила миллион человек в одном теле, как это было очень близко к случаю раньше, и, несомненно, имело бы место, если бы оно когда-нибудь появилось снова.

Чума, подобно сильному пожару, если в том месте, где она происходит, соседствуют только несколько домов, может сжечь только несколько домов; или если она начинается в одном, или, как мы это называем, одиноком доме, может сжечь только тот одинокий дом, где она начинается. Но если она начинается в плотно застроенном городке и достигает апогея, то там ее ярость возрастает: она бушует по всему месту и поглощает все, до чего может дотянуться.

Я мог бы предложить множество планов, с помощью которых власти этого города, если бы они когда-нибудь подверглись опасениям со стороны такого другого врага (не дай Бог, чтобы они это сделали), могли бы избавиться от большей части опасных людей, которые принадлежат к ним; я имею в виду таких, как нищие, умирающие с голоду, трудящиеся бедняки, и среди них главным образом те, кого в случае осады называют бесполезными ртами; от которых затем благоразумно и с выгодой для себя избавляются, а богатые жители избавляются от самих себя, своих слуг и детей, город и прилегающие к нему части была бы эвакуирована настолько эффективно, что не осталось бы и десятой части ее населения, чтобы болезнь не взяла верх. Но

предположим, что их было пятая часть и что осталось двести пятьдесят тысяч человек: и если бы болезнь действительно охватила их, они, живя на такой большой свободе, были бы гораздо лучше подготовлены к защите от инфекции и были бы менее подвержены ее последствиям, чем если бы такое же количество людей жило близко друг к другу в одном городе поменьше, таком как Дублин, Амстердам или тому подобное.

Правда сотни, да тысячи семей бежали прочь в эту последнюю казнь, но потом из них, многие бежали слишком поздно, и не только умер в полете, но несли смуту с ними в странах, куда они ушли и зараженных тех, кого они пошли в безопасности; что этакое дело, и сделал это распространение смуты, которая была лучшим способом, чтобы предотвратить его; и это также свидетельствует о его и подводит меня к тому, что я только намекнул ранее, но должен сказать более подробно здесь, а именно, что люди жили, видимо, так много дней после того, как они скверны заболевания в жизненно важные органы, и после их духи были настолько увлечены, как они не могли избежать, и что все это время они делали это, они были опасны для окружающих; я говорю, это доказывает, что так оно и было; ибо такие люди, зараженные самого городаони прошли, а также семьям, они пошли между; и он был, что означает, что почти все большие поселки в Англии смута, среди них больше или меньше, и всегда они бы вам рассказали такое лондонец, или лондонец принес его вниз.

Нельзя упускать из виду, что когда я говорю о тех людях, которые действительно были настолько опасны, я предполагаю, что они были совершенно неосведомлены о своем собственном состоянии; ибо, если бы они действительно знали, что их обстоятельства таковы, какими они были на самом деле, они, должно быть, были своего рода умышленными убийцами, если бы они отправились за границу среди здоровых людей — и это действительно подтвердило бы предположение, о котором я упоминал выше и которое, по моему мнению, казалось неверным, а именно, что инфицированные люди были совершенно беспечны в отношении передачи инфекции другим и скорее стремились сделать это, чем нет; и я верю, что это отчасти именно из-за этого они выдвинули такое предположение, которое, я надеюсь, на самом деле было не совсем правдой.

Я признаю, что ни одного частного случая недостаточно для доказательства общего, но я мог бы назвать нескольких людей, насколько это известно некоторым из их соседей и семей, которые еще живы, которые продемонстрировали крайнее обратное. У одного человека, хозяина семьи по соседству со мной, была чумка, и он подумал, что она передалась ему от бедного рабочего, которого он нанял, и которого он пошел к нему домой, чтобы повидаться, или пошел за какой-то работой, которую он хотел закончить; и у него были некоторые опасения, даже когда он был у двери бедного рабочего, но не обнаружил их полностью; но на следующий день это обнаружилось само собой, и он был очень увлечен, после чего он немедленно приказал отнести себя во флигель, который был у него во дворе, и где была комната над камином. работный дом (мужчина -жаровня). Здесь он лежал и здесь умер, и за ним не ухаживал никто из его соседей, кроме сиделки из—за границы; и он не позволял своей жене, детям и слугам заходить в комнату, чтобы они не заразились, - но послал им свое благословение и молитвы за них через сиделку, которая говорила с ними на расстоянии, и все это из-за страха заразить их болезнью; и он знал, что без этого, поскольку они не спали, они не могли этого вынести.

И здесь я должен также заметить, что чума, как, я полагаю, и все чумы, действовала по-разному на людей разного телосложения; некоторые были немедленно поражены ею, и это приводило к

сильной лихорадке, рвоте, невыносимым головным болям, болям в спине, и так вплоть до бреда и неистовства от этих болей; у других были отеки и опухоли в области шеи, паха или подмышек, которые, пока их не удавалось устранить, причиняли им невыносимые муки; в то время как другие, как я наблюдал, незаметно заражались, лихорадка преследовала их. Это незаметно влияло на их настроение, и они почти ничего не замечали, пока не впали в обморок и умерли безболезненно. Я не настолько врач, чтобы вдаваться в конкретные причины и способ этих различных эффектов одной и той же болезни и в ее различное действие в нескольких органах; и не мое дело здесь записывать наблюдения, которые я действительно сделал, потому что сами врачи проделали эту часть работы гораздо эффективнее, чем я, и потому что мое мнение может в некоторых вещах отличаться от их. Я рассказываю только то, что я знаю, или слышал, или верю в конкретные случаи, и то, что попадало в поле моего зрения, а также различную природу инфекции, как она проявлялась в конкретных случаях, о которых я рассказал; но можно также добавить следующее: хотя первые из этих случаев, а именно те, которые открыто посещались, были самыми тяжелыми в том, что касается боли, — я имею в виду тех, у кого были такие лихорадки, рвота, головные боли и отеки, потому что они умерли таким ужасным образом, — все же у последних было наихудшее состояние болезни; ибо в первом случае болезнь была вызвана в первом случае они часто выздоравливали, особенно если опухоли спадали; но второе было неизбежной смертью; никакое лечение, никакая помощь были невозможны, за этим не могло последовать ничего, кроме смерти. И это было хуже также для других, потому что, как указано выше, это тайно и незаметно для других или для них самих, сообщало смерть тем, с кем они разговаривали, проникающий яд проникал в их кровь способом, который невозможно описать или даже представить.

Это заражение без ведома кого-либо из людей очевидно из двух видов случаев, которые часто происходили в то время; и вряд ли найдется кто-нибудь из живущих, кто был в Лондоне во время заражения, но, должно быть, знал несколько случаев обоих видов.

(1) Отцы и матери вели себя так, как если бы они были здоровы, и считали себя таковыми, пока они незаметно не заразили и не разрушили все свои семьи, чего они были бы далеки от того, чтобы делать, если бы у них были хоть малейшие опасения, что они сами нездоровы и опасны. Семья, историю которой я слышал, была таким образом заражена отцом; и болезнь начала проявляться у некоторых из них еще до того, как он обнаружил это у себя. Но, приглядевшись повнимательнее, оказалось, что на него какое-то время оказали влияние; и как только он обнаружил, что его семья была отравлена им самим, он обезумел и хотел наложить на себя руки, но его удержали от этого те, кто присматривал за ним, и через несколько дней он умер.

(2) Другая особенность заключается в том, что многие люди, выздоровевшие в меру своих собственных суждений или благодаря лучшим наблюдениям, которые они могли сделать за собой в течение нескольких дней, и обнаружившие только ухудшение аппетита или легкую тошноту в желудке; более того, некоторые, чей аппетит был сильным и даже страстным, и только легкую головную боль, послали за врачами, чтобы узнать, что их беспокоит, и были найдены, к своему великому удивлению, на грани смерти: признаки на них или чума достигла неизлечимых размеров.

Было очень грустно размышлять о том, что такой человек, как этот последний, упомянутый выше, был ходячим разрушителем, возможно, за неделю или две до этого; как он погубил тех, ради спасения кого рискнул бы своей жизнью, и дышал на них смертью, даже, возможно, в

своих нежных поцелуях и объятиях своих собственных детей. И все же, несомненно, так оно и было, и часто так и было, и я мог бы привести множество конкретных случаев, когда это было так. Если же удар наносится таким незаметным образом — если стрела летит таким невидимым образом и не может быть обнаружена, — то к чему все эти схемы по закрытию или удалению больных людей? Эти схемы могут применяться только к тем, кто выглядит больным или инфицированным; тогда как среди них в то же время есть тысячи людей, которые кажутся здоровыми, но на самом деле являются таковыми, неся с собой смерть во все компании, в которые они попадают.

Это часто приводило в замешательство наших врачей, и особенно аптекарей и хирургов, которые не знали, как распознать больных по звуку; все они допускали, что это действительно так, что у многих людей чума была в крови и отравляла их дух, и сами по себе были всего лишь ходячими разлагающимися трупами, дыхание которых было заразным, а пот ядовитым, и все же на них было так же приятно смотреть, как и на других людей, и даже они сами этого не знали; Я говорю, все они допускали, что это действительно так, но они не знали, как предложить открытие.

Мой друг доктор Хит придерживался мнения, что об этом можно узнать по запаху их дыхания; но тогда, как он сказал, кто осмелится понюхать это дыхание для его сведения? поскольку, чтобы узнать это, он должен втянуть зловоние чумы в свой собственный мозг, чтобы различить запах! Я слышал, что другие придерживались мнения, что это можно было отличить по дыханию собеседника на кусок стекла, где, когда дыхание конденсировалось, в микроскоп можно было увидеть живых существ странных, чудовищных и устрашающих форм, таких как драконы, змеи, ужи и дьяволы, ужасные на вид. Но я очень сомневаюсь в правдивости этого утверждения, и, насколько я помню, в то время у нас не было микроскопов для проведения эксперимента.

Также другого ученого человека было мнение, что дыхание такого человека отравит и мгновенно убьет птицу; не только маленькую птицу, но даже петуха или курицу, и что, если оно немедленно не убьет последних, это приведет к тому, что они станут гнилыми, как они это называют; в частности, что если бы они когда-либо снесли яйца, все они были бы гнилыми. Но это мнения, которые я никогда не находил подтвержденными никакими экспериментами и не слышал о других, которые видели это; поэтому я оставляю их такими, какими нахожу; только с этим замечанием, а именно, что я думаю, что вероятности для них очень велики.

Некоторые предполагают, что такие люди должны тяжело дышать на теплую воду и что они оставят необычную пену на ней или на некоторых других предметах, особенно на тех, которые состоят из клейкого вещества и склонны к образованию пены и ее поддержанию.

Но в целом я обнаружил, что природа этой заразы была такова, что ее вообще невозможно было обнаружить или предотвратить ее распространение от одного человека к другому с помощью каких-либо человеческих навыков.

Здесь действительно была одна трудность, с которой я так и не смог до конца разобраться до сих пор и на которую есть только один способ ответить, о котором я знаю, и она заключается в следующем: первый человек, умерший от чумы, был 20 декабря или около того 1664 года в Лонг-Акре или около него; обычно говорят, что первый человек заразился от посылки шелков, привезенной из Голландии и впервые вскрытой в этом доме.

Но после этого мы больше не слышали ни о ком, кто умер от чумы или о том, что в том месте была чума, до 9 февраля, то есть примерно через семь недель после этого, а затем в том же доме был похоронен еще один человек. Потом все утихло, и мы долгое время были совершенно спокойны перед публикой, потому что в еженедельном списке умерших от чумы больше не значилось до 22 апреля, когда были похоронены еще двое, но не в том же доме, но на той же улице; и, насколько я помню, это было в доме, соседнем с первым. Так продолжалось девять недель, и после этого у нас оставалось всего две недели, а затем это вспыхнуло на нескольких улицах и распространилось повсюду. Теперь вопрос, по-видимому, заключается в следующем: где все это время находились семена инфекции? Как получилось, что она так долго останавливалась и больше не прекращается? Либо болезнь не распространилась немедленно в результате передачи инфекции от тела к телу, либо, если это произошло, то организм может быть способен продолжать заражаться, не обнаруживая болезни много дней, нет, недель подряд; даже не только карантин на несколько дней, но и суиксантин; не только сорок дней, но и шестьдесят дней или дольше.

Это правда, что была, как я наблюдал вначале, и это хорошо известно многим еще живущим, очень холодная зима и продолжительные морозы, которые продолжались три месяца; и это, по словам врачей, могло бы остановить инфекцию; но тогда ученые должны позволить мне сказать, что если бы, согласно их представлениям, болезнь была (как я могу сказать) только заморожена, она, подобно замерзшей реке, вернулась бы к своей обычной силе и течению, когда она оттаяла — тогда как основной спад этой инфекции, который был с февраля по апрель, наступил после того, как сошли морозы и установилась мягкая и теплая погода. .

Но есть другой способ разрешить все эти трудности, который, я думаю, помогут мои собственные воспоминания об этом событии; и это означает, что факт не подтвержден, а именно, что за те долгие промежутки времени, а именно с 20 декабря по 9 февраля и оттуда до 22 апреля, никто не умер. Еженедельные счета являются единственным доказательством с другой стороны, и эти счета не были достаточно достоверными, по крайней мере для меня, чтобы поддержать гипотезу или решить вопрос такой важности, как этот; поскольку в то время у нас было общепринятое мнение, и я полагаю, на очень веских основаниях, что мошенничество заключалось в приходских чиновниках, поисковиках и лицах, назначенных давать отчет о мертвых и о том, от каких болезней они умерли; и поскольку поначалу люди очень не хотели, чтобы соседи поверили, что их дома заражены, поэтому они давали деньги на приобретение или иным образом добывали мертвых для возврата в качестве умирая от других болезней; и я знаю, что это практиковалось впоследствии во многих местах, я думаю, я мог бы сказать, во всех местах, где появилась болезнь, о чем можно судить по значительному увеличению цифр, помещаемых в еженедельных отчетах по другим статьям о болезнях во время заражения. Например, в июле и августе, когда чума достигла наивысшей точки, было обычным явлением иметь от тысячи до тысячи двенадцати сотен, нет, почти до полутора тысяч других заболеваний в неделю. Не то чтобы число этих болезней действительно возросло до такой степени, но огромное количество семей и домов, где действительно была инфекция, получили милость вернуть своих умерших от других болезней, чтобы предотвратить закрытие их домов. Например:—

Умершие от других болезней, помимо чумы, —
 С 18 по 25 июля 942 г.
 ” 25 июля ” 1 августа 1004 г.
 ” 1 августа ” 8 августа 1213 г.
 ” 8 ” 15 августа 1439 г.
 ” 15 ” 22 июля 1331 г.
 ” 22 ” 29 сентября 1394 г.
 ” 29 ” 5 сентября 1264 г.
 ” с 5 по 12 сентября 1056 г.
 ” 12 ” 19 сентября 1132 г.
 ” 19 ” 26 сентября 927 г.

Теперь не было сомнений, что большая часть из них, или значительная часть из них, умерла от чумы, но офицеров убедили вернуть их, как указано выше, и количество некоторых обнаруженных конкретных предметов, вызывающих чуму, следующее:

Август. Август. Август. Август. Август. Сентябрь. Сентябрь. Сентябрь.
 1 8 15 22 29 5 12 19
 с 8 по 15 с 22 по 29 сентября с 5 по 12 с 19 по 26 сентября

Лихорадка 314 353 348 383 364 332 309 268
 Прыщавый 174 190 166 165 157 97 101 65
 Лихорадка
 Переедание 85 87 74 99 68 45 49 36
 Зубы 90 113 111 133 138 128 121 112

 663 743 699 780 727 602 580 481

Было несколько других статей, которые соответствовали этим, и которые, как легко заметить, были увеличены по той же причине, что и возраст, чохотка, рвота, пародонтит, колики и тому подобное, многие из которых, без сомнения, были инфицированными людьми; но поскольку для семей было крайне важно, чтобы никто не знал о заражении, если этого можно было избежать, поэтому они приняли все возможные меры, чтобы в это не поверили, и если кто-то умирал в их домах, чтобы их вернули экспертам, и по возможности избежать этого. искатели, как умершие от других недугов.

Это, говорю я, объясняет длительный промежуток времени, который, как я уже сказал, был между смертью первых лиц, которых в счете признали умершими от чумы, и временем, когда чума распространилась открыто и ее невозможно было скрыть.

Кроме того, сами еженедельные отчеты того времени, очевидно, раскрывают правду; ибо, хотя там не упоминалось о чуме и не было увеличения числа случаев после того, как она была упомянута, все же было очевидно, что имело место увеличение числа тех заболеваний, которые ближе всего граничили с ней; например, было восемь, двенадцать, семнадцать случаев пятнистой лихорадки в неделю, когда чумы не было вообще или было очень мало; тогда как

раньше один, три или четыре были обычными еженедельными показателями этой чумы. Точно так же, как я наблюдал ранее, количество похорон еженедельно увеличивалось в этом конкретном приходе и соседних приходах больше, чем в любом другом приходе, хотя там не было зафиксировано ни одного случая чумы; все это говорит нам о том, что инфекция передавалась, и череда чумы действительно сохранялась, хотя в то время нам казалось, что она прекратилась и возобновилась удивительным образом.

Возможно также, что инфекция могла оставаться в других частях той же посылки, в которой она поступила сначала, и которая, возможно, не была вскрыта или, по крайней мере, не полностью, или в одежде первого зараженного человека; ибо я не думаю, что кто-либо мог быть заражен в смертельной степени в течение девяти недель подряд и поддерживать свое состояние здоровья настолько хорошо, чтобы даже не обнаружить его у себя; но если бы это было так, аргумент был бы более весомым в пользу того, что я говорю, а именно, что инфекция сохраняется в телах, по-видимому, здоровых, и передается от них тем, с кем они общаются, в то время как об этом не известно ни тем, ни другим.

В то время по этому поводу возникло большое замешательство, и когда люди начали убеждаться, что инфекция была получена таким удивительным образом от людей, по-видимому, здоровых, они стали чрезвычайно стесняться и ревновать ко всем, кто оказывался рядом с ними. Однажды, в общественный день, субботний или нет, я не помню, в Олдгейтской церкви, на скамье, полной людей, внезапно одной из них показалось, что она почувствовала неприятный запах. Она сразу же воображает, что на скамье была чума, шепотом делится своей догадкой или подозрением с соседом, затем встает и выходит из скамьи. Это немедленно коснулось следующего, и так было со всеми; и каждый из них, а также две или три соседние скамьи встали и вышли из церкви, никто не знал, что их оскорбило и от кого.

Это немедленно заставило всех наполнить рты тем или иным препаратом, который указала пожилая женщина, а некоторых, возможно, и по указанию врачей, чтобы предотвратить заражение дыханием других; настолько, что если бы мы вошли в церковь, когда она была полна людей, у входа была бы такая смесь запахов, что она была бы гораздо более сильной, хотя, возможно, и не такой полезной, чем если бы вы входили в аптеку или аптекарскую лавку. Одним словом, вся церковь была похожа на нюхательный флакон; в одном углу стояли все духи; в другом - ароматические вещества, бальзамы и разнообразные лекарства и травы; в третьем - соли и спиртные напитки, поскольку каждый был запасен для собственного хранения. И все же я заметил, что после того, как люди были одержимы, как я уже сказал, верой или, скорее, уверенностью в том, что инфекция передается таким образом людьми, по-видимому, здоровыми, в церквях и молитвенных домах стало гораздо меньше людей, чем в другие времена до этого, как это было раньше. Ибо это следует сказать о жителях Лондона, что в течение всего времени эпидемии церкви или собрания никогда полностью не закрывались, и люди не отказывались выходить на публичное богослужение, за исключением лишь некоторых приходов, когда эпидемия была особенно сильна в этом приходе в то время, и даже тогда не дольше, чем это продолжалось.

Действительно, не было ничего более странного, чем видеть, с каким мужеством люди шли на общественное служение Богу, даже в то время, когда они боялись выйти из своих домов по любому другому поводу; я имею в виду, до наступления периода отчаяния, о котором я уже упоминал. Это было доказательством чрезвычайной густонаселенности города во время

заражения, несмотря на огромное количество людей, которые уехали в деревню при первой тревоге и которые бежали в леса, когда их еще больше напугал необычайный рост этого заболевания. Ибо, когда мы увидели толпы людей, которые появлялись по субботам у церквей, и особенно в тех частях города, где чума пошла на убыль или где она еще не достигла своего апогея, это было поразительно. Но об этом я скоро еще поговорю. А пока я возвращаюсь к статье о том, что вначале люди заражали друг друга, прежде чем люди пришли к правильным представлениям об инфекции и о том, как заражать друг друга. Люди стеснялись только тех, кто был действительно болен, человека в кепке на голове или с одеждой на шее, как это было в случае с теми, у кого там были опухоли. Это было действительно ужасно; но когда мы увидели одетого джентльмена с лентой на поясе и перчатками в руках, шляпой на голове и причесанными волосами, у нас не возникло ни малейших опасений, и люди довольно долго свободно беседовали, особенно со своими соседями и теми, кого они знали. Но когда врачи заверили нас, что опасность исходит как от звука (то есть от кажущегося звука), так и от больных, и что те люди, которые считали себя совершенно свободными, часто были самыми смертельными, и что стало общепринятым, что люди осознают это и причину этого; тогда, говорю я, они начали всем завидовать, и огромное количество людей заперлись, чтобы вообще не выходить за границу в какую—либо компанию и не позволять тем, кто был за границей в беспорядочной компании, входить в их дома или приближаться к ним - по крайней мере, не допускать, чтобы те, кто был за границей в беспорядочной компании, настолько близко к ним, что они были в пределах досягаемости их дыхания или любого исходящего от них запаха; и когда им приходилось разговаривать на расстоянии с незнакомцами, у них во рту и на одежде всегда были консерванты для отражения инфекции.

Следует признать, что, когда люди начали применять эти меры предосторожности, они были менее подвержены опасности, и инфекция не проникала в такие дома с такой яростью, как в другие раньше; и тысячи семей были спасены (говоря с должной сдержанностью по указанию Божественного Провидения) этими средствами.

Но вбить что-либо в головы бедняков было невозможно. Они продолжали жить с обычной порывистостью своего характера, полные криков и причитаний, когда их брали, но безумно беспечные по отношению к самим себе, безрассудные и упрямые, пока были здоровы. Там, где они могли найти работу, они брались за любой вид бизнеса, самый опасный и наиболее подверженный заражению; и если бы с ними заговорили, их ответ был бы таким: 'Я должен положиться на Бога в этом; если меня возьмут, значит, я обеспечен, и мне конец', и тому подобное. Или так: 'Ну, что я должен делать? Я не могу умереть с голоду. Мне было бы лучше заболеть чумой, чем погибнуть от нужды. У меня нет работы; что я мог сделать? Я должен сделать это или просить милостыню'. Предположим, что это были похороны мертвых, или уход за больными, или наблюдение за зараженными домами, что было ужасной опасностью; но их история в целом была одинаковой. Это правда, необходимость была очень оправданной ссылкой, и ничего не могло быть лучше; но их манера говорить была во многом одинаковой там, где потребности не совпадали. Это авантюрное поведение бедняков было тем, что привело к чуме среди них самым яростным образом; и это, в сочетании с тяжелым положением, в котором они оказались, было причиной того, что они умирали такими кучами; ибо я не могу сказать, что я мог наблюдать хоть на йоту лучшее ведение хозяйства среди них, я имею в виду трудящуюся бедноту, хотя все они были здоровы и получали деньги больше, чем раньше, но были такими же щедрыми, экстравагантными и не думающими о завтрашнем дне, как и всегда; так что, когда

они заболели, они сразу же оказались в крайнем отчаянии, как от нужды, так и от болезни, а также из-за недостатка пищи и здоровья.

Это убожество бедных я не раз приходилось быть очевидцем, а иногда и благотворительной помощи, что некоторые благочестивые люди, ежедневно дарил такие, отправив им помощи и поставок оба пищевыми продуктами, физике, и другим помочь, а они нашли, что хотели; и действительно, это долг справедливости в связи с характером людей того времени заметить здесь, что не только большие суммы, очень большие суммы были мягко говоря послал лорд-мэр и олдермены за помощь и поддержку бедным расстроенный человек, но обилие частных людей ежедневно распространяли крупные суммы денег для их облегчения, и послал людей для расследования о состоянии конкретных проблемных и посетили семьи, и избавлял их; напротив, некоторые благочестивые дамы были настолько перевозить усердие в таком деле, и настолько уверены в защите Провидения в разряд великих долг милосердия, что они ходили в лице, распространяющем милостыню бедным, и даже посещение малообеспеченных семей, больных и зараженных, в их домах, о назначении медсестры посещают те, кто хотел принять участие, и заказ аптекарей и хирургов, впервые лекарств или штукатурки, а такие вещи как они хотели; и последние Лэнс и платье отеки и опухоли, где такие были желающие; давая свое благословение бедным в существенной помощи им, а также сердечные молитвы за них.

Я не возьму на себя смелость утверждать, как это делают некоторые, что ни один из этих милосердных людей не пострадал от самого бедствия; но вот что я могу сказать: я никогда не знал ни одного из них, у кого случился выкидыш, о чем я упоминаю для ободрения других в случае подобного бедствия; и, несомненно, если те, кто дает бедным, дают взаймы Господу, и Он вернет им деньги, те, кто рискует своей жизнью, чтобы пожертвовать бедным, утешить и помочь бедным в таком несчастье, как это, могут надеяться на защиту в работе.

Это не было благотворительностью так необыкновенно видные лишь в нескольких, Но (ибо я не могу легко бросить эту точку) благотворительность богатых, а также в городе, так и пригороде, как из страны, был настолько велик, что, словом, огромное количество людей, которые в противном случае неизбежно погибнет из-за нужды, равно как и болезни, поддерживались и питались ею; и хотя я никогда не мог, и не считаю кого-либо еще, прийти к полному познанию того, что было настолько способствовала, но я верю, что, как я слышал, говорят, что был критический наблюдатель, что стороны не было не только много тысяч фунтов вклад, но многие сто тысяч фунтов, чтобы помочь бедным этой бедствующим, страждущим города; нет, один человек подтвердил мне, что он может считаться выше ста тысяч фунтов в неделю, что было распространено ктиторов в нескольких приходах ризницы лорд-мэр и олдермены в несколько отделений и участков, и в определенном направлении суда и мировых судей-соответственно в частях, где они проживали, и частная благотворительность распространен благочестивый полосы в порядке, я говорю; и это продолжалось в течение многих недель вместе.

Признаюсь, это очень большая сумма; но если верно, что только в приходе Крипплгейт было распределено 17 800 долларов за одну неделю в помощь бедным, как я слышал, и я действительно верю, что это правда, то другое не может быть невероятным.

Это, несомненно, следует причислить к числу многих знаменательных благих провидений, посетивших этот великий город, и о которых было много других, заслуживающих упоминания, — я говорю, это было очень примечательное провидение, что Богу было угодно таким образом тронуть сердца людей во всех частях королевства, с такой радостью внести свой вклад в

облегчение и поддержку бедных в Лондоне, благие последствия которого ощущались во многих отношениях, и особенно в сохранении жизней и восстановлении здоровья стольких тысяч и спасении стольких тысяч семей от гибели и голодной смерти.

И сейчас я говорю о милосердный нрав Провидения в этот раз из беды, я не могу не упомянуть снова, хотя я несколько раз говорил это уже на других аккаунтах, я имею в виду, что прогрессирование смуты; как это началось на одном конце города, а шло постепенно и медленно от одной части к другой, и, как темная туча, которая проходит над нашими головами, которая, как она загустеет и overcasts воздухе на одном конце, очищает на другом конце; так, в то время как чума пошла на беснующихся с запада на восток, как он пошел вперед Востока, утихла на Западе, с помощью которого означает те части города, которые не были изъятые, или, кто остались, и где он провел свою ярость, были (как бы) все, чтобы помочь и помочь другим, тогда как у чумки распространился на весь город и пригороды, сразу, бушующих во всех местах так, как это было сделано, поскольку в некоторых местах за рубежом, все тело люди должны были перегружены, и умер бы двадцать тысяч в день, как они говорят есть ли в Неаполе; не стали бы люди были в состоянии помогали или помогали друг другу.

Ибо следует заметить, что там, где чума была в полную силу, люди действительно были очень несчастны, и ужас был невыразим. Но незадолго до того, как это дошло даже до этого места, или вскоре после того, как оно ушло, они были людьми совсем другого сорта; и я не могу не признать, что в то время среди всех нас было слишком много общего человеческого характера, а именно: забывать об избавлении, когда опасность миновала. Но я еще вернусь к этой части разговора.

Здесь не следует забывать о состоянии торговли во время этого общего бедствия, и это касается как внешней торговли, так и нашей внутренней.

Что касается внешней торговли, то здесь мало что нужно говорить. Все торговые страны Европы боялись нас; ни один порт Франции, или Голландии, или Испании, или Италии не принимал наших кораблей и не переписывался с нами; действительно, мы были в плохих отношениях с голландцами и вели с ними яростную войну, но хотя и были в плохом состоянии, чтобы сражаться за границу, у нас были такие ужасные враги, с которыми нужно было бороться дома.

Соответственно, наши купцы были на полной остановке; их корабли не могли никуда отправиться — то есть ни в какое место за границей; их мануфактуры и товары — то есть те, что были на нашем приросте, — никто не трогал за границей. Они боялись наших товаров так же сильно, как и наших людей; и действительно, у них были на то причины: ведь наши шерстяные изделия так же устойчивы к инфекции, как человеческие тела, и, если бы их упаковывали инфицированные люди, они заразились бы инфекцией, и прикасаться к ним было бы так же опасно, как к зараженному человеку; и поэтому, когда любое английское судно прибывало в чужие страны, если они доставляли товары на берег, они всегда приказывали вскрыть тюки и проветрить их в специально отведенных для этой цели местах. Но из Лондона они не позволили бы им заходить в порт, а тем более разгружать свои товары, ни на каких условиях, и эта строгость особенно применялась к ним в Испании и Италии. В Турции и на островах Арок, как их называют, а также на тех, которые принадлежали как туркам, так и венецианцам, они не были такими уж жесткими. В первом случае вообще не было никаких препятствий; и четыре корабля, которые в то время находились в рейде, загружаясь для Италии, то есть для Ливорно и Неаполя, получив отказ в товаре, как они это называют, отправились в Турцию, и им было

беспрепятственно разрешено без каких-либо затруднений разгрузить свой груз; вот только, когда они прибыли туда, часть их груза оказалась непригодной для продажи в этой стране; а поскольку другая его часть была передана купцам в Ливорно, капитаны кораблей не имели ни права, ни каких-либо распоряжений распоряжаться товаром; так что для торговцев последовали большие неудобства. Но это было не что иное, как то, чего требовала деловая необходимость, и купцы в Ливорно и Неаполе, получив уведомление, снова послали оттуда позаботиться о товарах, которые были специально отправлены в эти порты, и привезти обратно на других кораблях то, что не подходило для рынков в Смирне и Скандеруне.

Неудобства в Испании и Португалии были еще больше, поскольку они ни в коем случае не допускали, чтобы наши корабли, особенно из Лондона, заходили в какие-либо из их портов, а тем более разгружались. Поступило сообщение, что один из наших кораблей тайком доставил свой груз, среди которого было несколько тюков английской ткани, хлопка, кресел и тому подобных товаров, испанцы приказали сжечь все товары и наказали смертью людей, которые были причастны к их перевозке на берег. Это, я полагаю, было отчасти правдой, хотя я и не утверждаю этого; но это вовсе не маловероятно, учитывая, что опасность действительно была очень велика, поскольку инфекция в Лондоне была такой сильной.

Я слышал также, что чума была занесена в эти страны некоторыми из наших кораблей, и в частности в порт Фаро в королевстве Алгарве, принадлежащий королю Португалии, и что там от нее умерло несколько человек; но это не подтвердилось.

С другой стороны, хотя испанцы и португальцы так боялись нас, совершенно очевидно, что чума (как уже было сказано) поначалу сильно распространилась на ту часть города, что рядом с Вестминстером, торговую часть города (такую, как сити и уотерсайд), была совершенно здоровой по крайней мере до начала июля, а корабли на реке - до начала августа; ибо к 1 июля умерло всего семь человек во всем городе и всего шестьдесят в либертиз, но по одному во всех приходах Степни, Олдгейт и другие. , и Уайтчепел, и всего два из восьми приходов Саутворка. Но за границей было то же самое, потому что по всему миру разнеслись плохие новости о том, что Лондонский сити заражен чумой, и там никто не интересовался, как протекала инфекция или в какой части города она началась или до нее добрались.

Кроме того, после того, как это начало распространяться, оно росло так быстро, и счета внезапно выросли так высоко, что не было смысла преуменьшать слухи об этом или пытаться заставить людей за границей думать о нем лучше, чем это было на самом деле; отчета, который давали еженедельные счета, было достаточно; и того, что умирало от двух до трех или четырех тысяч человек в неделю, было достаточно, чтобы встревожить всю торговую часть мира; и следующее время, будучи таким ужасным и в самом городе, заставило весь мир, я говорю, остерегаться этого.

Вы также можете быть уверены, что сообщение об этих происшествиях ничего не унесло в карете. Чума сама по себе была очень ужасной, а страдания людей - очень большими, как вы можете заметить из того, что я сказал. Но слух был бесконечно шире, и неудивительно, что наши друзья за границей (как, в частности, сообщили корреспондентам моего брата там, а именно в Португалии и Италии, где он в основном торговал) [сказали], что в Лондоне умирало двадцать тысяч человек в неделю; что мертвые тела лежали грудami непогребенными; что живых было недостаточно, чтобы похоронить мертвых или здоровых, чтобы ухаживать за больными; что все королевство было заражено подобным образом, так что это была всеобщая

болезнь, о которой никогда не слышали в тех частях света; и они едва могли поверить нам, когда мы рассказал им, как обстояли дела на самом деле, и как погибло не более десятой части людей; что осталось 500 000 человек, которые постоянно жили в городе; что теперь люди снова начали ходить по улицам, а те, кто бежал, вернулись, не было недостатка в обычном скоплении людей на улицах, за исключением того, что каждая семья может скучать по своим родственникам и соседям, и тому подобное. Я говорю, что они не могли поверить в эти вещи; и если бы сейчас было проведено расследование в Неаполе или в других городах на побережье Италии, они сказали бы вам, что много лет назад в Лондоне была ужасная инфекция, от которой, как указано выше, умерло двадцать тысяч человек в неделю и т.д., точно так же, как у нас в Лондоне сообщалось, что в городе Неаполе в 1656 году была чума, от которой умерло 20 000 человек в день, из чего я с большим удовлетворением убедился, что это была абсолютная ложь.

Но эти экстравагантные слухи были очень вредны для нашей торговли, а также несправедливы и вредны сами по себе, поскольку прошло много времени после того, как чума полностью закончилась, прежде чем наша торговля смогла восстановиться в этих частях света; и фламандцы и голландцы (но особенно последние) извлекли из этого очень большие выгоды, получив весь рынок в свое распоряжение и даже покупая наши изделия в нескольких частях Англии, где чумы не было, и перевоза их в Голландию и Фландрию, а оттуда переправляя их в Испанию и Италию, как будто они были собственного производства.

Но иногда их обнаруживали и наказывали, то есть их товары конфисковывались, а также корабли; ибо, если это правда, что наши мануфактуры, а также наши люди были заражены, и что было опасно прикасаться к ним или открывать и вдыхать их запах, тогда эти люди подвергались опасности из-за этой подпольной торговли не только занести заразу в свою собственную страну, но и заразить народы, которым они торговали этими товарами; что, учитывая, сколько жизней могло быть потеряно в результате таких действий, должно быть торговлей, в которой ни один человек с совестью не мог позволить себе быть заинтересованным. в.

Я не берусь утверждать, что этими людьми был причинен какой-либо вред, я имею в виду такого рода. Но я сомневаюсь, что мне нет необходимости делать какие-либо подобные оговорки в случае нашей собственной страны; ибо либо нашими жителями Лондона, либо коммерцией, которая сделала необходимым их общение со всевозможными людьми в каждой стране и в каждом значительном городе, я говорю, что таким образом чума сначала или в последнюю очередь распространилась по всему королевству, а также в Лондоне, как и во всех больших городах, особенно в торговых, промышленных поселках и морских портах; так что, во-первых или в последнюю очередь, все значимые места в Англии были посещены в большей или меньшей степени, и королевство Ирландия в некоторых местах, но не так повсеместно. . Как обстоят дела у людей в Шотландии, у меня не было возможности узнать.

Следует отметить, что, пока в Лондоне свирепствовала чума, в так называемых отдаленных портах процветала торговля, особенно с соседними странами и с нашими собственными плантациями. Например, города Колчестер, Ярмут и Халл на той стороне Англии экспортировали в Голландию и Гамбург мануфактуры соседних стран в течение нескольких месяцев после того, как торговля с Лондоном была, так сказать, полностью прекращена; подобным же образом города Бристоль и Эксетер с портом Плимут имели такое же преимущество перед Испанией, Канарскими Островами, Гвинеей и Вест—Индией, и особенно

Ирландией; но так как чума распространилась повсюду после того, как побывала в Лондоне в такой степени, как это было в августе и сентябре, так что все или большинство этих городов и города были заражены первыми или последними; и тогда торговля оказалась, так сказать, под общим эмбарго или на полной остановке - как я отмечу далее, когда буду говорить о нашей внутренней торговле.

Однако следует отметить одну вещь: что касается кораблей, прибывающих из-за границы (а многие, вы можете быть уверены, так и поступали), то среди них есть те, кто побывал во всех частях света задолго до этого, и те, кто, выходя в море, ничего не знали об инфекции или, по крайней мере, о такой ужасной, — они смело поднимались вверх по реке и доставляли свои грузы, как были обязаны делать, за исключением двух месяцев августа и сентября, когда тяжесть инфекции, как я могу сказать, была полностью под мостом, и некоторое время никто не осмеливался показываться в деле. Но так как это продолжалось всего несколько недель, направлявшиеся домой корабли, особенно те, груз которых не подлежал порче, на некоторое время становились на якорь недалеко от Бассейна,^[5] или пресноводной части реки, вплоть до низовий реки Медуэй, куда некоторые из них впадали; а другие стояли у Нора и в Хоуп ниже Грейвсенда. Так что к концу октября должна была подойти очень большая флотилия возвращающихся домой кораблей, о которых не знали много лет.

[5] Та часть реки, где стоят корабли, когда они возвращаются домой, называется Пулом и вмещает в себя всю реку по обе стороны от Уотер-Пойнта, от Тауэра до Рогоносца и Лаймхауса. [Сноска в оригинале.]

Все время распространения инфекции два особых вида торговли осуществлялись водным транспортом, практически без перерывов, что приносило большую пользу и комфорт бедным, попавшим в беду жителям города: это были каботажная торговля кукурузой и ньюкаслская торговля углем.

Первую из них осуществляли, в частности, небольшие суда из порта Халл и других мест на реке Хамбер, на которых доставлялось большое количество кукурузы из Йоркшира и Линкольншира. Другая часть этой торговли зерном шла из Линна, что в Норфолке, из Уэллса и Бернхема, а также из Ярмута, все в том же графстве; а третья ветвь шла с реки Медуэй, а также из Милтона, Февершема, Маргейта и Сэндвича и всех других маленьких местечек и портов на побережье Кента и Эссекса.

У берегов Саффолка также шла очень хорошая торговля кукурузой, маслом и сыром; эти суда вели постоянную торговлю и без перерыва заходили на рынок, известный до сих пор под названием Медвежий Ключ, откуда они в изобилии снабжали город кукурузой, когда наземное сообщение начало выходить из строя и когда людям надоело приезжать сюда из многих мест страны.

Во многом это также произошло благодаря благоразумию и поведению лорд-мэра, который так заботился о том, чтобы уберечь капитанов и моряков от опасности, когда они подходили к берегу, заставляя скупать их зерно в любое время, когда им требовался рынок (что, однако, случалось очень редко), и заставляя продавцов зерна немедленно разгружать и доставлять суда, нагруженные зерном, что у них было очень мало поводов выходить со своих кораблей или суденышек, деньги им всегда приносили на борт и перед тем, как их выносили, клали в ведро с уксусом.

Вторым видом торговли был уголь из Ньюкасла-на-Тайне, без которого город был бы в большом затруднении; ибо не только на улицах, но и в частных домах и семьях тогда сжигалось большое количество угля, даже в течение всего лета и в самую жаркую погоду, что делалось по совету врачей. Некоторые действительно выступали против этого и настаивали на том, что поддержание тепла в домах и комнатах было средством распространения гнева, который представлял собой брожение и жар, уже присутствующий в крови; что, как известно, он распространяется и усиливается в жаркую погоду и ослабевает в холод; и поэтому они утверждали, что все заразные болезни хуже от жары, потому что зараза питалась и набирала силу в жаркую погоду и, так сказать, распространялась в жару.

Другие сказали, что они допускают, что жара в климате может распространять инфекцию — поскольку знойная погода наполняет воздух паразитами и питает бесчисленное количество видов ядовитых существ, которые размножаются в нашей пище, в растениях и даже в наших телах, из-за самого зловония которых может распространяться инфекция; также что жара в воздухе, или жара погоды, как мы обычно это называем, расслабляет тела и ослабевает, истощает дух, открывает поры и делает нас более склонными к заражению или любому дурному влиянию, будь то от вредных веществ. ядовитые пары или что-либо другое в воздухе; но что тепло огня, и особенно угольных топок, разведенных в наших домах или поблизости от нас, оказывает совершенно иное действие; жар не того же рода, но быстрый и яростный, имеющий тенденцию не питать, а поглощать и рассеивать все те ядовитые пары, которые другой вид тепла скорее выдыхает и задерживает, чем отделяет и сжигает. Кроме того, утверждалось, что сернистые и азотистые частицы, которые часто обнаруживаются в угле вместе с этим битуминозным веществом, которое горит, помогают очищать воздух и делают его полезным и безопасным для дыхания после того, как вредные частицы, как указано выше, рассеяны и сгорели.

Последнее мнение преобладало в то время, и, как я должен признаться, у меня есть на то веские основания; и опыт горожан подтвердил это: многие дома, в комнатах которых постоянно горел огонь, вообще никогда не подвергались заражению; и я должен присоединиться к этому своему опыту, поскольку я обнаружил, что поддержание хорошего огня делало наши комнаты приятными и полезными для здоровья, и я искренне верю, что это сделало всю нашу семью такой, больше, чем могло бы быть в противном случае.

Но я возвращаюсь к углям в качестве профессии. Было нелегко поддерживать эту торговлю открытой, и особенно потому, что, поскольку в то время мы вели открытую войну с голландцами, голландские каперы сначала захватили большое количество наших угольных судов, что заставило остальных проявлять осторожность и вынудило их остаться, чтобы действовать вместе флотами. Но через некоторое время каперсы либо побоялись брать их, либо их хозяева, Штаты, испугались, что им следует это делать, и запретили их, чтобы среди них не заразилась чума, отчего им стало лучше.

В целях безопасности этих северных торговцев милорд-мэр приказал кораблям с углем заходить в Бассейн не более чем в определенном количестве за раз и приказал лихтерам и другим судам, таким, какими снабжены дровосеки (то есть владельцы пристаней или продавцы угля), спускаться и доставать уголь вплоть до Дептфорда и Гринвича, а также немного дальше.

Другие доставляли большое количество угля в определенные места, где корабли могли подходить к берегу, как, например, в Гринвич, Блэкуолл и другие места, огромными кучами, как

бы для продажи; но затем его забирали после того, как корабли, которые его привозили, уходили, так что моряки не общались с речниками и даже не приближались друг к другу.

Однако все эти предосторожности не могли эффективно предотвратить распространение чумы среди угольных шахт, то есть среди кораблей, на которых от нее погибло очень много моряков; и что было еще хуже, они заносили ее в Ипсвич и Ярмут, в Ньюкасл-на-Тайне и в другие места на побережье, где, особенно в Ньюкасле и Сандерленде, она унесла большое количество людей.

Разведение такого большого количества костров, как указано выше, действительно потребляло необычное количество угля; и что во время одной или двух остановок подходивших кораблей, то ли из-за плохой погоды, то ли из-за вторжения врагов, я не помню, но цена на уголь была чрезвычайно высокой, доходила даже до 4 фунтов за чалдер; но вскоре она снизилась, когда пришли корабли, и поскольку после этого у них был более свободный проход, цена была очень разумной всю оставшуюся часть того года.

Общественные пожары, которые разводились в этих случаях, по моим подсчетам, неизбежно должны были стоить городу около 200 халдеров угля в неделю, если бы они продолжались, что действительно было очень большим количеством; но поскольку это считалось необходимым, ничего не жалели. Однако, поскольку некоторые врачи жаловались на них, их не держали в огне более четырех или пяти дней. Порядок разведения костров был следующий: —

Один в Таможне, один в Биллингсгейте, один в Куинхите и один в "Трех журавлях"; один в Блэкфрайарсе и один у ворот Брайдуэлла; один на углу Лиденхол-стрит и Грейсчерч; один у северных и один у южных ворот Королевской биржи; один в Гилд-Холле и один у ворот Блэкуэлл-Холла; один у дверей лорд-мэра в церкви Святой Елены, один у западного входа в собор Святого Павла и один у входа в Боу-Черч. Я не помню, был ли он у городских ворот, но один у подножия моста был, как раз у церкви Святого Магнуса.

Я знаю, что после этого эксперимента некоторые поссорились и сказали, что из-за этих пожаров погибло больше людей; но я убежден, что те, кто так говорит, не приводят никаких доказательств, подтверждающих это, и я ни в коем случае не могу в это поверить.

Остается дать некоторый отчет о состоянии внутренней торговли в Англии в это ужасное время, и особенно в том, что касается мануфактур и торговли в городе. При первом вспышке инфекции, как легко предположить, среди людей возник очень сильный испуг и, следовательно, общая остановка торговли, за исключением провизии и предметов первой необходимости; и даже в этих товарах, поскольку огромное количество людей бежало и очень большое количество всегда болело, помимо числа умерших, так что потребление провизии в городе, как это было раньше, не могло превышать двух третей, если не больше половины.

Богу было угодно послать очень обильный год на кукурузу и фрукты, но не на сено или траву — это означало, что хлеб был дешевым из-за обилия кукурузы. Мясо было дешевым из-за нехватки травы; но масло и сыр были дорогими по той же причине, а сено на рынке сразу за барами Уайтчепела продавалось по 4 фунта за партию. Но это коснулось не бедных слоев населения. Было в избытке всевозможных фруктов, таких как яблоки, груши, сливы, вишни, виноград, и они были дешевле из-за нехватки людей; но это заставляло бедняков есть их в избытке, и это вызывало у них приливы, кишечные колики, переедание и тому подобное, что часто приводило их к чуме.

Но вернемся к вопросам торговли. Во-первых, заграничный вывоз был остановлен или, по крайней мере, очень сильно прерван и затруднен, естественно, последовала общая остановка всех тех мануфактур, которые обычно ввозились для вывоза; и хотя иногда заграничные купцы настойчиво требовали товаров, все же отправлялось мало, так как перевозки были так часто приостановлены, что английские корабли, как уже было сказано, не допускались в их порт.

Это положило конец экспорту промышленных товаров в большинстве частей Англии, за исключением некоторых отдаленных портов; но даже это вскоре было остановлено, поскольку все они, в свою очередь, заболели чумой. Но хотя это ощущалось по всей Англии, что было еще хуже, все торговые сношения с мануфактурами для внутреннего потребления, особенно с теми, которые обычно проходили через руки лондонцев, были немедленно прекращены, и торговля в городе прекратилась.

Все виды ремесел в городе и т. Д., Торговцы и механики были, как я уже говорил ранее, безработными; и это привело к увольнению бесчисленного количества подмастерьев и рабочих всех мастей, поскольку в этих отраслях не делалось ничего, кроме того, что можно было бы назвать абсолютно необходимым.

Это привело к тому, что множество одиноких людей в Лондоне оказались без средств к существованию, равно как и семьи, чье существование зависело от труда глав этих семей; я говорю, это довело их до крайней нищеты; и я должен признаться, что это для чести лондонского сити, и так будет еще много веков, пока об этом будет идти речь, что они смогли благотворительно восполнить нужды стольких тысяч тех, кто впоследствии заболел и был в бедственном положении: так что можно с уверенностью утверждать, что никто не погиб из-за нужды, по крайней мере, что магистраты имели право на это. любое уведомление, данное им о.

Этот застой нашей промышленной торговли в стране поставил бы тамошних людей в гораздо большие трудности, но мастера, суконщики и другие, используя все свои запасы и силы, продолжали производить свои товары, чтобы обеспечить работой бедных, полагая, что, как только болезнь пойдет на убыль, на них сразу же возникнет спрос, пропорциональный упадку их торговли в то время. Но поскольку никто, кроме богатых мастеров, не мог этого сделать, а многие были бедны и не имели на это способностей, мануфактурная торговля в Англии сильно пострадала, и бедняки по всей Англии пострадали только из-за бедствия Лондонского сити.

Это правда, что следующий год полностью возместил им ущерб из-за другого ужасного бедствия, обрушившегося на город; так что город из-за одного бедствия обнищал и ослабил страну, а из-за другого бедствия, слишком ужасного в своем роде, обогатил страну и заставил их снова возместить ущерб; ибо бесконечное количество домашнего хлама, одежды для ношения и других вещей, помимо целых складов, заполненных товарами и мануфактурами, которые поступают со всех частей Англии, были уничтожены лондонским пожаром на следующий год после этого ужасного посещения. Невероятно, какой размах приобрела эта торговля по всему королевству, чтобы восполнить нужду и восполнить потери; короче говоря, все рабочие руки в стране были заняты работой, и их было недостаточно в течение нескольких лет, чтобы обеспечить рынок и удовлетворить спрос. Все зарубежные рынки также опустели от наших товаров из-за остановки, вызванной чумой, и до того, как снова была разрешена открытая торговля; а огромный спрос внутри страны, упавший, привел к быстрому сокращению спроса на все виды товаров; так что в то время во всей Англии не было такой торговли, какая была в первые семь лет после чумы и после лондонского пожара.

Теперь остается сказать кое-что о милосердной части этого ужасного приговора. В последнюю неделю сентября, когда эпидемия достигла своего апогея, ее ярость начала утихать. Я помню, как мой друг доктор Хит, придя навестить меня неделю назад, сказал мне, что он уверен, что ярость пройдет через несколько дней; но когда я увидел еженедельный отчет за ту неделю, который был самым высоким за весь год и составлял 8297 случаев всех болезней, я упрекнул его в этом и спросил, на основании чего он сделал свое заключение. Однако его ответ был не таким уж желанным, как я думал. 'Послушайте,' говорит он, 'судя по количеству больных и инфицированных в настоящее время, на прошлой неделе умерло бы двадцать тысяч вместо восьми тысяч, если бы застарелая смертельная инфекция была такой, какой она была две недели назад; ибо тогда она обычно убивала за два или три дня, сейчас не менее восьми или десяти; и тогда выздоравливал не более одного из пяти, тогда как я заметил, что сейчас выкидыш случается не более чем у двух из пяти. И, поверьте мне, следующий счет уменьшится, и вы увидите, что выздоравливает гораздо больше людей, чем раньше; ибо, хотя сейчас повсюду заражено огромное множество людей, и столько же каждый день заболевают, все же умрет не так много, как раньше, потому что злокачественность чумы уменьшилась'; — добавив, что теперь он начал надеяться, нет, больше, чем надеяться, что инфекция миновала свой кризис и уходит; и, соответственно, так оно и было, поскольку следующая неделя, как я уже сказал, последняя в сентябре, счет уменьшился почти на две тысячи.

Это правда, что чума все еще была на ужасающей высоте, и следующий счет составлял не менее 6460, а следующий за этим - 5720; но все же наблюдение моего друга было справедливым, и действительно, казалось, что люди выздоравливали быстрее и их стало больше, чем раньше; и действительно, если бы это было не так, в каком состоянии находился Лондонский сити? Ибо, по словам моего друга, в то время было инфицировано не менее 60 000 человек, из которых, как указано выше, 20 477 умерли и около 40 000 выздоровели; тогда как, если бы все было так, как было раньше, 50 000 из этого числа, весьма вероятно, умерли бы, если не больше, и еще 50 000 заболели бы; ибо, одним словом, вся масса людей начала заболевать, и казалось, что никто не спасется.

Но это замечание моего друга стало более очевидным еще через несколько недель, поскольку снижение продолжалось, и еще через неделю в октябре оно уменьшилось на 1843 человека, так что число умерших от чумы составило всего 2665 человек; а на следующей неделе оно уменьшилось еще на 1413 человек, и все же было ясно видно, что больных было много, более того, больше, чем обычно, и многие заболевали каждый день, но (как указано выше) злокачественность болезни уменьшалась.

Таков опрометчивый нрав нашего народа (так ли это или нет во всем мире, это не мое личное дело выяснять), но я увидел это, очевидно, здесь, что как при первом испуге перед инфекцией они избегали друг друга и убегали из домов друг друга и из города с необъяснимым и, как я думал, ненужным испугом, так и теперь, когда распространилось это представление, а именно, что болезнь не была такой заразной, как раньше, и что если ее и подхватили, то не такой смертельной, и, видя изобилие те из людей, которые действительно заболели, ежедневно снова выздоравливали, они набирались такой опрометчивой смелости и росли настолько независимо от самих себя и от инфекции, что придавали чуме не больше значения, чем обычной лихорадке, да и вообще не так уж много. Они не только смело общались с теми, у кого были запущенные опухоли и карбункулы, следовательно, заразные, но ели и пили с ними, более того, заходили в их дома, чтобы навестить их, и даже, как мне сказали, в их комнаты, где они лежали больные.

В этом я не видел ничего рационального. Мой друг доктор Хит допускал, и это было ясно по опыту, что болезнь была такой же заразной, как и прежде, и многие заболели, но только он утверждал, что многие из заболевших не умерли; но я думаю, что в то время как многие действительно умирали, и что в лучшем случае сама болезнь была очень ужасной, язвы и опухоли были очень мучительными, и опасность смерти не оставалась в стороне от обстоятельств болезни, хотя и не так часто, как раньше; все эти вещи, вместе с чрезвычайно утомительным лечением, отвратительностью болезни и многих других предметов было достаточно, чтобы удержать любого живого человека от опасного общения с больными людьми и заставить его почти так же стремиться избежать инфекций, как и раньше.

Нет, была еще одна вещь, которая делала страшным само заражение чумой, и это было ужасное жжение едких веществ, которые хирурги накладывали на опухоли, чтобы заставить их лопнуть и затянуться, без чего смертельная опасность была очень велика, даже для последних. Кроме того, невыносимые мучения от опухолей, которые, хотя и не приводили людей в бред и не отвлекали их, как это было раньше, и, как я уже приводил несколько примеров, все же причиняли пациенту невыразимые мучения; и те, кто впал в это состояние, хотя и остались живы, все же они горько жаловались на тех, кто говорил им, что опасности нет, и печально раскаивались в своей опрометчивости и безрассудстве, отважившись прибегнуть к нему.

На этом неосторожное поведение людей не закончилось, ибо многие из тех, кто таким образом пренебрег своими предостережениями, пострадали еще сильнее, и хотя многим удалось спастись, все же многие умерли; и, по крайней мере, этому сопутствовало общественное недовольство, из-за которого количество захоронений уменьшалось медленнее, чем это было бы в противном случае. Поскольку эта идея молниеносно пронеслась по городу, и головы людей были одержимы ею, даже как только появилось первое значительное уменьшение счетов, мы обнаружили, что два следующих счета пропорционально не уменьшились; причина, я полагаю, в том, что люди так опрометчиво бросились навстречу опасности, отбросив все свои прежние предосторожности и осторожность, а также всю робость, которую они привыкли проявлять, полагаясь на то, что болезнь их не настигнет — или что, если это произойдет, они не умрут.

Врачи изо всех сил противодействовали этому бездумному настрою людей и раздали печатные инструкции, распространив их по всему городу и пригородам, советуя людям оставаться сдержанными и проявлять максимальную осторожность в своем обычном поведении, несмотря на уменьшение чумы, пугая их опасностью вызвать рецидив по всему городу и рассказывая им, что такой рецидив может быть более фатальным и опасным, чем все уже имевшее место посещение; приводя множество аргументов и причин, объясняющих и доказывающих им эту часть, и которые слишком длинны, чтобы повторять их здесь.

Но все это было напрасно; дерзкие создания были так охвачены первой радостью и так удивлены удовлетворением от того, что еженедельные счета значительно уменьшились, что их не испугали никакие новые ужасы, и их можно было убедить только в том, что горечь смерти миновала; и разговаривать с ними было так же бессмысленно, как с восточным ветром; но они открывали лавки, ходили по улицам, вели дела и беседовали со всеми, кто попадался им на пути, по делу или без, не спрашивая ни об их здоровье, ни о том, как они себя чувствуют. настолько, что опасались какой-либо исходящей от них опасности, хотя и знали, что они небезопасны.

Это неосмотрительное, опрометчивое поведение стоило жизни очень многим людям, которые с большой осторожностью заперлись и держались, так сказать, в стороне от всего человечества и благодаря этому, по Божьему провидению, пережили весь разгар этой заразы.

Я говорю, что это опрометчивое и глупое поведение народа зашло так далеко, что министры, наконец, обратили на него внимание и объяснили им всю его глупость и опасность; и это немного сдержало его, так что они стали более осторожными. Но это возымело другой эффект, который они не могли проверить; поскольку первый слух распространился не только по городу, но и по всей стране, он возымел тот же эффект: и люди так устали от долгого отсутствия в Лондоне и так стремились вернуться, что они стекались в город без страха и предвидения и начали появляться на улицах, как будто вся опасность миновала. Это было действительно удивительно видеть, потому что, хотя по-прежнему умирало от 1000 до 1800 человек в неделю, все же люди стекались в город, как будто все было хорошо.

Следствием этого стало то, что счета снова выросли на 400 в первую неделю ноября; и если я могу верить врачам, на той неделе заболело более 3000 человек, большинство из которых тоже были новичками.

Некий Джон Кок, цирюльник из Сен-Мартен-ле-Гран, был выдающимся примером этого; я имею в виду поспешное возвращение людей, когда чума утихла. Этот Джон Кок покинул город со всей своей семьей, запер свой дом и уехал за город, как и многие другие; и, обнаружив, что в ноябре эпидемия чумы настолько уменьшилась, что от всех болезней умирало не более 905 человек в неделю, он отважился вернуться домой. В его семье было десять человек, то есть он сам с женой, пятеро детей, два подмастерья и служанка. Он вернулся в свой дом не больше недели назад и начал открывать свою лавку и заниматься своим ремеслом, но в его семье разразилась болезнь, и примерно через пять дней все они умерли, кроме одного; то есть он сам, его жена, все его пятеро детей и двое подмастерьев; и только служанка осталась в живых.

Но милость Божья к остальным была больше, чем у нас были основания ожидать; ибо пагубность (как я уже сказал) чумы была исчерпана, зараза иссякла, а также быстро установилась зимняя погода, и воздух стал чистым и холодным, с резкими заморозками; и это продолжало усиливаться, большинство заболевших выздоровели, и здоровье города начало возвращаться. Действительно, даже в декабре были некоторые возвраты чумы, и счета выросли почти до сотни; но это снова прошло, и так что вскоре все начало возвращаться в свое русло. И чудесно было видеть, каким густонаселенным внезапно снова стал город, так что посторонний человек не смог бы пропустить потерянные цифры. Не было недостатка у жителей и в их жилищах — пустующих домов было мало или их вообще не было видно, а если и были, то недостатка в жильцах для них не было.

Хотел бы я сказать, что по мере того, как у города появлялось новое лицо, менялись и манеры людей. Я не сомневаюсь, что многие сохранили искреннее чувство своего освобождения и были искренне благодарны той Суверенной Руке, которая защитила их в столь опасное время; было бы очень жестоко судить иначе в таком густонаселенном городе, где люди были такими набожными, какими они были здесь во время самого посещения; но за исключением того, что из этого можно было найти в конкретных семьях и лицах, следует признать, что общая практика людей была такой же, как и раньше, и можно было увидеть очень мало различий.

Некоторые, действительно, говорили, что дела обстоят хуже; что с этого самого времени нравственность людей упала; что люди, ожесточенные опасностью, в которой они находились, подобно морякам после шторма, стали более злыми и глупыми, более смелыми и ожесточенными в своих пороках и безнравственности, чем были раньше; но я тоже не буду заходить так далеко. Потребовалась бы немалая история, чтобы описать все градации, по которым ход событий в этом городе снова восстановился и пошел своим чередом, как это было раньше.

Теперь некоторые части Англии были заражены так же сильно, как и Лондон; теперь были посещены города Норвич, Питерборо, Линкольн, Колчестер и другие места; и магистраты Лондона начали устанавливать правила для нашего поведения в соответствии с этими городами. Это правда, что мы не могли претендовать на то, чтобы запретить их людям приезжать в Лондон, потому что было невозможно узнать их по отдельности; поэтому после долгих консультаций лорд-мэр и Суд олдерменов были вынуждены отказаться от этого. Все, что они могли сделать, это предупредить людей, чтобы они не принимали гостей в своих домах и не разговаривали с людьми, которые, как они знали, были родом из таких зараженных мест.

Но с таким же успехом они могли бы разговаривать с воздухом, потому что жители Лондона теперь считали себя настолько свободными от чумы, что не обращали внимания ни на какие предостережения; казалось, они зависели от того, что воздух восстановился и что воздух был подобен человеку, переболевшему оспой, который не способен заразиться снова. Это возродило представление о том, что инфекция витает в воздухе, что не существует такой вещи, как передача инфекции от больных людей звуку; и эта причуда настолько сильно распространилась среди людей, что они беспорядочно бегали все вместе, больные и здоровые. Магометане, которые, руководствуясь принципом предопределения, не ценят заразы, будь она что будет, не могли бы быть более упрямыми, чем жители Лондона; они, которые были совершенно здоровы и вышли в город из целебного воздуха, как мы это называем, в сити, не придавали значения тому, чтобы находиться в одних домах и комнатах, более того, даже в одних постелях с теми, кто был поражен хворью и не выздоровел.

Некоторые, действительно, заплатили за свою дерзкую смелость ценой своей жизни; заболело бесконечное число людей, и у врачей было больше работы, чем когда-либо, с той лишь разницей, что выздоравливало больше их пациентов; то есть они в целом выздоравливали, но, безусловно, сейчас инфицированных и заболевших было больше, когда умирало не более тысячи или тысячи двухсот человек в неделю, чем тогда, когда умирало пять или шесть тысяч в неделю, настолько небрежно относились люди в то время к большому и опасному заболеванию здоровьем и инфекцией, и настолько плохо они могли переносить или принять совет тех, кто предостерегал их ради их же блага.

Люди, таким образом, возвращаются, как это было, в общем-то, было очень странно обнаружить, что в их расспрашивал своих друзей, некоторые целыми семьями были так полностью сметены, что не были ни памяти о них не осталось, и не было никого, чтобы его нашли, чтобы овладеть и показать любое название, что мало они ушли; ибо в таких случаях, что должно было быть найдено вообще был разворован, и украденное, некоторые ушли в одну сторону, некоторые в другую.

Поговаривали, что такое брошенное имущество перешло к королю как всеобщему наследнику; на что нам говорят, и я полагаю, что это отчасти правда, что король предоставил все это, как и

деоданды, лорд-мэру и Суду олдерменов Лондона, для использования бедняками, которых было очень много. Ибо следует заметить, что, хотя во время свирепой эпидемии чумы поводов для оказания помощи и объектов бедствия было гораздо больше, чем сейчас, после того как все закончилось, все же бедность бедных была сейчас еще более велика, чем тогда, потому что все каналы всеобщей благотворительности были теперь закрыты. Люди полагали, что главное событие закончилось, и поэтому остановили свои руки; в то время как отдельные предметы все еще были в движении, и горе тех, кто был беден, было действительно очень велико.

Хотя здоровье города теперь в значительной степени восстановилось, внешняя торговля все еще не пришла в движение, и иностранцы долгое время не допускали наши корабли в свои порты. Что касается голландцев, то недоразумения между нашим двором и ними годом ранее переросли в войну, так что наша торговля в этом направлении была полностью прервана; но Испания и Португалия, Италия и Берберия, а также Гамбург и все порты на Балтике, все они долгое время стеснялись нас и не возобновляли торговлю с нами в течение многих месяцев.

Из-за смуты, охватившей такое множество людей, как я заметил, многие, если не все отдаленные приходы были вынуждены создавать новые места для захоронений, помимо тех, что я упомянул на Банхилл Филдс, некоторые из которых были продолжены и используются по сей день. Но другие были оставлены, и (о которых, признаюсь, я упоминаю с некоторым размышлением), будучи переделанными для других целей или надстроены впоследствии, мертвые тела были потревожены, над ними надругались, их снова выкопали, некоторые даже до того, как их плоть отделилась от костей, и убрали, как навоз или мусор, в другие места. Ниже приведены некоторые из тех, которые попали в поле моего зрения:

(1) Участок земли за Госуэлл-стрит, недалеко от Маунт-Милл, являющийся остатками старых линий или укреплений города, где беспорядочно хоронили людей из приходов Олдерсгейт, Клеркенуэлл и даже за пределами города. Эта земля, как я понимаю, с тех пор была превращена в физический сад, и после этого на ней были построены постройки.

(2) Участок земли прямо над Черной Канавой, как ее тогда называли, в конце Холлоуэй-лейн, в приходе Шордич. С тех пор здесь был устроен двор для содержания свиней и для других обычных целей, но в качестве места захоронения он совершенно вышел из употребления.

(3) Верхний конец Хэнд-элли на Бишопсгейт-стрит, который тогда был зеленым полем, и был выбран специально для прихода Бишопсгейт, хотя многие повозки из города привозили туда своих мертвецов, особенно из прихода Св. Всех Святых на Стене. Я не могу упоминать об этом месте без особого сожаления. Насколько я помню, примерно через два или три года после прекращения эпидемии сэр Роберт Клейтон вступил во владение этой землей. Сообщалось, насколько это верно, я не знаю, что она перешла к королю из-за отсутствия наследников, всех тех, кто имел на нее какое-либо право, унесла эпидемия, и что сэр Роберт Клейтон получил ее в дар от короля Карла II. Но как бы он ни добрался до нее, несомненно, что эта земля была освобождена для строительства по его приказу. Первым домом, построенным на нем, был большой красивый дом, сохранившийся до сих пор, выходящий окнами на улицу, которая теперь называется Хэнд-Элли, которая, хотя и называется переулком, такая же широкая, как улица. Дома в том же ряду, что и тот дом к северу, построены на той же самой земле, где были похоронены бедняки, и тела, когда вскрыли землю для фундаментов, были выкопаны, причем некоторые из них оставались настолько хорошо различимыми, что черепа женщин выделялись длинными волосами, а у других плоть была не совсем истлевшей; так что люди начали громко

протестовать против этого, а некоторые предположили, что это может угрожать возвращением заразы; после чего кости и тела, как только они до них добрались, были перенесены в другую часть той же земли. и бросили все вместе в глубокую яму, вырытую специально, которая теперь известна тем, что она не застроена, а представляет собой проход к другому дому в верхнем конце Розовой аллеи, прямо против дверей молитвенного дома, который был построен там много лет назад; и земля отгорожена частоколом от остальной части прохода, на небольшом квадрате; там лежат кости и останки почти двух тысяч тел, которые за один год были перевезены на телегах для захоронения мертвых.

(4) Кроме этого, в Мурфилдсе был участок земли, выходящий на улицу, которая теперь называется Старый Бетлем, который был значительно расширен, хотя и не полностью заселен в тот же день.

[Примечание. Автор этого дневника похоронен в этой самой земле по своему собственному желанию, поскольку его сестра была похоронена там несколькими годами ранее.]

(5) Приход Степни, простирающийся от восточной части Лондона на север, даже до самого края кладбища Шордич, отвел участок земли для захоронения своих умерших недалеко от указанного кладбища, и который именно по этой причине был оставлен открытым, и с тех пор, я полагаю, отнесен к тому же кладбищу. И у них были также два других места захоронения в Спитлфилдсе, одно, где с тех пор была построена часовня или дарохранительница для удобства этого большого прихода, и другое на Петтикоут-лейн.

В то время в приходе Степни использовалось не менее пяти других земель: одна, где сейчас стоит приходская церковь Святого Павла в Шедуэлле, а другая, где сейчас стоит приходская церковь Святого Иоанна в Уоппинге, обе в то время не имели названий приходов, но принадлежали приходу Степни.

Я мог бы назвать еще много других, но те, что были мне известны, как мне показалось, послужили поводом для их записи. В целом, можно заметить, что в это тяжелое время они были вынуждены отыскивать новые места для захоронений в большинстве отдаленных приходов для захоронения огромного количества людей, умерших за столь короткий промежуток времени; но почему не были приняты меры для того, чтобы эти места были отделены от обычных мест использования, чтобы тела могли покоиться нетронутыми, я не могу ответить, и должен признаться, я думаю, что это было неправильно. Кто был виноват, я не знаю.

Мне следовало бы упомянуть, что в то время у квакеров было также отдельное место для захоронения, которым они пользуются до сих пор; и у них также была особая телега для перевозки мертвых из их домов; а у знаменитого Соломонова Орла, который, как я упоминал ранее, предсказал чуму как страшный суд и бегал голым по улицам, говоря людям, что она пришла на них в наказание за их грехи, его собственная жена умерла на следующий же день от чумы, и его одним из первых повезли в телеге для перевозки трупов квакеров в больницу. их новое место захоронения.

Я мог бы дополнить этот отчет многими более примечательными событиями, произошедшими во время заражения, и особенно тем, что происходило между лорд-мэром и Судом, который тогда находился в Оксфорде, и какие указания время от времени получали от правительства относительно их поведения в этом критическом случае. Но на самом деле Двор так мало заботился о себе, и то немногое, что они делали, имело столь незначительное значение, что я

не вижу особого смысла упоминать здесь о какой-либо части этого: за исключением установления ежемесячного поста в городе и отправки королевской милостыни на помощь бедным, о чем я упоминал ранее.

Велик был упрек тем врачам, которые бросили своих пациентов во время болезни, а теперь, когда они снова приехали в город, никто не позаботился нанять их. Их называли дезертирами, и часто на их дверях вывешивали объявления с надписью 'Вот врач, которого можно впустить', так что некоторые из этих врачей были вынуждены некоторое время посидеть спокойно и осмотреться или, по крайней мере, снять жилье и поселиться в новых местах среди новых знакомых. То же самое было и с духовенством, к которому люди действительно относились очень оскорбительно, писали стихи и скандальные размышления о них, вывешивали на церковных дверях надпись "Вот кафедра, которую можно сдать в аренду", или иногда "продается", что было еще хуже.

Не последним из наших несчастий было то, что с нашей инфекцией, когда она прекратилась, не утих дух раздора, клеветы и поношения, который раньше действительно был главным нарушителем спокойствия в стране. Говорили, что это остатки старой вражды, которая так недавно вовлекла всех нас в кровопролитие и беспорядки. Но поскольку недавний Акт о возмещении ущерба заглушил саму ссору, правительство рекомендовало всей нации сохранять семейный и личный мир при любых обстоятельствах.

Но этого нельзя было добиться; и особенно после прекращения чумы в Лондоне, когда любой, кто видел, в каком состоянии были люди, и как они ласкали друг друга в то время, обещал проявлять больше милосердия в будущем и больше не вызывать упреков; Я говорю, любой, кто видел их тогда, подумал бы, что они, наконец, объединились с другим духом. Но, повторяю, этого нельзя было добиться. Ссора продолжалась; Церковь и пресвитериане были несовместимы. Как только чума была устранена, несогласные свергнутые служители, которые занимали кафедры, покинутые занимающими их должностными лицами, ушли в отставку; они не могли ожидать ничего другого, кроме как немедленно обрушиться на них и преследовать их своими уголовными законами, принимать их проповеди, пока они были больны, и преследовать их, как только они снова выздоровеют; это даже мы, принадлежащие к Церкви, считали очень жестоким и ни в коем случае не могли этого одобрить.

Но это было правительство, и мы ничего не могли сказать, чтобы помешать этому; мы могли только сказать, что это не наших рук дело, и мы не могли за это отвечать.

С другой стороны, Раскольники, упрекающие тех служителей Церкви в том, что они уходят и оставляют своих подопечных, бросают людей в опасности, когда они больше всего нуждаются в утешении, и тому подобное: этого мы ни в коем случае не могли одобрить, ибо не у всех людей одинаковая вера и одинаковое мужество, а Писание повелевает нам судить наиболее благосклонно и согласно милосердию.

Чума - грозный враг, вооруженный ужасами, которым не каждый человек достаточно укреплен, чтобы противостоять, или подготовлен противостоять шоку. Совершенно очевидно, что очень многие священнослужители, оказавшиеся в обстоятельствах, вынуждавших это сделать, отступили и бежали, спасая свои жизни; но верно также и то, что очень многие из них остались, и многие из них пали в результате бедствия и при исполнении своего долга.

Это правда, что некоторые из выбывших священников остались, и их мужество заслуживает похвалы и высокой оценки, — но их было не так уж много; нельзя сказать, что все они остались и что никто не уехал в деревню, так же как о церковном духовенстве нельзя сказать, что все они уехали. Также не все те, кто уходил, обходились без замены викариев и других лиц на их местах, чтобы выполнять необходимые обязанности и навещать больных, насколько это было практически возможно; так что, в целом, с обеих сторон можно было бы выделить пожертвования на благотворительность, и мы должны были бы учитывать, что такое время, как это, 1665 год, не имеет аналогов в истории, и что не самое отважное мужество всегда поддержит людей в таких случаях. Я этого не говорил, а скорее предпочел отметить мужество и религиозное рвение тех с обеих сторон, кто рисковал собой ради служения бедным людям в их бедственном положении, не вспоминая о том, что кто-либо из них не выполнил свой долг ни с той, ни с другой стороны. Но недостаток самообладания среди нас сделал необходимым противоположное этому: некоторые оставшиеся не только слишком хвастались собой, но и поносили тех, кто бежал, клеймя их трусостью, оставлением своих стад и ведением себя как наемники, и тому подобное. Я рекомендую всем добрым людям из милосердия оглянуться назад и должным образом поразмыслить над ужасами того времени, и тот, кто сделает это, увидит, что это не обычная сила, которая могла бы поддержать его. Это было не то же самое, что появиться во главе армии или атаковать кавалерийский корпус на поле боя, но это было похоже на атаку самой Смерти на ее бледном коне; остаться означало действительно умереть, и это нельзя было расценивать как нечто меньшее, особенно учитывая, что события развивались в конце августа и начале сентября, и поскольку в то время были основания ожидать их; ибо никто не ожидал, и я осмелюсь сказать, верил, что болезнь примет такой внезапный оборот, как это произошло, и упадет сразу на две тысячи человек в неделю, когда в то время было такое огромное количество заболевших. насколько было известно, так оно и было; а потом многие ушли из-за того, что оставались большую часть времени до этого.

Кроме того, если Бог дал некоторым силы больше, чем другим, было ли это для того, чтобы похвалиться их способностью переносить удары и упрекнуть тех, у кого не было такого же дара и поддержки, или же им следовало скорее быть смиренными и благодарными, если они оказались более полезными, чем их братья?

Я думаю, что это должно быть записано в честь таких людей, а также духовенства, врачей, хирургов, аптекарей, магистратов и должностных лиц всех мастей, а также всех полезных людей, которые рисковали своей жизнью при исполнении своего долга, как, несомненно, и все те, кто остался, делали до последней степени; и некоторые из всех этих людей не только рискнули, но и расстались с жизнью по этому печальному случаю.

Однажды я составлял список всех таких, я имею в виду все те профессии и занятия, которые таким образом погибли, как я это называю, выполняя свой долг; но частный человек не мог прийти к определенности в деталях. Я помню только, что до начала сентября в городе и либертиз погибло шестнадцать священнослужителей, два олдермена, пять врачей, тринадцать хирургов. Но поскольку, как я уже говорил ранее, это великий кризис и крайность распространения инфекции, полного списка быть не может. Что касается низших людей, я думаю, что в двух приходах Степни и Уайтчепела погибло сорок шесть констеблей и старост округов; но я не мог продолжать свой список, потому что, когда на нас обрушилась неистовая сентябрьская чума, это заставило нас отказаться от всех мер. Тогда люди больше не умирали по рассказам и числом. Они могли бы выставять еженедельный счет и называть их на семь или

восемь тысяч, или как им заблагорассудится; несомненно, они умирали кучами и были похоронены кучами, то есть без счета. И если я могу поверить некоторым людям, которые были больше за границей и лучше разбирались в этих вещах, чем я, хотя я был достаточно публичен для человека, у которого было не больше дел, чем у меня, — я скажу, если я могу им поверить, в те первые три недели сентября хоронили ненамного меньше, чем 20 000 человек в неделю. Тем не менее, другие утверждают, что это правда; и все же я предпочитаю держать это в секрете; семи—восемью тысяч в неделю достаточно, чтобы оправдать все, что я сказал об ужасе тех времен; и мне доставляет большое удовлетворение, что пишущие, так же как и читающие, могут сказать, что все изложено умеренно и скорее в рамках компаса, чем за его пределами.

По всем этим причинам, говорю я, я мог бы пожелать, чтобы, когда мы выздоровели, наше поведение отличалось милосердием и добротой в память о прошедшем бедствии, а не тем, чтобы мы ценили себя за смелость остаться, как если бы все люди были трусами, которые убегают от руки Божьей, или чтобы те, кто остаются, иногда не были обязаны своей храбростью своему невежеству и презрению к руке своего Создателя, что является преступным видом отчаяния, а не истинным мужеством.

Я не могу не отметить, что гражданские чиновники, такие как констебли, главы округов, люди лорд-мэра и шерифа, а также приходские чиновники, в чьи обязанности входило заботиться о бедных, выполняли свои обязанности в целом с таким же мужеством, как и все остальные, а возможно, и с большей отвагой, потому что их работа была сопряжена с большим риском и в большей степени касалась бедных, которые были более подвержены заражению и находились в самом плачевном положении, когда их настигала инфекция. Но тогда следует также добавить, что многие из них умерли; на самом деле вряд ли могло быть иначе.

Я не сказал здесь ни слова о лекарствах или препаратах, которыми мы обычно пользовались в этом ужасном случае — я имею в виду нас, которые часто выезжали за границу и в даун-стрит, как я; многое из этого говорилось в книгах и счетах наших врачей-шарлатанов, о которых я уже сказал достаточно. Можно, однако, добавить, что Коллегия врачей ежедневно публиковала несколько препаратов, которые они рассматривали в процессе своей практики и которые, поскольку должны были быть напечатаны, я избегаю их повторения по этой причине.

Одну вещь я не мог не заметить: что случилось с одним из шарлатанов, который опубликовал, что у него есть самое превосходное средство против чумы, которое тот, кто хранит при себе, никогда не должен быть заражен или подвержен заражению. Этот человек, который, как мы можем разумно предположить, не выезжал за границу без этого превосходного консерванта в кармане, все же заболел чумой и через два или три дня был увезен.

Я не принадлежу к числу ненавистников или отщепенцев от медицины; напротив, я часто упоминал, с каким уважением относился к указаниям моего близкого друга доктора Хита; но все же я должен признать, что практически ничем не пользовался - за исключением, как я заметил, того, что держал наготове препарат с сильным запахом на случай, если я встречу что-нибудь с неприятным запахом или подойду слишком близко к месту захоронения или мертвому телу.

Я также не делал того, что, как я знаю, делали некоторые: поддерживал всегда приподнятое настроение горячительными напитками, вином и тому подобными вещами; и к чему, как я

заметил, один ученый врач привык настолько, что не мог отказаться от них, когда инфекция совсем прошла, и так стал наркоманом на всю последующую жизнь.

Я помню, как мой друг доктор обычно говорил, что существует определенный набор лекарств и заготовок, которые, безусловно, хороши и полезны в случае инфекции; из которых или с помощью которых врачи могли бы приготовить бесконечное разнообразие лекарств, подобно тому, как звонари исполняют несколько сотен различных музыкальных раундов, меняя порядок звучания, всего за шесть ударов колокола, и что все эти препараты действительно будут очень хорошими: "Поэтому, - сказал он, - я не удивляюсь, что при нынешнем бедствии предлагается такое огромное количество лекарств, и почти каждый врач прописывает или готовит другое дело, как ему подсказывает его суждение или опыт; но, - говорит мой друг, - пусть будут изучены все рецепты всех врачей Лондона, и окажется, что все они состоят из одних и тех же веществ, с такими вариациями, к которым приводит его особая фантазия врача; так что, - говорит он, - каждый человек, немного разбираясь в своем собственном телосложении, образе жизни и обстоятельствах своего заражения, может выбрать свои собственные лекарства из обычных лекарств и приготовлений. Только то, - говорит он, - что некоторые рекомендуют одно, как наиболее суверенное, а некоторые другое. Некоторые, - говорит он, - думают, что это пилюля. ruff., который сам по себе называется противочумной пилюлей, является лучшим препаратом, который можно приготовить; другие думают, что венецианской патоки достаточно самой по себе, чтобы противостоять заразе; и я, - говорит он, - думаю так же, как и они оба, а именно, что последнюю полезно принимать заранее, чтобы предотвратить ее, а первую, если к ней прикоснуться, чтобы изгнать ее ". Согласно этому мнению, я несколько раз принимал венецианскую патоку и обильно потел на ней, и считал себя настолько укрепленным против инфекции, насколько кто-либо может быть укреплен силой лекарства. .

Что же касается шарлатанства и шулерства, которыми был полон город, то я никого из них не слушал и с тех пор часто с некоторым удивлением замечал, что в течение двух лет после чумы я почти не видел и не слышал ни об одном из них в городе. Некоторые воображали, что все они были сметены инфекцией до единого человека, и называли это особым знаком Божьего мщения им за то, что они вели бедных людей в пропасть гибели просто ради небольшой прибыли, которую они получили от них; но я тоже не могу заходить так далеко. То, что многие из них умерли, несомненно — многие из них были в пределах досягаемости моих собственных знаний, — но в том, что все они были сметены, я сильно сомневаюсь. Я скорее полагаю, что они бежали в страну и испробовали свои методы на тамошних людях, которые опасались заражения до того, как оно распространилось среди них.

Однако можно с уверенностью сказать, что долгое время ни один из них не появлялся в Лондоне или его окрестностях. Было, действительно, несколько врачей, которые опубликовали законопроекты, рекомендуя свои различные физические препараты для очищения организма, как они это называют, после чумы, и необходимые, как они сказали, для приема такими людьми, которые были посещены и вылечились; тогда как я должен признать, я полагаю, что наиболее выдающиеся врачи того времени придерживались мнения, что чума сама по себе была достаточной чисткой, и что те, кто избежал инфекции, не нуждались в лекарствах, чтобы очистить свое тело от каких-либо других вещей; запущенных язв, опухолей и т. Д., Которые были вскрыты и оставались открытыми по указаниям врачей, и которые были устранены. достаточно очистив их; и что все другие недуги и причины недугов были

эффективно устранены таким образом; и поскольку врачи выдавали это за свое мнение, куда бы они ни приходили, шарлатанам было мало дела.

Действительно, после того, как чума пошла на убыль, произошло несколько небольших беспорядков, и были ли они подстроены для того, чтобы напугать и привести в смятение людей, как некоторые предполагали, я не могу сказать, но иногда нам говорили, что к такому-то сроку чума вернется; и знаменитый Соломонов Орел, голый квакер, о котором я упоминал, каждый день предсказывал дурные вести; и несколько других говорили нам, что Лондон подвергся недостаточному бичеванию и что более болезненные удары еще позади. Если бы они остановились на этом или снизошли до подробностей и сказали нам, что город в следующем году будет уничтожен пожаром, тогда, действительно, когда мы увидели, как это произошло, мы не были бы виноваты в том, что проявили больше, чем обычное уважение к их пророческим духам; по крайней мере, мы бы удивились им и были более серьезны в наших расспросах о значении этого и о том, откуда у них было предвидение. Но поскольку они обычно сообщали нам о рецидиве чумы, с тех пор мы не беспокоились о них; однако из-за этих частых криков нас всех постоянно одолевали какие-то опасения; и если кто-то внезапно умирал или если пятнистая лихорадка в какой-либо момент усиливалась, мы немедленно тревожились; гораздо больше, если число заболевших увеличивалось, потому что к концу года всегда было от 200 до 300 случаев чумы. Повторяю, в любом из этих случаев мы снова испытывали тревогу.

Те, кто помнит Лондонский сити до пожара, должны помнить, что тогда не было такого места, которое мы сейчас называем Ньюгейт-маркет, но что посреди улицы, которая сейчас называется Блоублэдбл-стрит, и которая получила свое название от мясников, которые обычно убивали и разделявали там своих овец (и у которых, кажется, был обычай раздувать мясо трубками, чтобы оно выглядело гуще и жирнее, чем было на самом деле, и были наказаны за это лорд-мэром); Я говорю, от конца улицы по направлению к Ньюгейту стояли два длинных ряда развалин. для продажи мяса.

Именно во время этих беспорядков два человека упали замертво, когда покупали мясо, что породило слух о том, что все мясо заражено; который, хотя и мог напугать людей и испортить рынок на два или три дня, однако впоследствии стало ясно, что в этом предположении не было ни капли правды. Но никто не может объяснить одержимость страхом, когда он овладевает умом.

Однако Богу было угодно, чтобы продолжающаяся зимняя погода настолько восстановила здоровье города, что к февралю следующего года мы посчитали, что эпидемия полностью прекратилась, и тогда нас уже не так легко было напугать.

Среди ученых все еще оставался вопрос, который поначалу немного озадачивал людей: каким образом очистить дом и имущество, где побывала чума, и как снова сделать их пригодными для жилья, которые оставались пустыми во время чумы. Врачи прописывали обилие благовоний и препаратов, как одного, так и другого рода, при этом люди, которые их слушали, подвергали себя большим и, по моему мнению, ненужным расходам; и более бедные люди, которые только днем и ночью открывали окна, жгли серу, смолу, порох и тому подобные вещи в своих комнатах, поступали не хуже лучших; более того, энергичные люди, которые, как я сказал выше, возвращались домой в спешке и на любой риск, находили мало неудобств или вообще не испытывали их ни в своих домах, ни в товарах, и мало что с ними сделал или вообще ничего не сделал.

Однако, как правило, благоразумные, осторожные люди принимали некоторые меры по проветриванию и подслащиванию своих домов и сжигали благовония, фимиам, вениамин, розин и серу в своих плотно закрытых комнатах, а затем позволяли воздуху уносить все это взрывом пороха; другие устраивали большие пожары весь день и всю ночь в течение нескольких дней и ночей; по той же причине двое или трое были рады поджечь свои дома и таким образом подслащивали их, сжигая дотла; как, в частности, один случай в Рэтклиффе. , один в Холборне и один в Вестминстере; кроме двух или трех, которые были подожжены, но пожар, к счастью, удалось потушить до того, как он распространился достаточно далеко, чтобы сжечь дотла дома; а слуга одного горожанина, я думаю, это было на Темз-стрит, принес в дом своего хозяина столько пороха, чтобы очистить его от заразы, и проделал это так глупо, что взорвал часть крыши дома. Но еще не пришло то время, когда город должен был быть очищен огнем, и оно было не за горами; ибо еще через девять месяцев я увидел, как все это превратилось в пепел; когда, как утверждают некоторые из наших философов-шарлатанов, семена чумы были полностью уничтожены, и не раньше; идея слишком нелепая, чтобы говорить здесь: поскольку, если бы семена чумы оставались в домах, которые должны были быть уничтожены не иначе, как огнем, как могло случиться, что они с тех пор не вырвались наружу, видя все эти здания в пригородах и либерти, все в больших приходах Степни, Уайтчеппел, Олдгейт, Бишопсгейт, Шордич, Крипплгейт и Сент-Джайлс, куда никогда не добирались пожары и где чума свирепствовала с наибольшей силой, остаются все в том же состоянии, в каком были раньше?

Но чтобы оставить все так, как я нашел, было ясно, что те люди, которые были более чем обычно осторожны в отношении своего здоровья, действительно следовали особым указаниям относительно того, что они называли приправой для своих домов, и по этой причине было израсходовано множество дорогих вещей, которые, я не могу не сказать, не только приправили эти дома, как они того желали, но и наполнили воздух очень приятными и полезными запахами, от которых другие получали долю пользы, а также те, кто за это платил.

И все же, в конце концов, хотя бедняки приехали в город очень поспешно, как я уже говорил, все же я должен сказать, что богатые не торопились с этим. Деловые люди, действительно, приезжали, но многие из них не привозили свои семьи в город до наступления весны, и у них были основания полагаться на то, что чума не вернется.

Двор, действительно, собрался вскоре после Рождества, но знать и джентри, за исключением тех, кто зависел от администрации и имел работу при ней, прибыли не так скоро.

Здесь мне следовало бы обратить внимание на то, что, несмотря на свирепость чумы в Лондоне и в других местах, все же было очень заметно, что она никогда не была на борту флота; и все же в течение некоторого времени в реке и даже на улицах было странное скопление моряков, обслуживающих флот. Но это было в начале года, когда чума только началась и совсем не докатилась до той части города, куда обычно набирают моряков; и хотя война с голландцами в то время совсем не понравилась людям, и моряки шли на службу с некоторой неохотой, и многие жаловались, что их втягивают в нее силой, все же в конечном итоге это оказалось счастливым насильем для некоторых из них, которые, вероятно, погибли во время общего бедствия и которые после окончания летней службы, хотя у них и были причины сокрушаться. опустошение их семей — многие из которых, когда они вернулись, лежали в могилах, — и все же у них было место быть благодарными за то, что их вынесли из пределов досягаемости этого, хотя

и во многом против их воли. В том году у нас действительно была горячая война с голландцами и одно очень крупное сражение на море, в котором голландцы потерпели поражение, но мы потеряли очень много людей и несколько кораблей. Но, как я заметил, чумы на флоте не было, и когда они пришли ставить корабли в реке, буйство стихло.

Я был бы рад, если бы мог завершить рассказ об этом печальном году некоторыми конкретными историческими примерами; я имею в виду благодарность Богу, нашему хранителю, за то, что мы были избавлены от этого ужасного бедствия. Конечно, обстоятельства освобождения, а также ужасный враг, от которого мы были избавлены, требовали этого от всей нации. Обстоятельства освобождения были действительно очень примечательными, как я уже частично упоминал, и особенно ужасное состояние, в котором мы все находились, когда, к удивлению всего города, нас обрадовали надеждой на прекращение инфекции.

Ничто, кроме непосредственного перста Божьего, ничто, кроме всемогущей силы, не могло бы этого сделать. Зараза презирала все лекарства; смерть свирепствовала в каждом углу; и если бы так продолжалось и дальше, еще несколько недель очистили бы город от всего, что имело душу. Люди повсюду начали впадать в отчаяние; каждое сердце замирало от страха; люди были доведены до отчаяния душевными муками, и ужас смерти читался на самих лицах людей.

В тот самый момент, когда мы вполне могли бы сказать: "Напрасна была помощь человека", — я говорю, в тот самый момент Богу было угодно, с самым приятным удивлением, утихомирить ярость болезни, даже саму по себе; и злокачественность уменьшилась, как я уже говорил, хотя заболело бесконечное количество людей, еще меньше умерло, и счет за первые недели сократился на 1843; поистине огромное число!

Невозможно передать перемену, которая произошла в самих лицах людей в тот четверг утром, когда вышел еженедельный счет. По их лицам можно было догадаться, что на лицах у всех было тайное удивление и радостная улыбка. Они пожимали друг другу руки на улицах, которые раньше вряд ли шли друг с другом по одной стороне дороги. Там, где улицы были не слишком широкими, они открывали окна и звонили из одного дома в другой, спрашивая, как у них дела и слышали ли они хорошие новости о том, что чума утихла. Некоторые возвращались, сообщая хорошие новости, и спрашивали: 'Какие хорошие новости?' и когда им отвечали, что чума утихла и счета уменьшились почти на две тысячи, они восклицали: 'Хвала Богу!' - и громко плакали от радости, говоря, что ничего об этом не слышали; и такова была радость людей, что для них это было как бы возвращением из могилы. Я мог бы перечислить почти столько же экстравагантных поступков, совершенных ими от избытка радости, сколько и от горя; но это уменьшило бы их ценность.

Я должен признаться, что сам был очень удручен незадолго до того, как это произошло; ибо огромное количество заболевших за неделю или две до этого, помимо тех, кто умер, было таково, и всюду слышались такие громкие стенания, что человек, должно быть, действовал даже вопреки своему рассудку, если бы он хотя бы надеялся спастись; и поскольку во всей моей округе не было ни одного дома, кроме моего, который не был бы заражен, так что, если бы так продолжалось и дальше, прошло бы совсем немного времени, прежде чем заразились бы еще какие-нибудь соседи. В самом деле, едва ли можно поверить в то, какой ужасный хаос произвели последние три недели, ибо, если я могу верить человеку, чьи расчеты я всегда находил очень обоснованными, за те три недели, о которых я говорю, погибло не менее 30 000

человек и около 100 000 заболели; ибо число заболевших было удивительным, поистине поразительным, и те, чье мужество поддерживало их все это время, теперь пали жертвой этого.

В разгар их бедствия, когда состояние лондонского сити было столь поистине катастрофическим, именно тогда Богу было угодно — так сказать, Его непосредственной рукой — обезоружить этого врага; яд был извлечен из жала. Это было чудесно; даже сами врачи были удивлены этому. Куда бы они ни приходили, они находили своих пациентов лучше; либо они хорошо пропотели, либо опухоли были спущены, либо карбункулы сошли, а воспаления вокруг них изменили цвет, или лихорадка прошла, или сильная головная боль утихла, или у пациента был какой-нибудь хороший симптом; так что через несколько дней все выздоравливали, целые семьи, которые были инфицированы и лежали в отключке, с которыми молились служители и которые ежечасно ожидали смерти, были оживлены и исцелены, и из них вообще никто не умер.

И это не было результатом открытия какого-либо нового лекарства, или нового метода лечения, или какого-либо опыта в операции, которого достигли врачи или хирурги; но, очевидно, тайная невидимая рука Бога изначально наслала на нас эту болезнь как приговор; и пусть атеистическая часть человечества называет мои слова как им заблагорассудится, это не энтузиазм; в то время это признавало все человечество. Болезнь ослабла, а ее вредоносность иссякла; и пусть она исходит откуда угодно, пусть философы ищут причины в природе, объясняющие ее, и трудятся столько, сколько захотят, чтобы уменьшить свой долг перед Создателем, те врачи, в которых была хоть малейшая доля религии, были вынуждены признать, что все это сверхъестественно, что это экстраординарно и что никакого объяснения этому дать нельзя.

Если бы я сказал, что это явный призыв ко всем нам к благодарности, особенно к нам, которые были в ужасе от ее возрастания, возможно, некоторые, после того, как поняли смысл происходящего, сочли бы это назойливым искажением религиозных вещей, произнесением проповеди вместо написания истории, назначением себя учителем вместо того, чтобы делиться своими наблюдениями за вещами; и это очень сильно удерживает меня от продолжения здесь, что я мог бы сделать в противном случае. Но если десять прокаженных были исцелены, и только один вернулся, чтобы возблагодарить, я хочу быть таким же, как этот, и быть благодарным за себя.

И я не стану отрицать, но в то время было множество людей, которые, судя по всему, были очень благодарны; ибо их рты были заткнуты, даже рты тех, чьи сердца не слишком долго были затронуты этим. Но в то время это впечатление было настолько сильным, что ему не могли сопротивляться; нет, не худшие из людей.

Было обычным делом встречать на улице незнакомых людей, о которых мы вообще ничего не знали, выражающих свое удивление. Проходя однажды через Олдгейт, где проходило довольно много людей, из конца Минори выходит мужчина и, посмотрев немного вверх и вниз по улице, разводит руками: 'Господи, какая здесь перемена! Ну, на прошлой неделе я приезжал сюда, и почти никого не было видно.' Другой мужчина — я слышал его — добавляет к своим словам: 'Все это чудесно; это все сон'. 'Благословен Бог, - говорит третий мужчина, - и давайте возблагодарим Его за то, что все это Он сделал сам, человеческая помощь и человеческое мастерство подошли к концу'. Все они были чужими друг другу. Но подобные приветствия были

часты на улицах каждый день; и, несмотря на распущенное поведение, самые простые люди ходили по улицам, вознося Богу благодарность за свое избавление.

Теперь, как я уже говорил, люди отбросили все опасения, и это произошло слишком быстро; на самом деле, теперь мы больше не боялись проходить мимо человека в белой шапочке на голове, или с повязкой на шее, или с прихрамывающей ногой, вызванной язвами в паху, - все это было ужасно до последней степени, но неделю назад. Но теперь улица была полна их, и эти бедные выздоравливающие создания, отдадим им должное, казались очень довольными своим неожиданным избавлением; и я был бы очень несправедлив к ним, если бы не признал, что, по-моему, многие из них были действительно благодарны. Но я должен признать, что для большинства людей о них можно было бы с полным основанием сказать то же, что было сказано о детях Израиля после их освобождения из воинства фараона, когда они перешли Красное море и, оглянувшись назад, увидели египтян, утопающих в воде, а именно, что они пели Ему хвалу, но вскоре забыли о Его делах.

Здесь я больше не могу идти. Меня сочли бы осуждающим и, возможно, несправедливым, если бы я взялся за неприятную работу по размышлению, какова бы ни была причина для этого, о неблагодарности и возвращении всевозможного зла среди нас, свидетелем которого я сам был. Поэтому я завершу рассказ об этом катастрофическом году моей собственной грубой, но искренней строфой, которую я поместил в конце моих обычных записок в тот же год, когда они были написаны:

В шестьдесят пятом году в Лондоне была
страшная чума,
унесшая сто тысяч душ
, но я жив!

Х. Ф.

КОНЕЦ